ЮРИЙ ЕСИН

ТАЙНА БОГОВ ДРЕВНЕЙ СТЕПИ

Редактор

доктор исторических наук Е.Г. Дэвлет Redactor of English text K. Swendseid-Ang

Исследование выполнено в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности России»

Рецензенты доктор исторических наук О.С. Советова кандидат исторических наук Д.В. Черемисин

Есин Ю. Н. Тайна богов древней степи. — Красноярск: Поликор, 2009. — 184 с.: ил.

Степи в южной части бассейна р. Енисей — древняя и удивительная земля. Одной из ее загадок являются каменные стелы-мегалиты с разнообразными высокохудожественными изображениями, возраст которых около 4000 лет. Время сгладило линии рисунков, отдельные детали навсегда утрачены, но стоит взглянуть на них при косых лучах света, особенно на рассвете или закате, и вашему ошеломленному взору предстанут подлинные древние шедевры — загадочные, наделенные фантастическими чертами лица богов уже не существующего мира...

Esin Yu. N. Mystery of the Ancient Steppe Gods. — Krasnoyarsk: Polikor, 2009. — 184 p.

The steppes of the southern Yenisei river basin are ancient and remarkable lands. Among its puzzling mysteries are megalithic stelae replete with highly artistic images about 4000 years old. Time has smoothed the lines of the drawings, with certain details lost forever, but it is worth observing them in the slanting rays of sunlight particularly at dawn or sunset. In your astonishment, the original ancient masterpieces will arise — mysterious, with the fantastic facial features of gods from a world that no longer exists.....

© Юрий Есин, 2009

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	4
СТЕПНОЙ ФЕНОМЕН	12
ДРЕВНИЕ СКУЛЬПТОРЫ И ХУДОЖНИКИ	30
КАК СОЗДАВАЛИСЬ СТЕЛЫ	56
ЭВОЛЮЦИЯ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОГО СТИЛЯ	66
МИФЫ В КАМНЕ	84
СОЛНЦЕ И ЗМЕИ	104
СИМВОЛ МИРОВОГО ПОРЯДКА И МИФИЧЕСКИЙ ХИЩНИК	114
РИТУАЛЬНАЯ ФУНКЦИЯ ОКУНЕВСКИХ СТЕЛ	132
ОКУНЕВСКОЕ ИСКУССТВО В ИСТОРИИ ЕВРАЗИИ	144
ВЕЧНЫЕ КАМНИ	156
MYSTERY OF THE ANCIENT STEPPE GODS	165

Удивительна летом хакасская степь. Воздух наполнен ароматами пряного разнотравья. Десятки оттенков зеленого и желтого гармонично сочетаются с белыми, синими, розовыми красками степных цветов. Где-то высоко, под самым куполом бескрайнего неба бесшумно парит орел. Долины соседствуют с невысокими горами с красноватыми или светло-серыми скальными выходами, часто поросшими хвойным лесом. В жаркий день прохладу дарят многочисленные озера и реки. К осени почти незаметно степная палитра меняет свои тона на золотистые, придающие пространству еще больше глубины и какой-то особой роскоши. Но не только этим запоминаются здешние просторы.

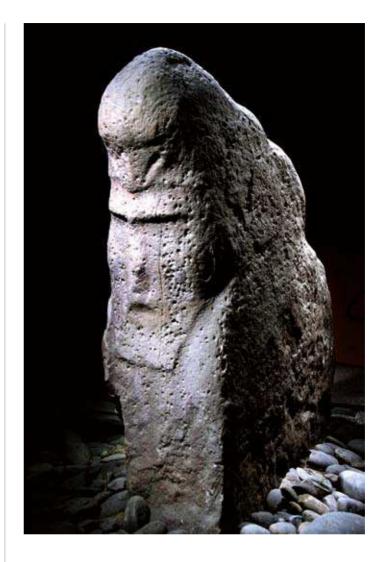

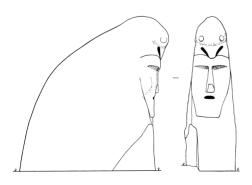
Стела с изображением лика божества из ограды кургана тагарской археологической культуры на перевале между долинами рек Тея и Таштып. Коричневый песчаник, 195 х 70 х 35 см.

Стела с головой птицы над человеческим лицом из окрестностей улуса Бельтыры. Коричневый песчаник, $90 \times 90 \times 20$ см.

Stela with a deity face from a kurgan enclosure dated to the Tagar archaeological culture and located on a pass between the valleys of the Teya and Tashtyp rivers. Brown sandstone, $195 \times 70 \times 35$ cm.

Stela with a bird's head above a human face, Beltyry district. Brown sandstone, $90 \times 90 \times 20$ cm.

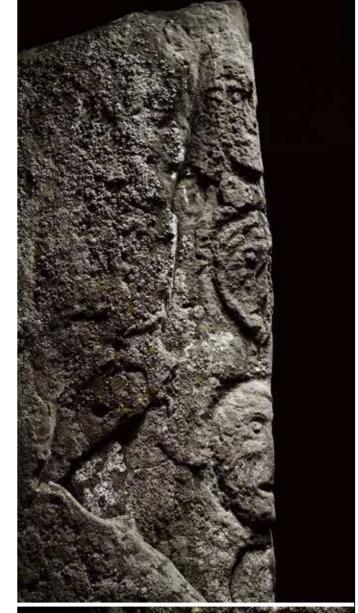

Такой же неотъемлемой частью ландшафта стали стоящие во многих местах по всей степи камни. Все они когда-то были воздвигнуты человеком и отмечают различные ритуальные сооружения — захоронения, святилища, места поминовения предков. Эти сооружения с крупными камнями, которые в Европе называют одним общим словом «мегалиты» (от греческого megas — большой и lithos — камень), создавались здесь различными народами на протяжении 3 тысяч лет! Появившись на заре бронзового века, мегалитическая традиция исчезла в Хакасии лишь в конце I тысячелетия нашей эры, успев за это время навсегда изменить степной пейзаж. Благодаря ей древняя культура Хакасии стала зримой частью современности.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Стела эпохи бронзы, переиспользованная в ограде кургана тагарской культуры возле улуса Бельтыры. На ее вертикальном ребре выбиты три реалистичных лика. На широкой стороне камня в тагарское время изображены схематичные человеческие фигуры. Коричневый песчаник, 182 х 100 х 19 см.

Bronze Age stela reused in a kurgan enclosure from the Tagar culture near Beltyry district. Three realistic faces are engraved on its vertical edge. On the broadest side of the stone, schematic human figures are represented and date to the Tagar period. Brown sandstone, $182 \times 100 \times 19$ cm

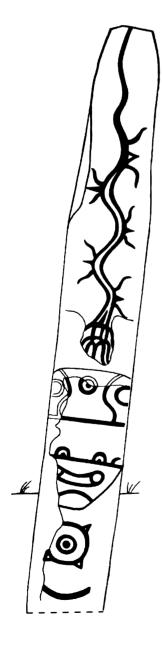

Стела с оз. Кызылкуль, переиспользованная в ограде средневекового кургана. На ее узкой вертикальной грани выбиты изображения лика яйцевидной формы, фантастической змеи и знака в виде круга с четырьмя треугольными лучами. Коричневый песчаник, 245 x 80 x 35 см.

Лик древнего божества на гранитной стеле с р. Ниня.

Stela from lake Kyzyl kul reused in an enclosure of a medieval period kurgan. Engraved on its narrow vertical side are representations of a visage, egg–shaped in form, a fantastic snake, and a rayed circle symbol with four triangular rays. Brown sandstone, 245 x 80 x 35 cm.

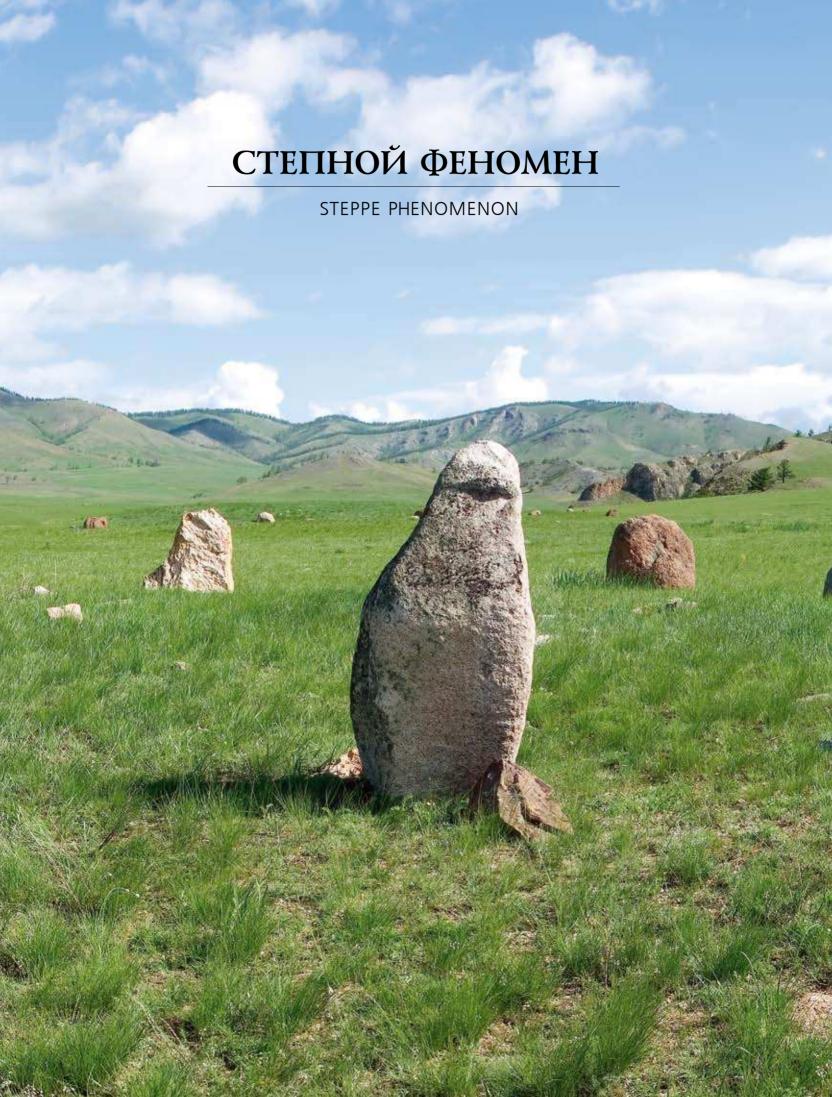
Face of an ancient deity on a granite stela, Ninya river.

Среди многочисленных мегалитов хакасских степей выделяется одна очень ранняя и совершенно особая группа — тщательно обработанные стелы с выбитыми изображениями. Простояв тысячи лет в степи и испытав на себе воздействие ветров, дождей и перепадов температур, они, порой, утратили отдельные детали. Подчас, при обычном освещении, изображения едва прослеживаются. Но стоит взглянуть на них при косых лучах солнца, особенно на рассвете или закате, и вашему ошеломленному взору предстанут подлинные древние шедевры. С каждой стелы на вас будут смотреть загадочные, часто нереальные лица. Вы начнете пристально вглядываться в эти таинственные образы и поймете, что оказались в мире, населенном языческими богами.

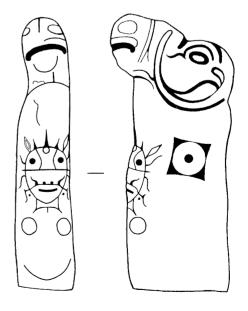

Стела из окрестностей улуса Вехнебиджинский. На вершине скульптурно изображена голова барана с большими закрученными рогами и поперечными линиями на морде. В средней части камня — трехглазый яйцевидный лик, поделенный поперечными линиями на три яруса. Ниже расположены женская грудь и выпуклый живот. Красновато-коричневый песчаник, 150 х 55 х 32 см.

Stela, Verkhnebidzhinskiy district. At the top there is a sculptural image of a ram's head with large twisted horns and cross–section lines on the muzzle. On the middle of the stone there is a three–eyed, egg–shaped face parceled by cross–section lines into three layers. Located below the image are a female torso and a convex stomach. Reddish brown sandstone, $150 \times 55 \times 32$ cm

Хакасия — земля, имеющая долгую и богатую историю. Вместе с южными районами Красноярского края она занимает территорию Минусинской котловины в верхней части бассейна р. Енисей. В природном отношении эта земля является частью Саяно-Алтайской горной страны, северо-восточной окраиной Центральной Азии. Окружающие котловину хребты Западного и Восточного Саяна, Кузнецкого Алатау, связавшие ее с соседними регионами, одновременно отгородили от них. Таким образом, географическое положение уже с глубокой древности обусловило тесную связь культурного развития Хакасии с историческими процессами на центрально-азиатских просторах, но оно же определило выбор своего исторического пути, привело к формированию здесь особых традиций.

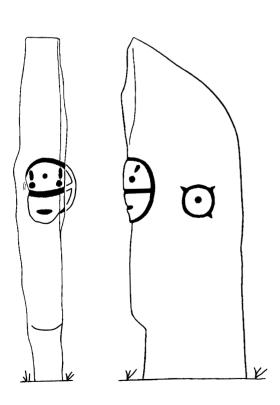

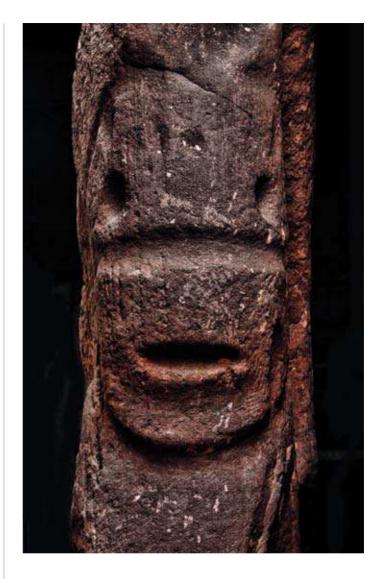

Стела с устья р. Камышта. В середине камня расположен лик божества раннеокуневского типа. Нижняя часть стелы напоминает схематично переданное человеческое туловище с выпуклым животом. Коричнево-серый песчаник, 250 х 85 х 30 см.

Stela, mouth of the Kamyshta river. In the middle of the stone is a deity's face of the early Okunev type. The lower portion of the stela resembles a human body conveyed schematically with a convex stomach. Browngrey sandstone, $250 \times 85 \times 30$ cm.

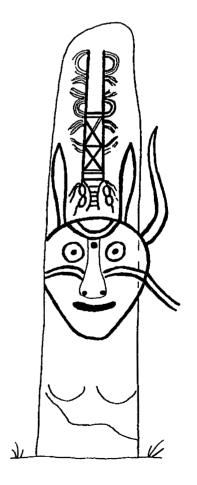
Одной из таких традиций стало наскальное искусство. Случилось так, что на протяжении нескольких тысячелетий населявшие Минусинскую котловину люди, используя выбивку, гравировку, краску, наносили изображения на скальные обнажения гор и создаваемые специально каменные стелы. Такому расцвету искусства на камне способствовало обилие и легкодоступность обнажений различных горных пород, среди которых особенно распространен и эффектен красноватого цвета песчаник. Этот край настолько богат памятниками древнего искусства, что по праву может называться художественной галереей под открытым небом. Центральное место в этой галерее, без сомнения, принадлежит тем самым каменным стелам, или как их еще называют — изваяниям, отнесенным исследователями к окуневской археологической культуре эпохи бронзы.

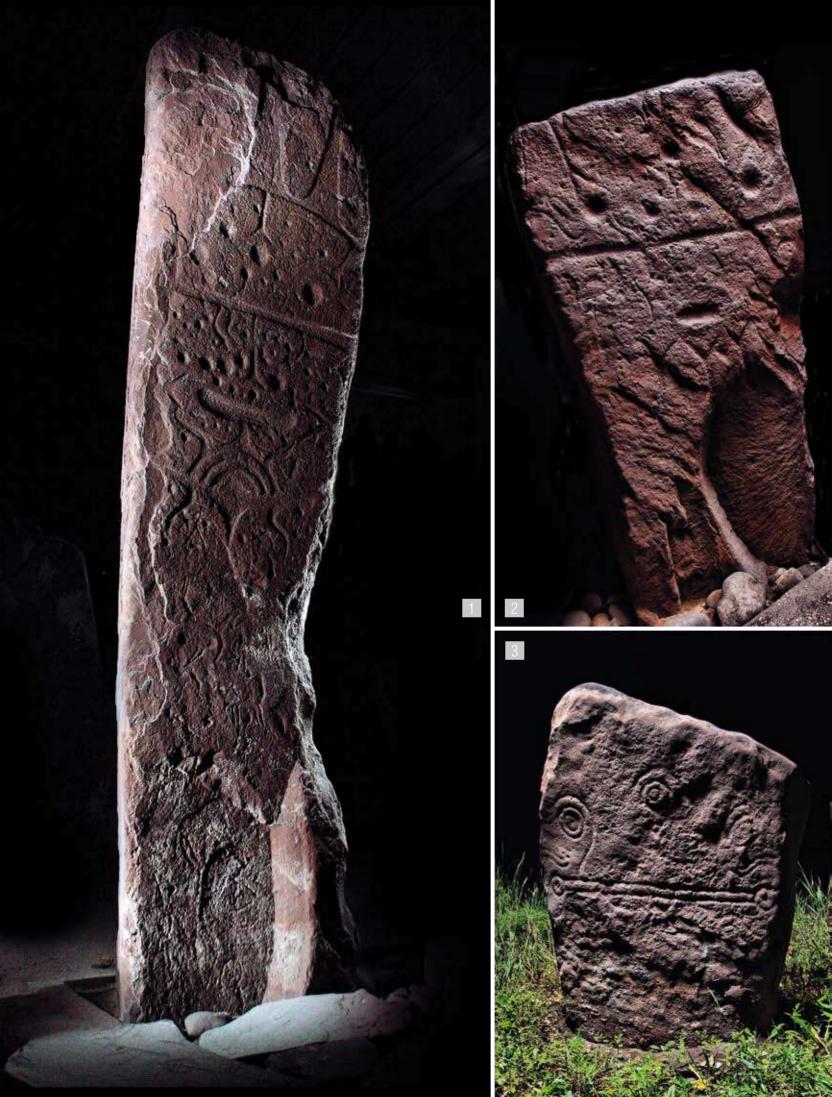
Стела Хыс тас с оз. Черное. В середине камня на его узкой грани изображен лик божества яйцевидной формы. Ниже него высечена женская грудь и «беременный» живот. На голове божества показаны большие рога быка и два наконечника копья. Между ними расположена вертикальная фигура в виде столпа со схематичной головой рогатого хищника на нижнем конце. Красновато-коричневый песчаник, 270 х 80 х 40 см.

Stela Khystas («Stone girl»), lake Chernoe. Depicted on the narrow edge of the middle of the stone is a deity's face, egg-shaped in form. Below this, female breasts and a «pregnant» stomach were sculpted. Depicted on the head of the deity are large bovine horns and two spear tips. Between them is a vertical figure in the form of a pillar with the schematic head of a horned predator on the lower end. Reddish brown sandstone. 270 x 80 x 40 cm.

Мегалиты с изображениями есть не только в Хакасии. В разное время они создавались и в других регионах мира. Наибольшую известность, пожалуй, получили каменные идолы острова Пасха, включенные Организацией по образованию, науке и культуре Объединенных Наций (ЮНЕСКО) в список культурного наследия человечества. Но при этом можно отметить, что по выразительности, сложности и разнообразию высеченных в камне образов многие изваяния хакасских степей превосходят монументы острова в Тихом океане, да к тому же древнее их более чем на 3000 лет.

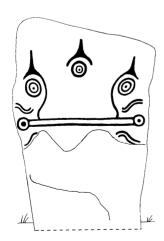
- Стела из окрестностей улуса Палганов. Основное изображение представлено большим трехглазым ликом. Красновато–коричневый песчаник. 369 х 90 х 30 см.
- Стела с устья р. Тея. На широкой стороне плиты изображен трехглазый лик божества без контура. Коричневый песчаник, 90 х 60 х 35 см.
- 3. Стела из долины р. Камышта. Изображение лика на широкой стороне камня представляет собой еще один вариант воплощения того же образа, что представлен на стеле с устья р. Тея. Красновато-коричневый песчаник, 160 х 80 х 15 см.

Фрагмент утраченной ныне стелы с р. Малая Есь по рисунку 1890 г. Красновато-коричневый песчаник, высота 140 см.

- 1. Stela, Palganov district. The fundamental representation is of a large three–eyed visage. Reddish brown sandstone, $369 \times 90 \times 30$ cm.
- 2. Stela, mouth of the Teya river. A three-eyed deity's face, uncontoured, is represented on the slab's broad side. Brown sandstone, 90 x 60 x 35cm
- 3. Stela, Kamyshta river valley. On the broad side of the stone, the facial image is another variant of the image represented on the stela from the mouth of the Teya river. Reddish brown sandstone, 160 x 80 x 15 cm

Fragment of stela from Malaya Es river, was lost, drawing of 1890. Reddish brown sandstone, height 140 cm.

В чем же уникальность каменных стел древней Хакасии? Чтобы ответить на этот вопрос, нужно рассмотреть их более детально. Сразу бросается в глаза, что здешние стелы очень разнообразны. Самые простые представляют собой каменную плиту с изображениями, нанесенными на широкой стороне. Второй тип стел — это плиты и столбообразные камни, основные изображения и композиционная ось которых расположены на узкой вертикальной грани. Многим из них присуща сложная ярусная композиция, объемность исполнения ведущих образов. Как правило, в их средней части расположена голова человека, разделенная поперечными линиями на ярусы. Три больших круга на месте глаз, рога и уши быка, другие элементы придают ей какой-то нереальный, фантастический вид. Это впечатление еще более усиливает устрашающая раскрытая пасть хищного зверя с длинными клыками и высунутым языком, показанная у некоторых из стел на месте груди божества. Выше лика находится рисунок извивающейся рогатой змеи. Композицию может дополнять еще одна голова человека либо голова барана с большими, сильно закрученными рогами, высеченная на вершине камня. Иногда все эти изображения воспринимаются как части единого антропоморфного существа в особом ритуальном костюме и высоком конусовидном головном уборе, а иногда — как вполне самостоятельные персонажи. Кроме того, восприятие изображений на стеле меняется в зависимости от точки ее обзора — анфас или в профиль.

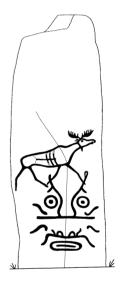
Наряду с такими памятниками существовали стелы с другим, но тоже весьма выразительным способом использования изобразительной поверхности. Элементы человеческого лица размещались у них на двух соседних плоских гранях, разделенных вертикальным ребром камня. В результате, являясь целостным изображением, лицо одновременно распадалось на два отдельных профиля. И хотя каждый профиль выполнен на плоскости, лик в целом становится объемным. Довольно эффектна серия стел в виде скульптурного изображения полной фигуры барана или хищного зверя. Большой интерес представляют находки камней яйцевидной формы. На них, практически во всю высоту, изображались антропоморфные лики. Это делает их похожими на человеческую голову. Помимо монументальных произведений существовали аналогичные или близкие по форме и композиции переносные предметы небольших размеров.

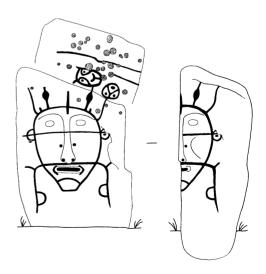
Стела с ручья Сартыгой. Правая и левая половины сложного лика без контура занимают две соседние плоские грани и симметричны относительно вертикального ребра камня. Позднее над ликом выбита фигура бегущего лося. Серый гранит, 190 x 40 x 30 см.

Стела из окрестностей улуса Патанков. Реалистичный человеческий лик расположен на двух соседних плоских гранях камня, а его нос — на вертикальном ребре между ними. Такое использование естественного рельефа камня сделало образ объемным и более выразительным. Красновато-коричневый песчаник, 140 x 45 x 40 см.

Stela from Sartygoi stream. The right and left halves of a complex face, uncontoured, occupy two adjacent flat sides and are symmetrical relative to the vertical edge of the stone. A later figure of a running elk was engraved above the face. Grey granite, 190 x 40 x 30 cm.

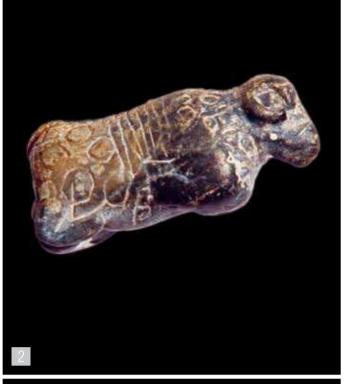
Stela, Patankov district. A realistic human face is located on two adjacent flat sides of a stone, and its nose is on the vertical edge between them. Such use of the natural relief of stone has resulted in a more voluminous and expressive image. Reddish brown sandstone, 140 x 45 x 40 cm.

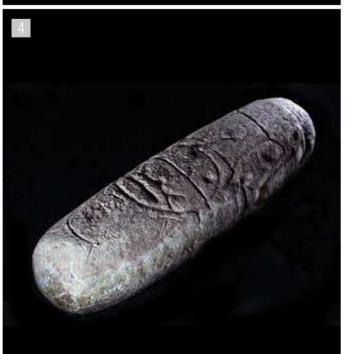

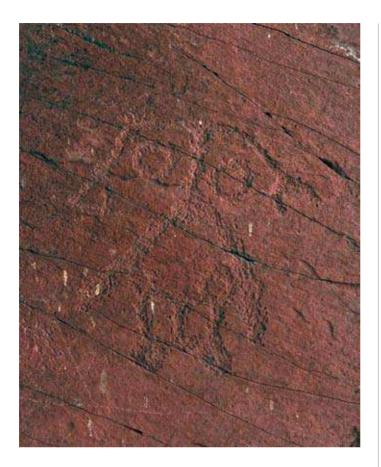

- 1. Скульптурное изображение барана с заимки Майдашинской. Красновато-коричневый песчаник, 130 x 75 x 20 см.
- 2. Миниатюрное изображение лежащего барана с подогнутыми ногами. Каждый рог показан в виде окружности, в центре которой имеется выпуклый кружок. На туловище животного прочерчены поперечные линии («ребра») и большое количество кружков. Параллели такому оформлению туловища имеются среди изображений быков на скалах Тывы и Алтая. Возможно, кружки символизируют небесный характер образа и исходящее от него сияние. Скульптура использовалась в качестве подвески. Размер 3 x 1,4 x 1,2 см, вес 6,3 грамма.
- 3. Скульптурное изображение яйцевидной формы с р. Уйбат. Изображен антропоморфный лик с двумя ртами. Один рот с двумя парами клыков показан по контуру. Другой, выбитый силуэтно, расположен внутри контурного. Изделие использовалось в качестве терочника. Серый гранит, 30 x 20 см.
- 4. Скульптура фаллической формы из окрестностей с. Устинкино. На камне вырезаны антропоморфные лики и знаки в виде круга с четырьмя лучами. Желобки рисунков прокрашены красной краской. Скульптура использовалась в качестве терочника. Серый камень, 44 x 14 см.
- 1. Sculptural image of a ram, Maidashinskaya settlement. Reddish brown sandstone, 130 x 75 x 20 cm.
- 2. Miniature image of a recumbent ram with legs turned in. Each horn is shown in the form of a circle, in the centre of which is a convex circle. On the trunk of the animal are cross–section lines («ribs») and a considerable quantity of circles. Parallels to such a formation of a trunk occur among the images of bulls on cliffs in Tuva and the Altai. Possibly, the circles symbolize the celestial character of the image along with the radiant light emitting from it. The sculpture was used as a pendant. Dimensions, 3 x 1.4 x 1.2 cm, weight 6.3 grams.
- 3. Sculptural representation, egg–shaped in form, the Uibat river. Represented is an anthropomorphic face with two mouths. One of the mouths with two pairs of claws is shown in contour. The other mouth was carved in silhouette and is located inside the contoured mouth. The object was used as a grinder. Grey granite, $30 \times 20 \text{ cm}$
- 4. Sculpture in phallic form, Ustinkino district. Engraved on the stone are anthropomorphic faces and a rayed circle symbol. The outlines of the drawings are painted red. The sculpture was used as a grinder. Grey stone, 44×14 cm.

Если попытаться описать феномен окуневского наскального искусства, то необходимо, прежде всего, отметить следующие особенности:

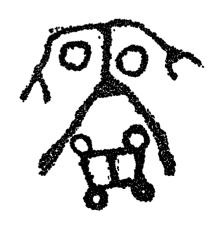
- сложность внутренней структуры изображений и богатство самого изобразительного языка, выделяющегося широким набором изобразительных элементов и четкими правилами их сочетания;
- постоянное совмещение в одном изображении элементов, передающих разные объекты, несовместимые с точки зрения формальной логики (например, изображение головы зверя вместо человеческого туловища, изображение тела змеи вместо древка копья и т.п.), что обеспечивает возможность нескольких его объяснений и делает процесс понимания подобным разгадыванию загадки;
- использование широкого набора приемов пространственных построений, многие из которых противоречат принятым сегодня законам перспективы;
- удивительная вариативность изображений, когда практически каждый рисунок в чем-то индивидуален;
- высокая техника обработки камня, и умение создавать очень выразительные и пластичные образы как на плоскости, так и в объеме.

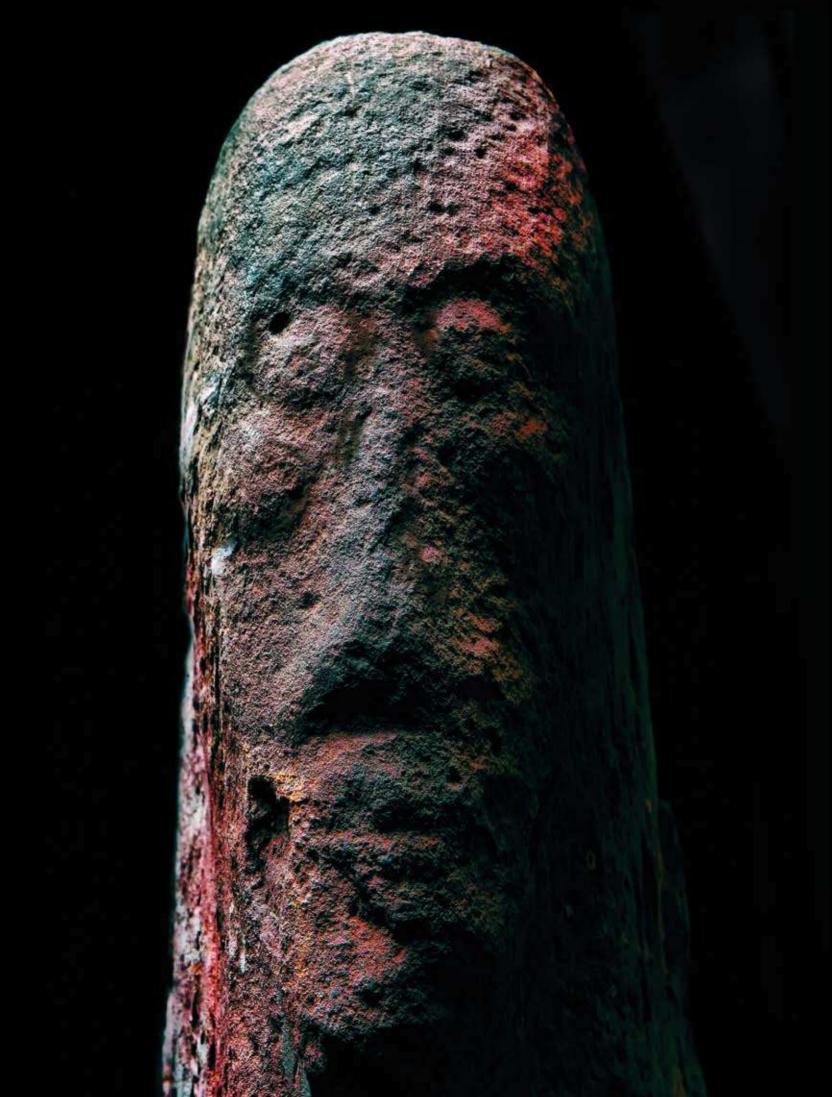
Изображение-загадка с южного склона горы Тепсей. С одной стороны оно напоминает человеческую фигуру без головы на повозке. Повозкас перегородкой внутри кузова изображенав плане, а колеса—как при виде в профиль. Руки фигуры заканчиваются схематичным изображением раскрытой пасти змеи. Отождествление кисти руки и змеиной пасти указывает на смертоносность прикосновения персонажа. С другой стороны это же изображение ассоциируется с одним из типов антропоморфных ликов окуневского искусства, вместо рта которого показана повозка. Отождествление повозки со ртом — органом для уничтожения и проглатывания — раскрывает ее осмысление как средства перемещения в потусторонний мир. Красновато-коричневый песчаник, 20 х 19 см.

Голова божества на вершине стелы из окрестностей станции Аскиз.

Image-riddle, southern slope of Tepsei mountain. From one side it resembles a human figure, headless and on a cart. The cart, with a partition inside the carriage, is represented in plan while the wheels are represented in profile. The hands of the figure terminate in schematic images of an open-mouthed snake. The identification of the tip of a hand with a snake's mouth might indicate the mortality incumbent upon the touch of such a personage. From the other side, the same image associates with one type of anthropomorphic face in Okunev art, where instead of a mouth, a cart is shown. The identification of a vehicle with a mouth — the organ of destruction and swallowing — reveals its meaning as transformative vehicle to the other world. Reddish brown sandstone, 20 x 19 cm.

Head of a deity at the top of a stela. Askiz station...

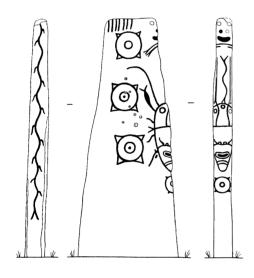

Стела из окрестностей с. Кавказское. На фотографии 1910 г. ее изучение проводит известный исследователь наскального искусства Енисея И.Т. Савенков (на переднем плане). В середине узкой лицевой грани стелы изображен рогатый яйцевидный антропоморфный лик, поделенный горизонтальными линиями на три яруса. Еще один лик, но другого типа, изображен на вершине камня. Между этими образами расположено вертикальное схематичное изображение змеи. Схематичное изображение змеи выбито также на задней грани стелы. На боковых сторонах — три знака в виде круга с четырьмя треугольными лучами. Красновато-коричневый песчаник, 220 х 75 х 20 см.

Stela, Kavkazskoe district. In this 1910 photograph, the stela is studied by the well–known researcher of Yenisei petroglyphic art, I.T. Savenkov (in the foreground). Represented in the middle of narrow front side of the stela is a horned, egg–shaped anthropomorphic face divided by horizontal lines into three layers. One further face is represented at the top of the stone, but is of a different type. Located between these images is a vertical schematic image of a snake. The schematic image of a snake had also been engraved on the back of stela. On the sides are three symbols of the circle with four triangular rays. Reddish brown sandstone, 220 x 75 x 20 cm.

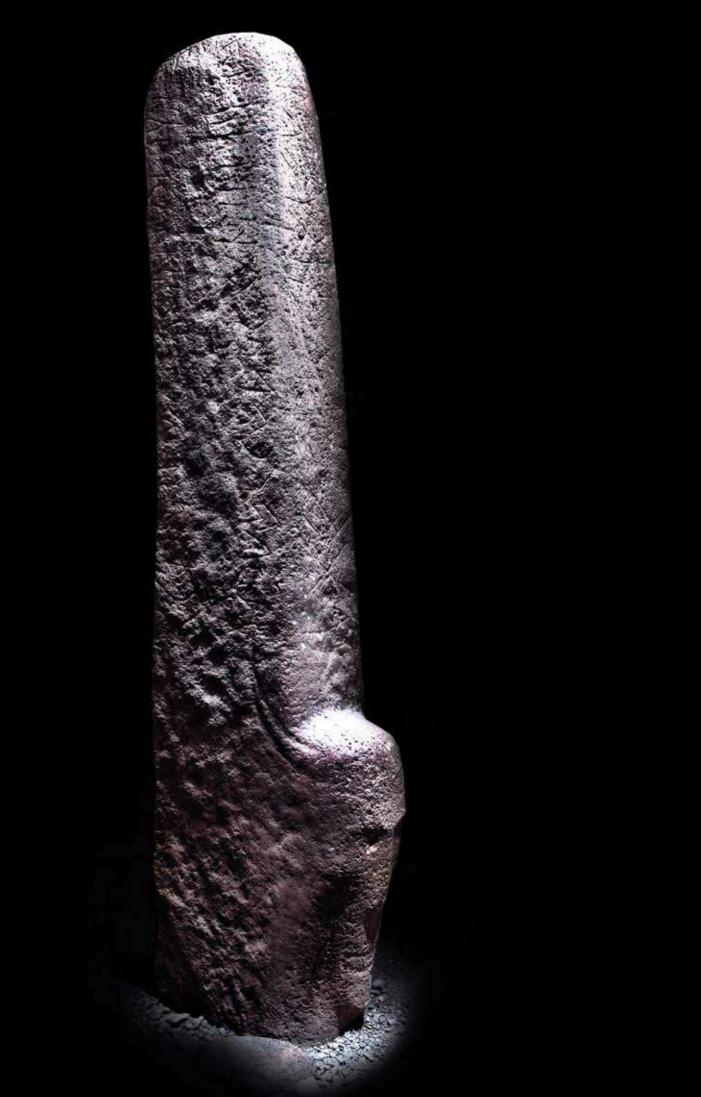

Еще одной важной особенностью окуневского наскального искусства является само число связанных с ним памятников. Например, одних только каменных стел и плит с изображениями в настоящее время, по прошествии около четырех тысяч лет, известно около 500. Нет сомнений, что это лишь небольшая часть былого их количества. Вероятно, за время существования этой изобразительной традиции было создано как минимум несколько тысяч каменных стел. Многие стелы и плиты использовались для нанесения изображений по нескольку раз. Все это значительно выделяет окуневское искусство на фоне других изобразительных традиций Центральной и Северной Азии в эпоху бронзы. Необычайно большие затраты времени и сил, направлявшиеся древним обществом на создание изображений, были обусловлены их особой ролью в жизни населения Минусинской котловины.

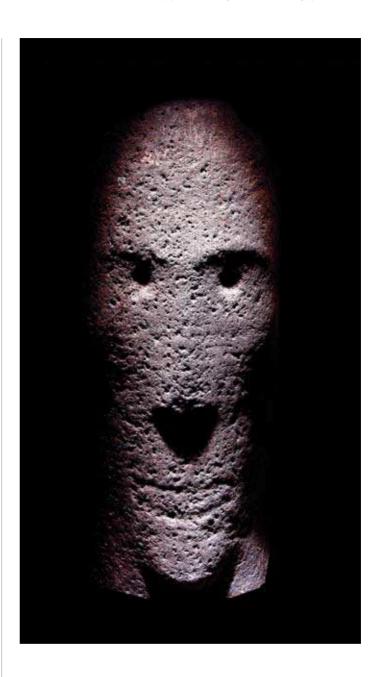

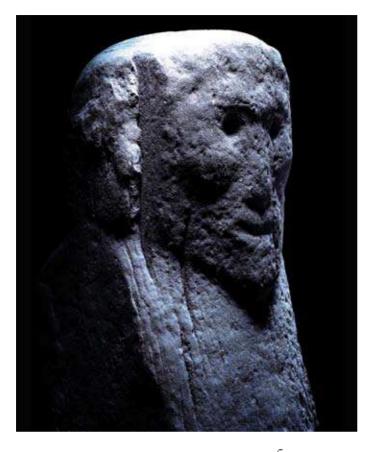
Стела с реалистичным ликом европеоидного облика из окрестностей улуса Чарков. Глаза изображены округлыми ямками под рельефными бровями, что позволяло добиться большей выразительности взгляда за счет игры света и тельности взгляда за счет игры света и тельности взгляда за счет игры света и тельности всема и кладисти. Красноватокоричневый песчаник, 220 х 50 х 25 см.

Stela with a realistic face, europid in type, Charkov district. The eyes are represented as round pits under relief eyebrows which allows for greater expression through a play of light and shade. In the medieval period, the stela was inscribed with a runic inscription. Reddish brown sandstone, $220 \times 50 \times 25$ cm.

Более четырех тысяч лет назад, во второй половине III тыс. до н.э., на территории Минусинской котловины появились новые люди. Скорее всего, на эту спрятанную за горными хребтами благодатную землю они пришли с Алтая, хотя параллели их искусству можно найти еще дальше — в полосе горно-степных и полупустынных районов Центральной Азии. В ту далекую эпоху на территории Хакасии жили племена скотоводов европеоидного типа, связанных с афанасьевской археологической культурой, и охотники-рыболовы монголоидного облика. Как свидетельствуют исследова-

ния антропологов, новое население тоже было европеоидным, но отличалось от афанасьевцев. Отличалась и стратегия его поведения. Если афанасьевцы держались довольно изолированно, отчужденно, и длительное время сохраняли в чистоте свой антропологический тип, то новые мигранты сразу начали брать в жены девушек из разных местных племен. Закономерным результатом такого процесса явилось формирование смешанного антропологического типа, который у «классических» окуневцев сочетает европеоидные и монголоидные черты, как у современных коренных жителей региона¹. Так сложилась новая культура, которой было суждено оставить большой след в древней истории Хакасии. Именно этот народ заселил здешние степи своими каменными богами.

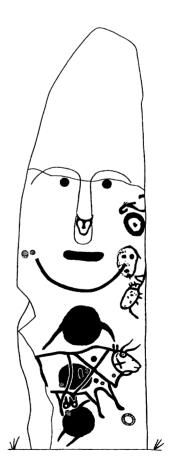
Современное название этих людей — «окуневцы» — появилось лишь в XX веке. Оно не является самоназванием, и, как это принято в археологии, было дано по одному из первых мест раскопок их погребений. Волею случая этим местом оказались окрестности ныне не существующего улуса Окунев на левобережье р. Абакан (окраина современной столицы Республики Хакасия). Раскопки там еще в 1928 г. провел известный археолог Сергей Александрович Теплоухов. Как особое явление в

Верхняя часть стелы с реалистичным изображением человеческой головы. Глаза показаны округлыми ямками, рельефно выделены скулы, нос. Возможно, скульптура отражает признаки смешанного антропологического типа. Стела найдена переиспользованной на средневековом могильнике на р. Ниня. Серый песчаник, 180 х 45 х 25 см.

Стела с крупным реалистичным ликом европеоидного облика из окрестностей улуса Трошкин. Глаза изображены округлыми ямками под рельефными бровями. Верхняя часть стелы имеет форму высокого конусовидного головного убора. На носу позднее выбит маленький лик с контуром сердцевидной формы. В нижней частелы телы нанесена крупная фигура тучного быка с антропоморфным ликом на крупе. Этот лик ориентирован горизонтально и состоит из косого креста, двух глаз и рта. Серый гранит, 140 x 68 см.

Upper part of a stela with a realistic image of a human head. The eyes are round pits, and the cheekbones and nose are in relief. The sculpture possibly reflects characteristics of a mixed anthropological type. The stela was found reused in a medieval period burial on the Ninya river. Grev sandstone. 180 x 45x 25 cm.

Stela with a significant realistic face, europid in type, Troshkin district. The eyes are represented as round pits under relief eyebrows. The upper part of the stela is in the form of a high conical headdress. On the nose, a later engraving of a small face in heart shaped contour occurs. On the lower part of the stela, a significant figure of a corpulent bull was depicted as well as an anthropomorphic face on its croup. The face is oriented horizontally and consists of a slanting cross, two eyes and a mouth. Grey granite, $140 \times 68 \ cm.$

истории Минусинской котловины окуневская культура была выделена в начале 1960-х гг. археологом из Ленинграда Глебом Алексеевичем Максименковым. Это произошло после исследования в 1962-1963 гг. сразу нескольких однотипных курганов в устье р. Черновая, попадавших в зону затопления водохранилища строившейся Красноярской ГЭС². Принадлежность к той же окуневской культуре каменных стел, уже давно открытых в разных частях котловины, обосновала Эльга Борисовна Вадецкая. Она провела их сравнительный анализ с рисунками на плитах и миниатюрных изделиях из кости и камня, найденных в окуневских курганах, и пришла к выводу о единстве изобразительного языка³. С тех пор все памятники искусства, связанные с этой культурой, тоже стали называть окуневскими.

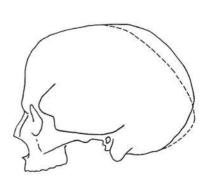
Как сам себя именовал этот народ, мы, очевидно, уже никогда не узнаем. Такая же загадка — язык, на котором говорили эти люди. И все же целый ряд особенностей их культуры и облика благодаря археологическим материалам можно восстановить даже спустя четыре тысячи лет. Дошедшие до нас произведения искусства, несмотря на наделение нереальными чертами, несомненную художественную переработку и стилизацию, позволяют наглядно представить, как могли выглядеть тогдашние жители. Показательно, что в образах окунев-

Реконструкция облика женщины, проживавшей в долине Енисея в эпоху, предшествовавшую окуневской миграции. Предположительно, такой же как у нее антропологический тип имело монголоидное население, ставшее субстратным компонентом окуневской культуры. Реконструкция выполнена известным российским антропологом М. М. Герасимовым.

Сравнение искусственно измененной формы затылочной части черепов окуневцев из могильника Черновая VIII (пунктирная линия) с естественной формой этой части головы (сплошная линия).

Reconstructed appearance of a woman who lived in the Yenisei river valley in the epoch preceding Okunev migration. Presumably the same anthropological type, as presented by the woman, came from the mongolid population which became a substratum component of Okunev culture. The reconstruction was carried out by the well–known Russian anthropologist M. M. Gerasimov.

Comparison of an artificially manipulated skull, with the affected occipital region (indicated by a dashed line) from the Okunev burial at Chernovaya VIII, and a naturally formed skull of the same cranial region (indicated by a continuous line).

Лицо окуневского мужчины, восстановленное по черепу из погребения у с. Бельтыры. Реконструкция выполнена известным российским антропологом М. М. Герасимовым.

Череп подростка из окуневского могильника Лебяжье с реконструкцией раскраски на лицевой части. Красной краской на лице симметрично были нанесены две вертикальные дуги, выгнутые к носу, и кружок на лбу.

Аналоги раскраске на черепе среди изображений ликов окуневских божеств на скале у с. Бельтыры.

Restored face of an Okunev man based on a skull from a burial near the Beltyry district. The reconstruction was carried out by the well-known Russian anthropologist M. M. Gerasimov.

Skull of an adolescent from the Okunev burial Lebyazhie with reconstructed coloration on the front. Two vertical arches curving to the nose and a circle on the forehead had been applied symmetrically with red paint on the face.

Analogous coloration on a skull among representations of Okunev deity faces. Beltyry district

ских божеств на стелах и в мелкой пластике нашел отражение и европеоидный, и смешанный антропологический тип, что соответствует выводам антропологов.

Интересно, что окуневский погребальный обряд и искусство демонстрируют какое-то особое отношение к человеческой голове, своего рода «культ» головы. Например, у некоторых умерших голову перед похоронами отделяли для каких-то ритуальных целей. Других умерших, напротив, сопровождают по нескольку черепов без нижней челюсти. Вдобавок к этому, у окуневцев, подобно некоторым древним народам, существовала практика искусственной деформации формы черепа, уменьшавшая его высоту в области затылка. Скорее всего, такие манипуляции проводили еще в детстве с помощью прикрепления к затылочно-теменной области головы ребенка дощечки и мешочков с песком4. Облик человека с деформированной формой головы запечатлен в некоторых окуневских скульптурных изображениях. Возможно, целью деформации было приблизить форму головы к сакральной для окуневцев яйцевидной форме. Впечатление об особом отношении к голове подкрепляет традиция изображать на классических окуневских стелах именно голову без туловища. Более того, изображение головы можно назвать центральной темой окуневского искусства, представленной

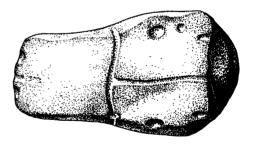
на сотнях стел и других типах памятников. В художественной разработке именно этой темы окуневские скульпторы и художники достигли наиболее впечатляющих результатов, органично соединив глубокий символизм с потрясающей выразительностью образов. Любопытно, что на лицевой части некоторых черепов из окуневских погребений зафиксированы следы раскраски, аналогичной линиям на лицах богов со стел, а значит, уподобляющей человека божеству. У одного из черепов сохранился отчетливый кружок на лбу, расположение которого не только совпадает с «третьим глазом» ликов на стелах, но и напоминает лобный знак жителей Индии, традиция наносить который восходит там к глубокой древности.

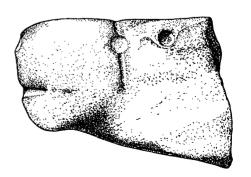
Главным направлением хозяйства окуневцев было скотоводство с преобладанием разведения крупного рогатого скота. Изображения тучных длиннорогих быков-производителей, поджарых коров и волов типичны для окуневского искусства. Черепа их реальных прототипов обнаружены археологами в жертвенных ямах на культовом месте, располагавшемся на вершине невысокой сопки на окраине современного г. Минусинска⁵. Элементы изображений многих животных свидетельствуют, что в ритуальных целях их морда и туловище могли расписываться краской, подобно лицам некоторых людей. Кроме крупного рогатого скота в стаде имелись овцы и лошади. Важную роль в жизни окуневцев имела также охота, о чем свидетельствуют амулеты из зубов, когтей и костей диких животных и птиц. Существенным подспорьем в хозяйстве было рыСкульптурное изображение головы лошади из улуса Тугужеков. Вероятно, отбито от верхней части стелы. Серый песчаник, 52 х 35 х 30 см

Фрагмент большой стелы из могильника Черновая VIII. Виден глаз божества, нанесенный плотной точечной выбивкой по первона чальному эскизу из тонких резных линий, и следы его окрашивания. Позднее изображена фигура вола с петлей в носу и тремя рогами на голове

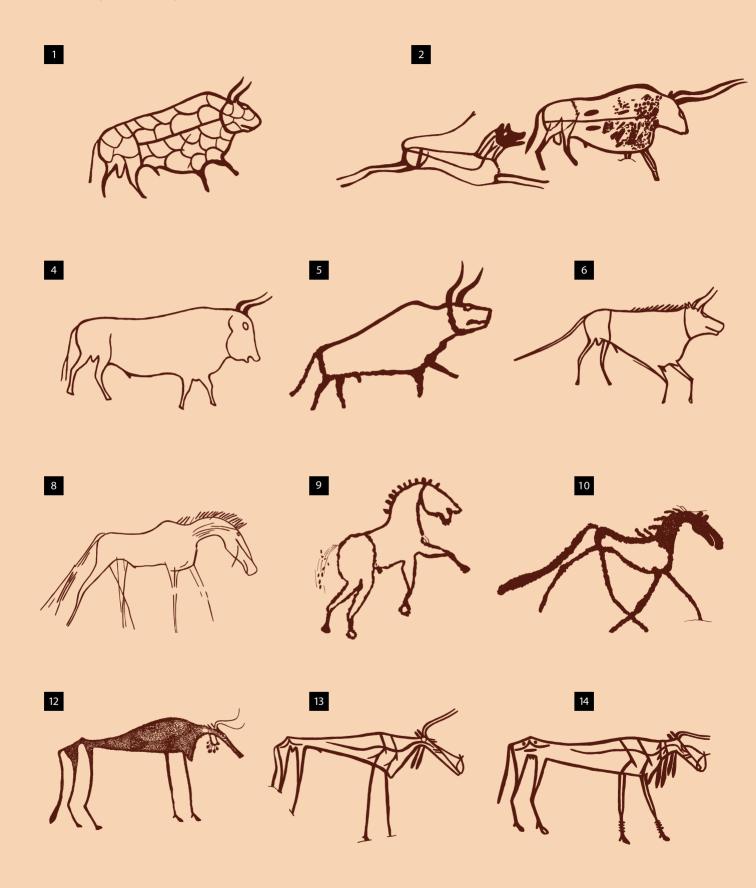
Sculptural image of a horse head, Tuguzhekov district. It had been probably removed from the upper part of a stela. Grey sandstone, $52 \times 35 \times 30 \text{ cm}$

Fragment of a large stela, Chernovaya VIII burial. An eye of the deity is visible and was done by densely pitting an initial sketch of thin carved lines followed by coloration. Represented later on the stone is the figure of an ox with a loop in its nose and three horns on its head.

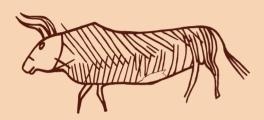

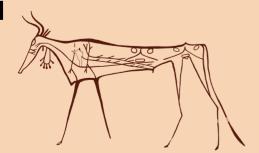

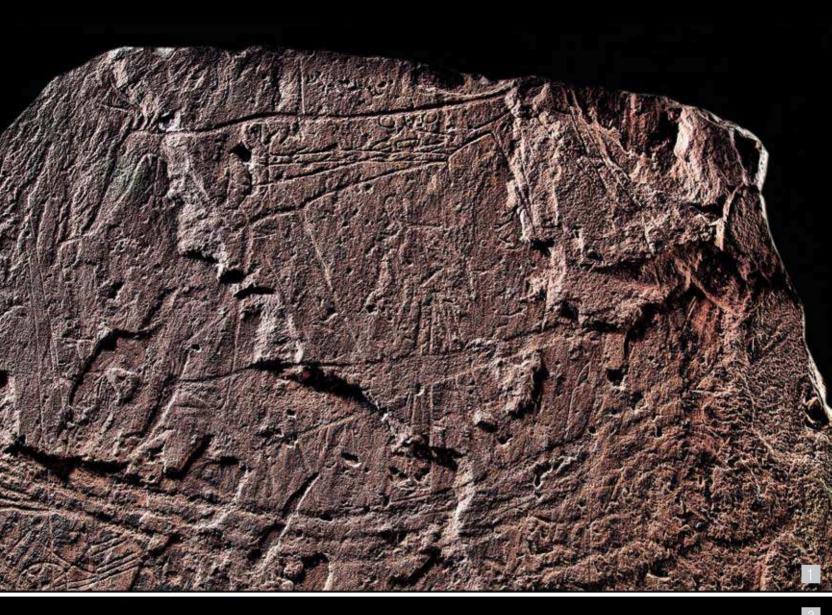

Очень важной темой в окуневском искусстве являются изображения животных. Первое место по числу рисунков занимают образы крупного рогатого скота. По особенностям экстерьера среди них выделяются две группы — «тучные» и «тощие» животные. Первые — это всегда быки-производители. Вторые изображают волов и коров. У многих из них в носу показана петля — древнейший способ контроля над тягловым животным. Также изображаются своеобразный ошейник, часто трактованный как ожерелье. Он мог использоваться для привязывания животного. На мордах показаны поперечные линии, как у антропоморфных ликов. Порой изображения ликов имеются на крупе. Несомненно, что все атрибуты и особенности оформления животных имели прототипы в повседневной жизни и ритуальной практике окуневцев. При этом сами изображенные животные, скорее всего, принадлежат к миру богов, являются важными действующими лицами окуневских мифов. На одной из стел имеется даже образ головы быка анфас с «третьми глазом», как у божеств человекоподобного облика. Тучные быки могли отождествлять с дождевыми тучами. На туловище у них порой изображены ряды наклонных паралевных линий, обозначающих в окуневском искусстве дождь. У некоторых быков тело заполнено дугообразными линиями, напоминающими рыбью чешую.

An important primary theme in Okunev art is the representation of animals. The first place in a number of drawings is given to images of horned cattle. According to exterior peculiarities, two groups stand out among them — corpulent and lean animals. The first group are always bull—sires. The second group represents oxen and cows. Loops are shown in many of their noses— the most ancient mode of control over a draft animal. Unique collars are also often represented and often treated as ornamentation. They could be used for tethering animals. As on anthropomorphic faces, cross—section lines occur on the muzzles. Now and them images of faces occur on the croup. Undoubtedly, all the attributes and features of these animals had prototypes in Okunev daily life and ritual practice. Thus, the represented animals belonged more likely to the world of gods and were important characters in Okunev myths. On one of the stelae there is even a frontal image of a bull's head with a «third eye» as in images of human—like deities. Corpulent bulls can be identified with rain clouds. On their torso a number of inclined parallel lines convey rain in Okunev art and are at times represented. On some bulls the body is filled with bow—shaped lines resembling the fish scales.

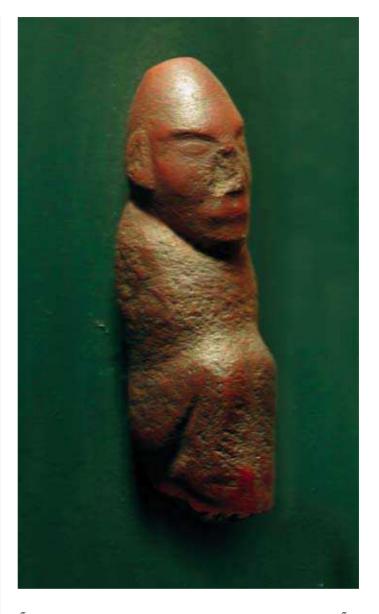

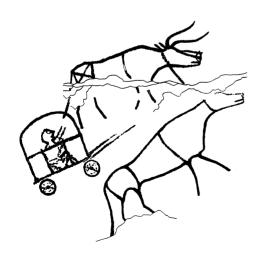
- 1. Фрагмент стелы из окрестностей с. Аскиз с изображением коров или волов, мужской фигуры, повозки. Верхнее животное имеет поперечные линии на морде, два антропоморфных лика на крупе, «ожерелье» на шее и, что еще интересней, схематичные изображения крыльев в виде наклонных линий с отходящими от них черточками. Последняя деталь свидетельствует о мифологическом характере образа и его способности передвигаться по небу.
- 2. Эстамп фрагмента стелы из с. Знаменка, на боковой стороне которой выбито изображение крытого фургона. На прорисовке хорошо видно, что внутри фургона показан сидящий мужчина. Его лицо обращено вперед и вверх. У фигуры специально выделен пояс. Упряжные животные различаются по размеру и изображениям на крупе.

Скульптурное изображение мужчины, сидящего в позе возничего (с поджатыми к туловищу ногами и руками перед грудью). Фрагмент жезла из красной яшмы из д. Калы, 7 х 2,3 х 3 см.

- 1. Fragment of stela with cows or oxen, a male figure and a cart, in the vicinity of the town of Askiz. The upper animal has cross-section lines on its muzzle and two anthropomorphic faces on its croup, a *necklace* on its neck, and, interestingly, schematic depictions of wings in the form of inclined lines with lines emitting from them. The final detail attests to the mythological character of the image and its ability to fly in the sky.
- 2. Print of a stela fragment on a side of which the image of a covered cart had been engraved; from the town of Znamenka. Clearly visible on the print is a seated man inside a carriage. His face is turned forward and upwards. A belt was specifically outlined on the figure. Draft animals of various sizes are represented on the croup.

Sculptural representation of a seated man in the pose of a driver (with feet drawn into the body and hands at a breast) on a stela from Znamenka. A fragment of a staff from a red jasper from the village of Kaly, 7 x 2.3 x 3 cm.

боловство, с которым связаны находки острог и рыболовных крючков. Возможно, окуневцам было известно и земледелие. На это может указывать существующая в окуневском искусстве тема растений и дождя, а также каменные предметы, подобные жатвенным ножам для сбора проса, широко распространенным у древних земледельческих культур на территории Юго-Восточной Азии⁶.

Известно также, что окуневцы использовали двухколесные и четырехколесные повозки, запряженные волами. Их изображения сохранились на некоторых стелах. На одном из рисунков показан крытый фургон, который был для скотоводов не только транспортным средством, но и домом на колесах. При этом сами

- 1. Бронзовый клинок кинжала
- 2. Глиняный сосуд со следами красной краски и сажи на внешней поверхности.
- Каменная зернотерка, состоящая из нижнего камня прямоугольной формы с вогнутой поверхностью и дисковидного терочника.
- Кремневые наконечники стрел разного назначения из жертвенной ямы с черепом быка на окраине г. Минусинска.
- 5. Овальный в сечении жезл из красной яшмы с головой быка на одном из концов из д. Хомутиной.
- 6. Ожерелье-оберег из зубов лисы.
- 7. Ритуальный сосуд биконической формы курильница. Найден на черепе мужчины из погребения на р. Аскиз. Внутри чаши прочерчено изображение круга с девятью лучами. На внешней поверхности горизонтальные ряды из косых крестов и круглых лунок. Был окрашен красной краской.
- 8. Бронзовые рыболовные крючки.
- 9. Бронзовый топор
- 10. Предмет сегментовидной формы из белого камня, найденный в могильнике Черновая VIII. По форме аналогичен жатвенным ножам для сбора проса, но имеет более крупный размер и следы окрашивания красной краской. Использовался в ритуальных целях.
- 1. Bronze dagger blade
- 2. Clay vessel with traces of red paint and soot on the external surface.
- 3. Stone grain grinder, consisting of a disk shaped grinder and square bottom stone with a concave surface.
- 4. Flint arrowheads with differing uses from a sacrificial pit with a bull skull in the suburbs of Minusinsk.
- 5. Oval baton section from red jasper with a bull's head on one of the ends from Khomutina village.
- 6. Protective necklace of fox teeth
- 7. Ritual vessel in biconical form, an incense burner. Found on a male skull from a burial at the Askiz river. In the cup, a nine rayed circle is depicted. On the external surface are horizontal rows from slanting crosses and round holes. The vessel had been painted red.
- 8. Bronze fish hooks.
- 9 Bronze axe
- 10. Object in segmented form made of white stone found in the Chernovaya VIII burial. The form is similar to harvest knives for gathering millet, but it is larger in size and has traces of red paint. The object was used for ritual purposes.

колеса еще не имели спиц. Управление животными осуществлялось при помощи веревок, привязанных к петлям, продетым через их ноздри. Вероятно также, что волы и коровы, более покладистые, чем быки-про-изводители, использовались окуневцами для верховой езды и как вьючные животные. Аналогичная практика еще совсем недавно сохранялась, например, у тувинцев, части алтайцев и казахов⁷.

Окуневцы освоили обработку меди и производство бронзы, из которых отливали клинки кинжалов, топоры, наконечники копий, рыболовные крючки, другие орудия и украшения. Однако, наряду с металлическими, продолжали широко использоваться разнообразные каменные и костяные изделия: наконечники стрел, копий и острог, топоры, тесла и др. Глиняная посуда окуневской культуры представляет собой плоскодонные горшки, нарядно орнаментированные оттисками палочки, гребенчатого штампа или прочерченными линиями по всему тулову и дну. Особо выделяются ритуальные сосуды биконической формы, представляющие

Фрагмент стелы Хыс тас («Каменная девушка») с реалистичным изображением верхней части женской фигуры. Стела обнаружена Д.Г. Мессершмидтом в 1722 г. в окресностях улуса Усть—Есь. Красновато—коричневый песчаник, 67 x 70 x 12 см.

Костяные пластины с резным изображением женского лица из окуневских погребений. По бокам лица показаны снизки височных колец. Длинные волосы на одной из пластин, вероятно, закрыты платком

Рисунки женских фигур, нанесенные тонкими резными линиями на плитах кургана Разлив Х. Они уточняют облик богини, известной по изображениям на стелах и костяных пластинах, и позволяют-лучше представить костюм и прически окуневских женщин. Форма головы одной из фигур аналогична форме искусственно деформированных черепов окуневцев.

Fragment of the Khystas («Stone girl») stela with a realistic representation of the upper part of a female figure. In 1722 the stela was found by D. G. Messerschmidt in the vicinity of the Ust–Es. Reddish brown sandstone, $67 \times 70 \times 12$ cm.

Bone plates with the carved image of a female face from the Okunev burials. A cluster of temporal rings are shown on each side of the face. The long hair depicted on one of plates is most likely covered with a scarf.

Drawing of female figures made with thin carved lines on plates from the Raziiv X kurgan. The appearance of a goddess is verified by such drawings and by well–known representations of goddesses from stelae and bone plates. Better assumptions can be made on the dress and hairdress of Okunev women. The form of the heads on some figures resemble the artificially deformed–skulls of the Okunev.

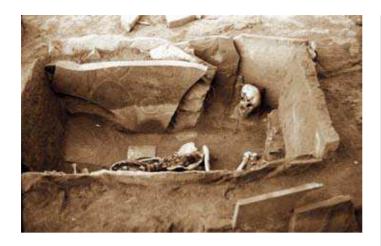

собой небольшую чашу на высоком поддоне. Из-за закопченности внутренней поверхности чаши их обычно называют курильницами. Фактически же они являлись переносными алтарями, в которых сжигались приношения для богов. Этими приношениями могли быть ароматические растения, травы и животный жир. При этом, как свидетельствуют материалы погребений и изображения на стелах, курильницы возносили к небу и даже устанавливали на голове. Поднимавшийся дым, видимо, должен был привлечь внимание окуневских богов, оповестить их о месте проведения обряда и пригласить на жертвоприношение. Сами обряды, в которых использовались курильницы, при этом могли быть посвящены различным божествам.

Ознакомление с персонажами окуневского искусства позволяет увидеть одежду, которая использовалась самими окуневцами, представить их прически, способ ношения украшений. Среди изображенных головных уборов наиболее типичны высокие конусовидные шапки, подобные головным уборам других древних народов — хеттов и саков. Традиция изображать над головой наконечники копий или стрел, представленная на многих классических окуневских стелах, сопоставима с золотыми стрелами на головном уборе сакского царя, погребенного в кургане Иссык на территории современного Казахстана. На одной из окуневских стел прямо над головой человека изображена голова птицы, что отчасти напоминает ритуальные шапки с головой пти-

цы населения пазырыкской культуры скифского времени Алтая. У женщин изображались длинные распущенные волосы, спадающие ниже плеч, в одном случае закрытые особым платком. Стрижки мужчин были короткими. Женщины, а возможно и мужчины, носили серьги из нескольких бронзовых колец. Мужчины надевали короткие запашные куртки и брюки. Женщины наряжались в длинные платья.

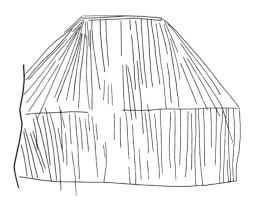
Жилища, вероятно, были наземными или частично углубленным в землю со стенами и крышей из тонких стволов деревьев, опирающихся на более крепкую раму. Для погребения умерших сородичей окуневцы сооружали курганы с квадратной оградой из крупных каменных блоков или врытых на ребро плит. Иногда по углам ограды ставили вертикальные камни, предвосхитившие архитектуру более поздних курганов тагарской археологической культуры I тыс. до н.э. Из плит устраивали и гробницы. Известны также захоронения в грунтовых ямах, ярусные захоронения и сооружениях типа катакомбы. Широкие евразийские параллели имеет устройство кургана в долине р. Туим, раскопанного Леонидом Романовичем и Игорем Леонидовичем Кызласовыми. Он представлял собой кольцо диаметром 82м из вкопанных вертикально через 8-9м гранитных камней высотой от 0,6 до 1,2м. В середине кольца находилась земляная пирамидальная насыпь высотой до 3 м. В ее основании — квадратная ограда 16 х 16 м из плит с вертикальными камнями высотой до 0,6 м по углам. Внутри ограды из камня выложены диагональные линии. В центре ограды, на пересечении диагональных линий, находилось погребение женщины в каменной гробнице. На ее плитах обнаружены рисунки быков. К востоку от квадратной ограды расположены «ворота» из шести вертикально вкопанных камней. Ось «ворот» совпадает с продольной осью центрального погребения в каменной гробнице и ориентирована на восходящее

Общий вид раскопанной каменной гробницы кургана 5 могильника Черновая VIII. В качестве одной из ее стенок использован фрагмент стелы, а в углу лежит череп с искусственно деформированной затылочной областью.

Прорисовка жилища, вырезанного тончайшими линиями на одной из плит кургана Тас-Хазаа.

General view of an excavated stone tomb from Kurgan 5 of the Chernovaya VIII burial. A fragment of the stela is used as one of its walls, and a skull with an artificially deformed occipital region lies in the corner.

Tracing of a dwelling which had been carved with the thinnest of lines on one of the slabs from the Tas-Khazaa kurgan.

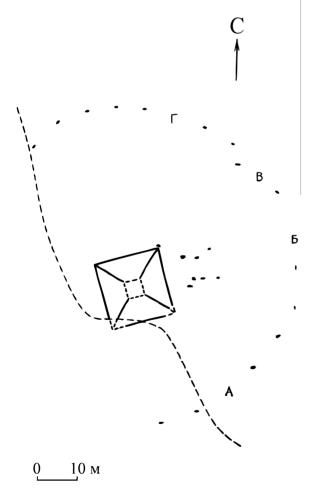

Квадратная ограда с диагональными выкладками, находившаяся в основании земляной насыпи кургана на р. Туим. Современный вид спустя 25 лет после раскопок.

План сохранившейся части кургана на р. Туим. Буквами обозначены утраченные камни из окружающего квадратную ограду кольца менгиров.

Quadrangular enclosure with diagonal masonry located in the foundation of an earthen embankment from a kurgan on the Tuim river. A modern view 25 years after excavation.

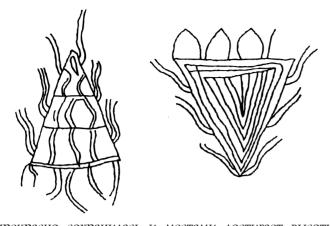
Plan of the perserved section, Tuim river kurgan. The letters mark the lost stones from the surrounding quadrangular enclosure of a menhir ring

солнце в день летнего солнцестояния. Как предположили исследователи, квадратная ограда в центре кольца из менгиров (от бретонск. men — камень и hir длинный, т.е. вертикально вкопанный в землю большой камень) символизирует землю, ограниченную горными хребтами со священными вершинами по углам и в центре, а круг — охватывающее землю небо⁸. Факт ориентации на астрономически значимые точки горизонта не означает, что курган на р. Туим создавался для выполнения каких-то астрономических наблюдений и вычислений, подобно тому, как это предполагается для знаменитого английского Стоунхенджа. Известно, что представления об устройстве мира и сторонах света играли важную роль в погребальном и других ритуалах, а потому без их учета невозможно было обеспечить переход умершего в иной мир, обеспечить передачу жертвы богам и т.п. Именно это в значительной мере являлось причиной моделирования представлений об устройстве мира в конструкции погребальных и других ритуальных сооружений самых разных народов. Типологически сооружение на р. Туим является предшественником грандиозных ритуально-погребальных комплексов, широко распространившихся на территории Центральной Азии в эпоху поздней бронзы (так называемых херексуров), имевших схожую планировку и функцию.

Еще одной заслуживающей внимания чертой окуневской культуры являются загадочные сооружения на вершинах гор. Сегодня их известно уже несколько десятков. Одно из наиболее грандиозных сооружений обнаружено возле села Чебаки Ширинского района Хакасии⁹. Оно имеет две линии стен, в которых устроены проходы. Длина внешней стены 210 м. Внутренняя стена ограничивала небольшой участок вершины. К ней были пристроены жилища. Стены сооружены из массивных плит песчаника, положенных плашмя без использования связующего раствора. Кладка стен

прекрасно сохранилась и местами достигает высоты 1,6 м. При раскопках найдены обломки сосудов (в том числе остатки культовых сосудов-курильниц), каменные наконечники стрел, топоры, скребки, более 32 тысяч обломков костей животных (в основном косули). Несмотря на наличие стен, нельзя утверждать, что это сооружение — крепость, т.к. его оборонительное значение невелико. Оно могло служить лишь временным убежищем на непродолжительное время. Полное отсутствие источников воды внутри укрепления и поблизости от него снижает его защитную функцию и делает непригодным для длительного проживания. Кроме того, сооружение расположено не на господствующей вершине горного массива. Со стороны более высокой соседней гряды вся территория укрепления может хорошо простреливаться. Поэтому можно предположить, что, основная функция этого и подобных сооружений окуневского времени — ритуальная, когда главное назначение стен — усилить природные особенности зрительно доминирующей на определенной местности вершины, разграничить пространство горы на несколько участков и ярусов, имевших символическое значение. Горы с такими сооружениями, несомненно, почитались окуневцами и были местом проведения определенных обрядов. Эти обряды отчасти могли напоминать горные жертвоприношения Небу, до недавнего времени сохранявшиеся у хакасов.

Развитые формы хозяйства, строительство масштабных сооружений на вершинах гор и неординарных ритуально-погребальных комплексов требовали соответствующего уровня социальной организации. Монументальность и большое число окуневских изобразительных памятников, сложность структуры образов и высокоразвитая знаковая система не только свидетельствуют о важной роли искусства в жизни общества, но и предполагают существование особой категории лиц, обеспечивавших сохранение и развитие этой изобразительной традиции, неразрывно связанной с ритуалом.

Две священные горы мифологии окуневцев — горы Верхнего и Нижнего мира. Одна имеет трехъярусную структуру и направлена вершиной вверх, а другая по вертикали не структурирована и перевернута вершиной вниз. От гор отходят змеевидные линии. Вероятно, с образом одной из них, горой с трехъярусной вертикальной структурой, в ритуальном аспекте соотносились реальные горы, почитавшиеся отдельными окуневскими родовыми коллективами. Рисунки вырезаны тонкими линиями на песчаниковой плитке из могильника Уйбат V.

Общий вид горы Тарпиг, поделенной скальными выходами на три основных яруса. На верхнем из них обнаружены развалины сооруженной из плитняка стены, которая отгораживала и защищала вершину со стороны наиболее пологого склона. Там же, на вершине, сохранилось нанесенное красной краской изображение лика окуневского божества.

Two sacred mountains in the mythology of the Okunev — the mountains of the upper and under worlds. One has a three-layered structure and its peak is directed upwards; the other is not structured vertically and its peak is inverted downwards. Serpentine lines emit from the mountains. Probably, one of the images – the mountain with the tri-level vertical structure – corresponded ritually to a real mountain as regarded by Okunev patrimonial collectives. The drawings were carved in thin lines on a sandstone tile from the Ulibat V burials.

General view of Tarpig mountain divided by rocky outcrops into three basic layers. Above them are ruins of the flagstone wall which fenced off and protected the peak from the side of the gentlest slope. Also at the top, an Okunev deity face executed in red paint has been preserved.

Ю. ЕСИН. ТАЙНА БОГОВ ДРЕВНЕЙ СТЕПИ

50

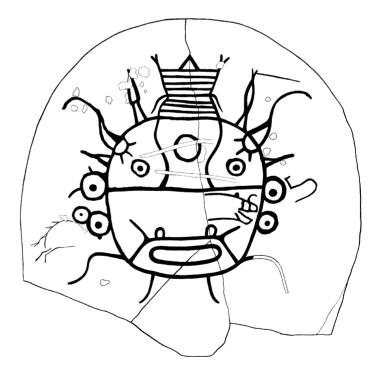

- 1. Стела с закругленным верхним краем с р. Карыш. Изображена голова божества, сверху которой показана курильница. Такая позиция рисунка курильницы аналогична обнаружению реальной курильницы на черепе в одном из окуневских погребений. По бокам курильницы на стеле показаны наконечники копий со змеиным жалом на кончике острия. Очевидно, поражение таким копьем отождествлялось со смертоносным укусом змеи. Красновато-коричневый песчаник, 119 х 119 х 12 см.
- 2. Каменный стерженек с человеческой головой на вершине из могильника Черновая VIII, 4,7 х 1,7 см. Возможно, был деталью составной фигурки. Затылочно-теменная часть головы скошена как у окуневских черепов с искусственной деформацией.

Stela with a rounded upper edge, Karysh river. Represented is a deity head above which is an incense burner. Such a position of the incense burner drawing is analogous to finds of actual burners on a skull from one of the Okunev burials. On each side of the incense burner are spearheads with snake stingers at the tips. Obviously, a blow by such a spear would have been identified with the mortal bite of a snake. Reddish brown sandstone, 119 x 119 x 12 cm.

Stone rod with a human head at the top. It was possibly a detail of a compound figure. The occipital–parietal part of the head is beveled similar to artifically deformed Okunev skulls. Chernovaya VIII burial, dimensions 4.7 x 1.7 cm.

Очевидно, непосредственными создателями окуневских шедевров были мужчины, исполнявшие в обществе обрядовые функции. Их погребения удается выделить в отдельную группу благодаря предназначенному для выполнения этих функций сопроводительному инвентарю.

Песчаниковая плитка с изображением ветки растения и дождя. Несмотря на простоту композиции, у нее достаточно сложное и многозначное содержание. Вероятно, этот рисунок является метафорой брачного союза очень древней божественной пары, фигурирующей в мифах многих народов — Земли-матери и Неба-отца. Мужским началом в этих мифах выступало Небо, иногда, в образе быка. Дождь — его семя, оплодотворяющее Землю-женщину, атрибутом которой были растения. Считалось, что эта божественная пара дарует жизнь всему сущему. Красновато-коричневый песчаник, 24 x 27 x 6 см.

Песчаниковая плитка с изображением крупного листа растения и капель дождя. Еще один вариант трактовки темы земного плодородия. Красновато-коричневый песчаник, 42 х 26 х 6 см.

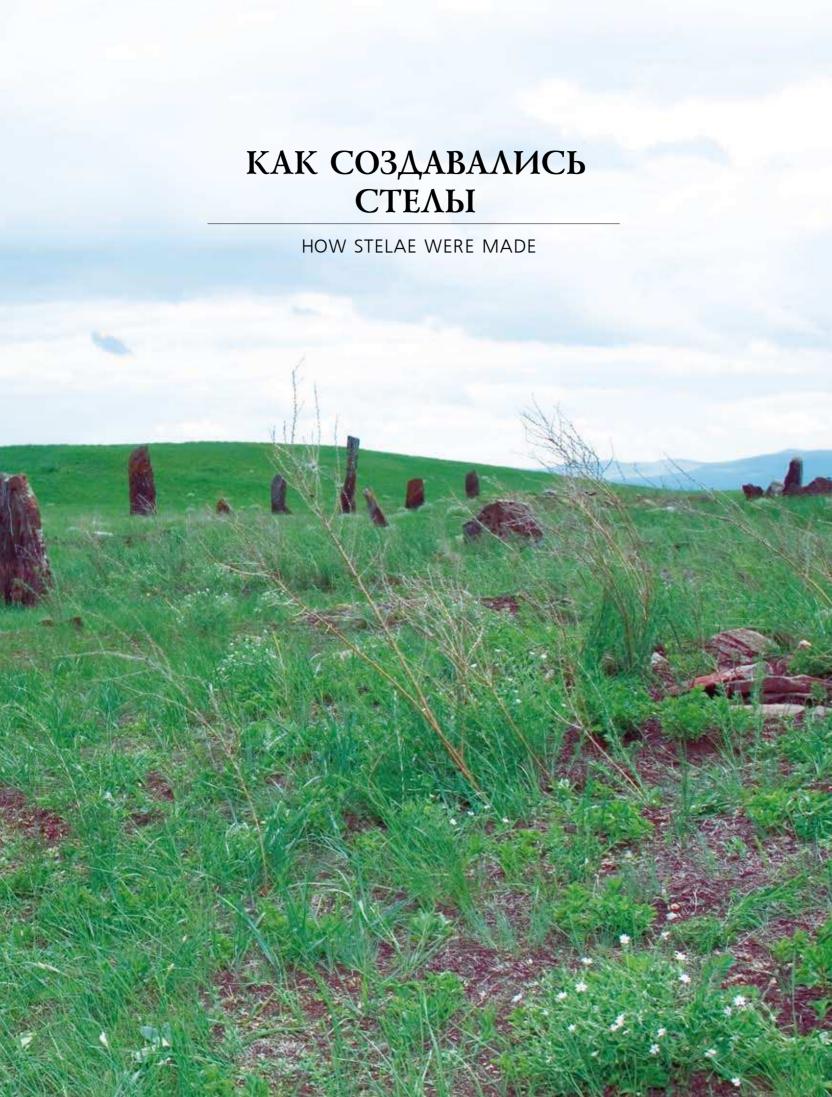
The tile with a representation of a plant branch and rain. Despite the simplicity of the composition, its content is quite complex and polysemantic. Probably, this drawing was a metaphor of the marriage—union of a very ancient divine pair which figured in the myths of many peoples — the Earth—Mother and the Sky–Father. Man's origin in these myths was carried out by the sky, sometimes in the image of a bull. The rain, his seed, impregnates the Earth—Woman, and its attributes are plants. It was considered that this divine pair granted life to everything in existence. Reddish brown sandstone, 24 x 27 x 6 cm.

The tile with the image of a large plant leaf and drops of rain. Yet one more variant in interpreting the theme of the earth's fertility. Reddish brown sandstone, $42 \times 26 \times 6$ cm.

Стела «саблевидной» формы, стоявшая одиночно в степи близ улуса Тазмина. Хакасы называли ее Апсах оба («Старик-камень»). Возле стелы — житель улуса Анисим Кырзанович Тазмин. Фото 1910 г. Красновато-коричневый песчаник, 360 х 70 х 15 см. В 1921 г. вывезена С.А. Теплоуховым в Российский этнографический музей (С.-Петеобург).

Stela in the "saber-shaped" form, standing alone in the steppe near the Tazmin district. The Khakass called it Apsah oba ("Old stone man"). Anisim Kyrzanovich Tazmin, an inhabitant of the district, is standing near the stela. The photograph was taken in 1910. Reddish brown sandstone, $360 \times 70 \times 15$ cm. In 1921, the stela was taken by S. A. Teploukhov to the Russian Ethnographic Museum (St. Petersburg).

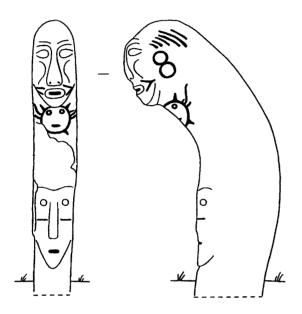

Изготовление монументальных каменных стел, их транспортировка и установка были делом весьма непростым, требовавшим значительных затрат времени и сил, высокой техники камнерезного искусства, совместных действий определенного коллектива. Даже для нас, живущих в эпоху стремительного развития техники, это был бы достаточно трудоемкий процесс.

Начнем с того, что материалом для стел в Хакасии служил не мягкий и пористый вулканический туф, как на острове Пасхи, а песчаник, или еще более тяжелый для обработки гранит. А ведь средняя окуневская стела имеет высоту около 2-3 метров и вес около 1-2 тонн К тому же встречаются и более грандиозные творения. Наиболее крупная из обнаруженных сегодня стел — Киме тас («Каменная лодка») — выполнена из серого гранита. Она имеет высоту 4,7 метра, а вес ее может достигать 4-5 тонн.

Стела с р. Есь. Находилась в 2–3 км от устья вверх по течению реки. Тщательной обработкой камню придали овальное сечение и немного изогнутую, дугообразную форму, благодаря чему некоторые исследователи сравнивали его с фаллосом. На самой вершине высечена выразительная голова божества, напоминающая миниатюрные скульптуры из окуневских погребений. Показаны волосы и височные кольца. Чуть ниже подбородка расположен знак в виде круга с четырьмя лучами, наделенный глазами и ртом человека, рогами и ушами быка. Красновато-коричневый песчаник, 200 х 25 х 45 см.

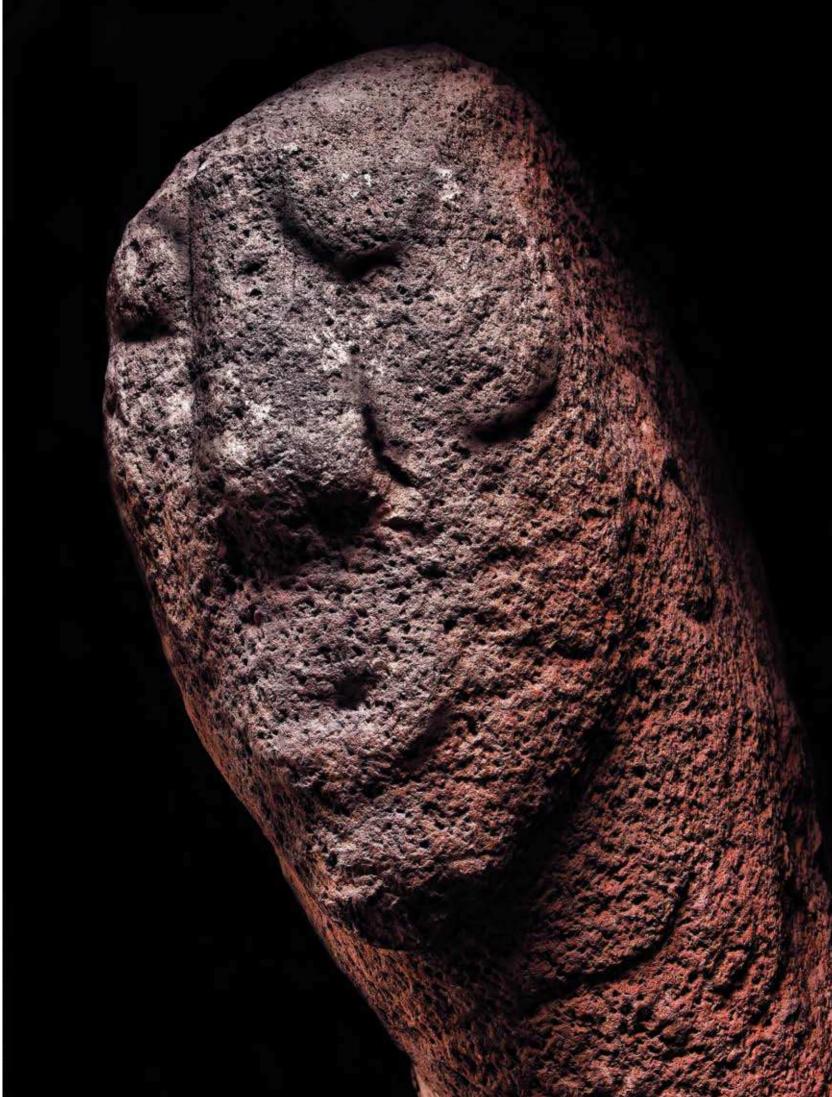
Stela from Es river, located 2–3 km upstream from the mouth of the river. Carefully worked, the stone has an oval profile and a slightly bent bow-shaped form which has caused some researchers to compare it to a phallus. At the very top occurs an expressive deity head that resembles miniature sculptures from Okunev burials. Hair and temporal rings are shown. Located a little blow the chin is a four-rayed circle symbol which has the eyes and mouth of a human and horns. Reddish brown sandstone, 200 x 25 x 45 cm.

В качестве заготовки для монументов использовались подходящие по размерам и форме природные глыбы, которые встречаются на склонах гор, либо нужный по размерам каменный блок или плиту отделяли от скального выхода при помощи деревянных или роговых клиньев. Объем последующей работы зависел от того, насколько форма камня соответствовала замыслу древнего скульптора. В самом простом случае у заготовок обработке подвергали только узкую лицевую сторону. Ее оббивали так, чтобы выделить рельефом лицо, грудь и живот. Объем работ значительно увеличивался, если камню желали придать «саблевидную» или «сигаровидную» форму. После этапа грубой обработки заготовки при помощи обивки, ее поверхность шлифовали, уделяя основное внимание тем гранями и участкам, на которых предполагалось нанести изображения. У плит, предназначенных для создания стел с изображением на широкой грани, часто выравнивали края и закругляли верх. Будущее изображение намечали резцом или редкой выбивкой. Затем намеченные линии прорабатывали плотной точечной выбивкой до образования

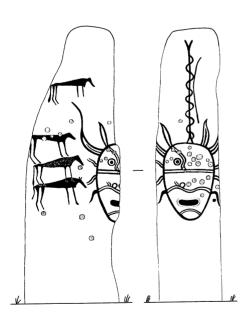

Антропоморфный лик яйцевидной формы на стеле с оз. Черное. Абрис лика и его рот выполнены объемно, а остальные детали образа показаны выбитыми и прошлифованными желобками. Внутри рта сохранилась красная краска. Поверх изображения в более позднее (вероятно, тагарское) время выбиты округлые лунки. Коричневый песчаник, 200 х70 х 40 см.

Фрагмент стелы из могильника Черновая VIII. Изображение антропоморфного лика нанесено на ровную поверхность специально подготовленной плиты при помощи точечной выбивки с последующей тщательной прошлифовкой и окраской линий. Вертикальная линия над «третьим глазом» изображает Мировой столп, на вершине которого находится небо. Верхняя часть лучей по бокам от него имеет форму наконечников копий. Красновато-коричневый песчаник, 135 x 55 x 3 см.

Anthropomorphic face, egg-shaped in form, on a stela from lake Chernoe. The contour of the face and its mouth are in perspective while other details of the image were engraved and polished lines. Red paint has remained in the mouth. Round pits over the image were engraved later (possibly in the Tagar period). Brown sandstone, 200 x70 x 40 cm.

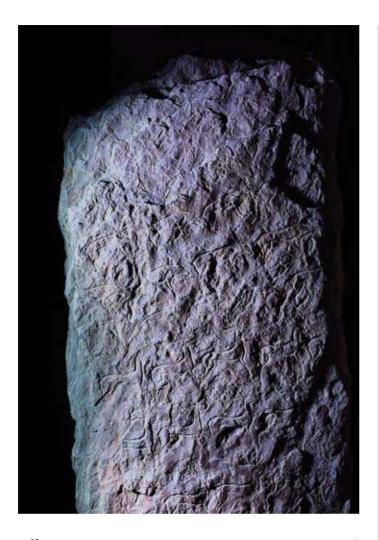
Fragment of stela, Chernovaya VIII burials. The representation of an anthropomorphic face was made on the even surface of this specially prepared slab by means of careful pitting and subsequently careful polishing and coloration of the lines. A vertical line over the «third eye» depicts the world pillar and above this is the sky. The upper parts of the rays, on each side of the image, are in the form of spearheads. Reddish brown sandstone, $135 \times 55 \times 3 \ cm$.

желобков. Стоит заметить, что для обработки заготовки и нанесения изображений окуневцами использовались каменные орудия труда. Дело в том, что рабочий край бронзового долота при работе по камню быстро теряет остроту и приходит в негодность. Металла же более прочного, чем бронза, они не знали. Каменный отбойник в ходе работы, наоборот, только заостряется. На завершающем этапе выбитые желобки, обычно, прошлифовывали небольшими кусочками песчаника. В результате, линии рисунка становились ровными и, благодаря светлому цвету, выделялись на более темном фоне плиты.

Во время раскопок окуневского могильника на р. Черновая минусинским археологом Николаем Владимировичем Леонтьевым был проведен интересный эксперимент по созданию изображения большого антропоморфного лика, подобного найденным там же на плитах из погребений. На выбивку и прошлифовку линий изображения без соответствующих производственных навыков и специализированных каменных орудий (экспериментатор пользовался только необработанными гальками и осколками песчаника) ему потребовалось около пяти — шести часов чистого рабочего времени. Но это время на создание самого простого в техническом отношении рисунка при наличии готовой плиты. На изготовление стел с объемными изображениями, особенно с учетом необходимости заготовки каменного блока и его транспортировки, времени, сил и мастерства, конечно, требовалось значительно больше.

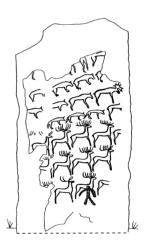
Часто линии рисунка на стелах окрашены красной краской разных оттенков (от бордового до оранжевого). Иногда, наоборот, закрашивали фон, оставляя желобки светлыми. Известны стелы, на которых изображения нанесены только краской, без выбивки. Следы красной краски на отдельных стелах прослеживаются достаточно хорошо, и это несмотря на четыре тысячи лет, проведенных под открытым небом. Краска на них сильно выцвела, но не исчезла. Стойкость ее, возможно, объясняется тем, что ее разводили не на воде, а на сукровице. Например, именно так поступали североамериканские индейцы, когда хотели, чтобы краска долго держалась, не смывалась водой и не выцветала от времени¹⁰. Окрашивая свои произведения, древние художники преследовали цель не только сделать их более выразительными. На это была еще одна — магическая причина. Считалось, что так изображение божества наделяется жизненной энергией, становится «живым», одухотворенным.

Стела с изображением людей с птичьими головами, маралов, лосей, медведей и лисиц, выстроенных несколькими горизонтальными рядами в определенном порядке. Найдена переиспользованной на средневековом могильнике у с. Копены. Все рисунки нанесены резными, прошлифованными линиями. В нижней части камня поверх изображения в более позднее (тагарское) время выбита человеческая фигура. Красновато-коричневый песчаник, 215 х103 х 12 см.

Фрагмент стелы с р. Уйбат. Вкопан в перевернутом виде в ограде кургана тагарской культуры. Сохранились изображение змеи и вержняя часть антропоморфного лика с тремя кружками глаз, рогами быка и двумя наконечниками копий на голове. Внутри неглубоко выбитых и прошлифованных линий рисунка хорошо видна красная краска. Серый гранит, 140 х 65 х 40 см.

Stela with images of people with bird heads, marals, elks, bears and foxes formed in several horizontal rows in a specific order. The stela was found reused in a medieval period burial ground, Kopeny district. All drawings were executed with engraved and polished lines. A figure of a human was engraved later (in the Tagar period) over the images at the bottom of the stone. Reddish brown sandstone, 215 x103 x12 cm.

Fragment of stela, Uibat river. It was excavated in an overturned position in the enclosure of a Tagar culture kurgan. Preserved are the representations of a snake and the upper part of an anthropomorphic face with three circles of eyes, bull horns and two spearheads on the head. The red paint inside the shallow and polished lines of the drawing is clearly visible. Grey granite, 140 x 65 x 40 cm.

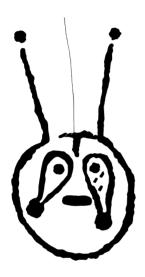

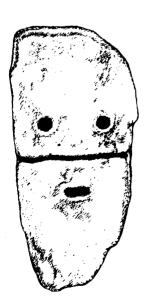
Стела с изображением антропоморфного лика в раннеокуневском стиле, найденная в могильнике Уйбат V. Горизонтальная линия в середине лица противопоставляет глаза и рот, являющиеся символами Верхнего и Нижнего мира. Серый гранит, 158 х 71 х 31 см.

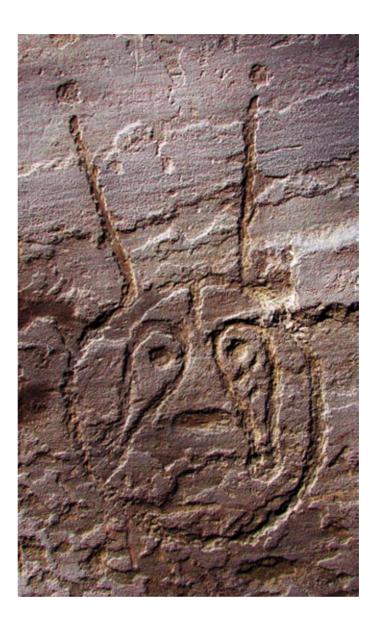
Изображение лика божества в раннеокуневском стиле на плите из кургана Тас-Хазаа.

Stela with an anthropomorphic face in the early Okunev style found in the Uibat V burial. In the middle of the face opposite the eyes and mouth, a horizontal line appears to symbolize the upper and under worlds. Grey granite, 158 x 71 x 31 cm.

Representation of a deity face in the early Okunev style on a slab from Tas-Khazaa kurgan.

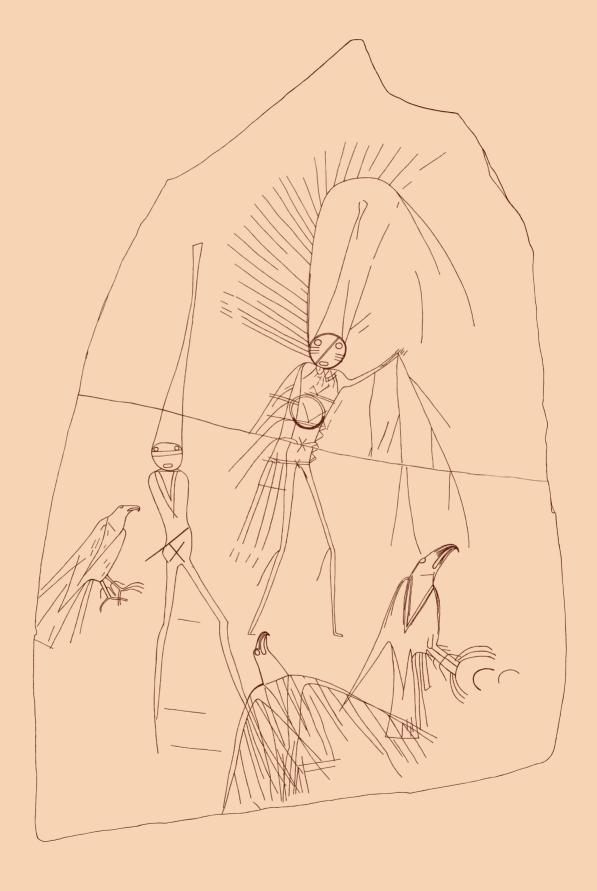

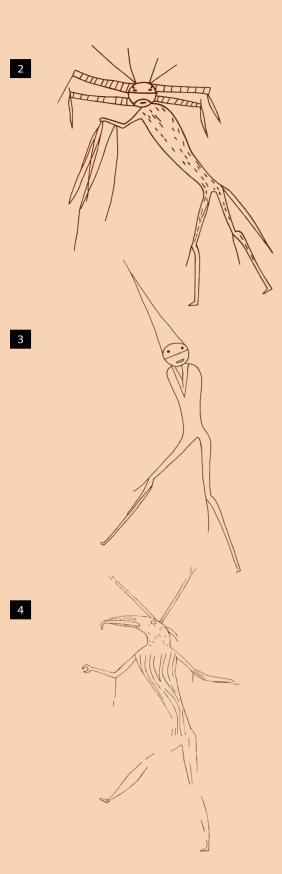

Традиция создания каменных стел появилась на Енисее во второй половине III тыс. до н.э. и просуществовала несколько веков. За это время она претерпела существенные изменения, наиболее заметные при сравнении антропоморфных образов. По важнейшим различиям их трактовки в развитии окуневского искусства выделено 3 основных этапа¹¹.

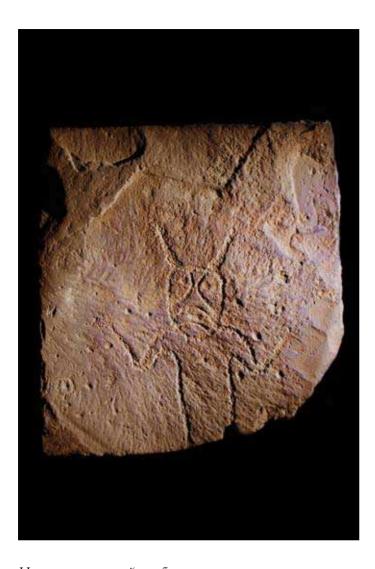
Для раннего этапа характерны рисунки как ликов божеств, так и полных фигур. При этом у фигур не показана шея, а голова как бы вдавлена в туловище. Часто не показаны и руки, зато иногда имеются крылья птицы. Вероятно, у фигур без рук тоже подразумевались птичьи крылья, только сложенные на спине. Для человекоподобных ликов типично изображение только двух глаз.

Раннеокуневский стиль антропоморфных изображений еще называют тасхазинским. Такое название обусловлено важными находками, сделанными в 1957 г. при раскопках известного с XIX в. кургана Тас-Хазаа («Каменный двор») на юге Хакасии. Раскопки проводил археолог абаканского музея Альберт Николаевич Липский. Курган имел квадратную ограду из крупных каменных блоков. Длина каждой его стороны около 40 м. Это один из наиболее крупных окуневских курганов. На плитах, использованных при сооружении погребений, располагавшихся внутри ограды, найдено множество интересных изображений. Они нанесены тонкими резными линиями, красной краской или выбивкой. Среди них, например, птицеголовые фигуры, которые вызвали у А.Н. Липского ассоциации с божествами древнего Египта. Сегодня серия более близких параллелей этим рисункам известна среди изображений эпохи бронзы с территории Афганистана и Туркменистана. Главным персонажем на одной из плит является фигура с наклонной линией на лице. Его можно считать праобразом мужского божества, которое несколькими веками позже очень схематично изображалось на так называемых «оленных» камнях с территории Монголии и Тувы. У окуневского рисунка имеются птичьи крылья и хвост, вместо перьев которых показаны лучи сияния. На голове одновременно изображены высокая конусовидная шапка, полуовал и лучи сияния, т. е. объединены атрибуты, связанные с разными персонажами. От руки этого древнего божества вниз отходят несколько змеевидных линий, символизирующих молнии. Грозным небесным оружием, возможно, являются также длинные острия, пучки которых часто держат в руках другие раннеокуневские фигуры.

The early Okunev style of anthropomorphic representation is still called Tas-Khazaa. The name issued from the important finds recovered during the excavation of the Tas-Hazaa («stone courtvard») kurgan in 1957 although the South Khakassian site had been known since the 19th century. The excavation was carried out by an archaeologist of the Abakan museum, Albert Nikolayevich Lipskiy. The kurgan had a square enclosure made of large stone blocks. The length of each its sides was about 40 m. It is one of the largest Okunev kurgans. On the slabs used inside the enclosure during burial construction, a set of interesting images was found. They were executed in thin carved lines, red paint or pitting. Among the images, for example, were bird-headed figures which A.N. Lipskiy associated with ancient Egyptian deities. Today a series of closer parallels to these drawings are known among Bronze Age images from Afghanistan and Turkmenistan. The main character on one of the slabs occurs as a figure with a slanted line on the face. It is possible to consider it a predecessor image of a male deity who, several centuries later, was represented schematically on the socalled deer stones of Mongolia and Tuva. In Okunev drawings, bird wings and tails were shown with celestial rays rather than feathers. The high conical cap, semi-oval and celestial rays are simultaneously represented on the head, thereby, uniting the attributes connected with different characters. From the arm of this ancient diety, a few serpentine lines issue down and symbolize lightning. Its threatening celestial weapons might be the long sharp blades which are often held in the hands of other early Okunev figures

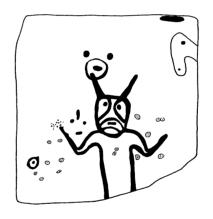
Над глазами порой изображены две наклонных черточки или два полуовала. На лбу бывает расположен треугольник вершиной вниз или вертикальная черта. Между глазами и ртом, обычно, нанесена одна поперечная полоса. Здесь же встречается косой крест, наклонная линия или две вертикальные дуги. Часто изображен головной убор в форме высокого треугольника или вытянутого полуовала, либо на этом месте показана пара вертикальных или несколько расходящихся в стороны линий. Иногда у божеств изображена голова хищной птицы, хищника, а в одном случае — лошади. Различия во внутренней структуре ликов, форме наголовья, позе обусловлены различием персонажей окуневского пантеона. Среди зооморфных изображений важнейшим по значимости на этом этапе был, пожалуй, образ хищной птицы. Изображения, в основном, наносили на широкие грани каменных плит.

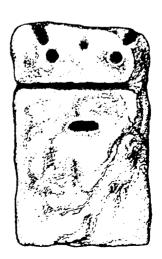
Фрагмент стелы с изображением фигуры раннеокуневского божества в ритуальной позе. Найден в кургане «Большое кольцо» на р. Камышта, внутри большой круглой ограды которого находились погребения как окуневцев, так и афанасьевцев. Кроме основного изображения на камне позднее выбито несколько простых антропоморфных ликов разного типа. Коричневый песчаник, 68 x 64 x 10 см.

Стела из окуневского могильника Уйбат V с изображением антропоморфного лика раннего типа. Это одно из немногих раннеокуневских изображений с «третьим глазом», который станет обязательным элементом для изображений развитого этапа. Серый гранит, 115 x 68 x 27 см.

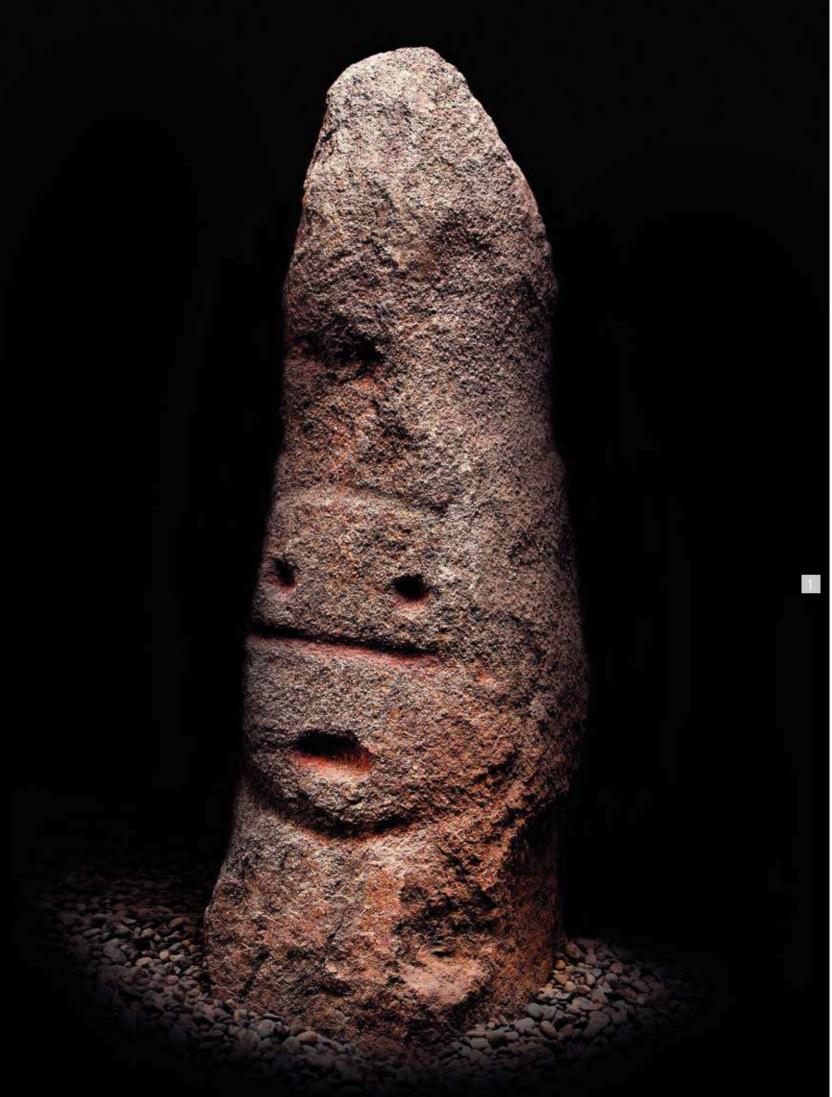
Stela fragment with a figure of an early Okunev deity in ritual pose. It was found in the kurgan, Bolshoe Koltso, «Large Ring,» on the Kamyshta river, and inside the large circular enclosure were burials of both the Okunev and Afanasev. Besides the main representation, a few simple anthropomorphic faces, different in type, were engraved later. Brown sandstone, $68 \times 64 \times 10$ cm.

Stela from Okunev burials at Uibat V with an anthropomorphic face of the early type. This is one of the few early Okunev images with the «third eye» which became an obligatory element for representations in the developed stage. Grey granite, 115 x 68 x 27 cm.

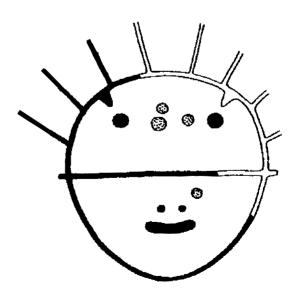

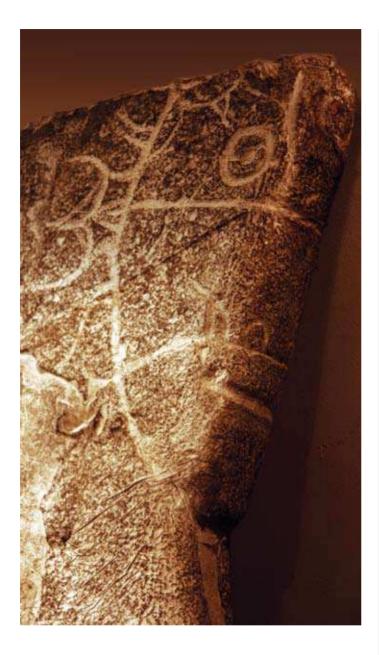

- 1. Стела из раннеокуневского кургана на р. Уйбат. Детали лица божества, расположенного в средней части стелы, поверх выбивки покрашены красной краской. Форма верхней части стелы напоминает высокий конусовидный головной убор, который, также как и вся стела, соотносился с мифологическим образом Мировой горы. Коричнево–серый гранит, 115 х 32 х 32 см.
- 2,3. Стела с изображением лика божества, расположенного в верхней части камня столбообразной формы. Вдоль верхней части контура лика показаны расходящиеся линии, которые одновременно изображают и волосы, и солнечные пучи. Боковые стороны лика расположены на разных гранях камня, благодаря чему изображение приобрело объемность. Стела найдена переиспользованной на территории средневекового могильника на р. Уйбат. Серый гранит, 145 х 65 х 55 см.
- 1. Stela from an early Okunev kurgan, Uibat river. The carved details of the deity face on the middle of the stela were over painted in red. The top part of the stela resembles a high conical headdress, and, as for all stelae, corresponds to the mythological image of a world mountain. Brown–grey granite, $115 \times 32 \times 32$ cm.
- 2, 3. Stela with a deity face located in the upper part of a pillar–shaped stone. Along the upper part of the facial contour are dispersed lines that simultaneously represent hair and solar rays. Each side of the face is located on different sides of the stone; as a result, the image has volume. The stela was found reused on the territory of a medieval period burial ground on the Uibat river. Grey granite, $145 \times 65 \times 55$ cm.

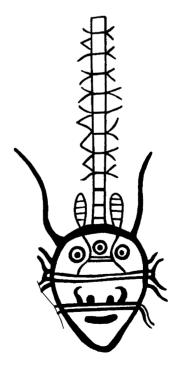

Для развитого этапа окуневского искусства наиболее типичны изображения одних лишь голов божеств. По изобразительной структуре они становятся сложнее, чем раннеокуневские. Двумя горизонтальными линиями лик делится на три яруса. В верхнем ярусе кроме двух кружков на месте глаз теперь появляется еще один на лбу. При этом между глазами у многих ликов расположены две вертикальные дугообразные лини, воспринимаемые как контур носа. На нижней горизонтальной линии размещались полукружия ноздрей с парой бычых рогов по бокам. На голове, как правило, расположены рога быка, треугольники и другие элементы. В это время Эстамп фрагмента стелы из с. Знаменка с изображением трехглазого лика божества развитого этапа окуневского искусства. Лик поделен поперечными линиями на три яруса.

Стела с изображением классического окуневского антропоморфного лика, расположенного на узкой грани камня и исполненного объемно. Лик имеет форму вытянутого овала, поделенного горизонатальными линиями на три яруса. В верхнем ярусе изображены три кружка — глаза, в среднем — ноздри, в нижнем — рот. Голова божества наделена рогами и ушами быка. Сверху показана вертикальная фигура с большим числом поперечных линий — образ столпа, разделяющего и связывающего Верхний мир с Нижним. Стела была переиспользована на средневековом могильнике в долине р. Ташеба, на окраине современного г. Абакана. Красновато-коричневый песчаник, 300 х 75 х 25 см.

Print of a stela fragment from Znamenka with the three-eyed face of a deity from the developed stage of Okunev art. The face is divided by cross-section lines into three layers.

Stela with a classical Okunev anthropomorphic face located on the narrow side of a stone and made in perspective. The face has the form of an extended oval divided into three layers by horizontal lines. In the upper layer three circles of eyes are represented, in the middle — nostrils, in the lower — a mouth. The head of the deity has the horns and ears of a bull. Shown from above is a vertical figure with a great number of crosssection lines — an image of the world pillar dividing and connecting the upper and under world. The stela was reused in a medieval period burial ground in a valley of the Tasheba river, in a suburb of modern Abakan. Reddish brown sandstone, $300 \times 75 \times 25$ cm.

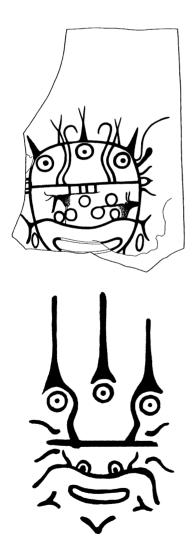

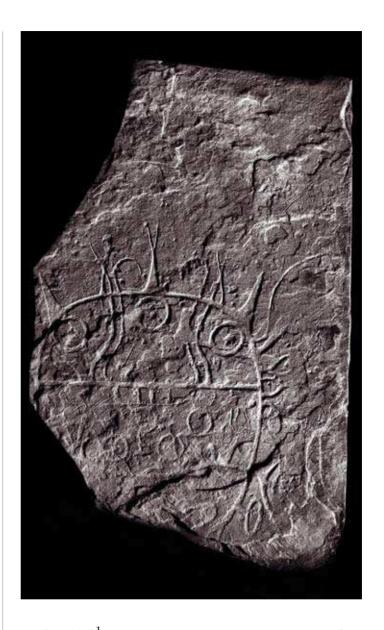
Стела развитого этапа окуневской культуры из кургана в с. Верхний Аскиз. Три длинных луча над глазами изображают три Мировые горы или столпа. Красновато-коричневый песчаник, 116 x 68 x 25 см.

Фрагмент стелы развитого этапа окуневской культуры из кургана Черновая XI. Поверх основного изображения позднее нанесены рисунки быков и кружков. Серый песчаник, $135 \times 90 \times 8$ см.

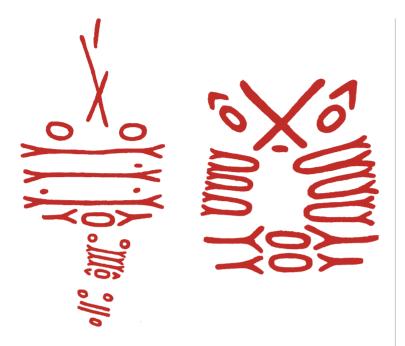
Stela of the developed stage of Okunev culture from Verkhniy Askiz. Three long rays over the eyes represent the three world mountains or pillars. Reddish brown sandstone, 116 x 68x 25 cm.

Stela fragment of the developed stage of Okunev culture from the Chernovaya XI kurgan. Later images of bulls and circles were inscribed over the original image. Grey sandstone, $135 \times 90 \times 8$ cm.

антропоморфные лики часто воплощались скульптурно, размещались на узких гранях стел. У полных антропоморфных фигур начинает изображаться шея. В искусстве этого этапа широко представлены также рисунки быков, змей, мифических хищников. Их тела, подобно антропоморфным ликам, часто поделены поперечными линиями на несколько частей и содержат большое число дополнительных изобразительных знаков. При ограниченном наборе изобразительных элементов и правил их сочетания, обусловленных традицией, и антропоморфные, и зооморфные изображения отличаются большим разнообразием и практически каждый рисунок в чем-то индивидуален.

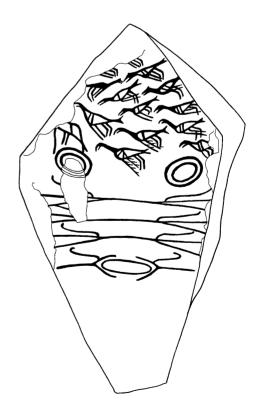
Поздняя группа изображений отличается отсутствием у ликов контура, наличием только двух (обычно, овальных) глаз, развилками в виде змеиного языка на концах поперечных линий между глазами и ртом, отсутствием ноздрей. Такие образы порой могут быть достаточно сложными по количеству элементов, но все они уже очень нереалистичны. Отсутствие у ликов контура может являться отражением представлений о бестелесности позднеокуневских божеств, их существовании в форме духов. Рисунки располагаются на широких гранях стел и скальных выходах по берегам рек. Важно, что в отличие от двух других групп окуневских изображений, распространенных в Минусинской котловине повсеместно, все известные изображения поздней группы найдены только на юге котловины. Вероятно, они создавались в то время, когда северную ее часть уже заняло новое население, оставившее памятники так называемой андроновской археологической культуры. Территорией ее формирования были степи Казахстана. Мигранты-андроновцы появились в Минусинской котловине в первой половине II тыс. до н.э., обойдя хребты Кузнецкого Алатау с северо-запада. Взаимодействие скотоводов андроновцев с окуневцами включало как ассимиляцию последних, так и вытеснение в менее удобные для разведения скота горно-таежные районы на периферии котловины. Однако на юге Хакасии андроновские памятники неизвестны. Вероятно, эта территория стала своеобразным анклавом, где на протяжении еще нескольких столетий окуневская культура продолжала свое существование. Этот этап ее развития пока практически не изучен. До сих пор не

Изображения в позднеокуневском стиле, нарисованные красной краской в горно-таежной местности в верховьях р. Амыл. Находятся возле древней тропы, связывающей юго-восточную часть Минусинской котловины с Тоджинской котловиной Тувы, в 30 км севернее основной цепи гор Саянского хребта.

Стела с антропоморфным ликом позднеокуневского стиля из улуса Бутрахты. Над антропоморфным образом позднее нанесены рисунки птиц. Судя по форме хвоста и положению крыльев — это токующие тетерева. Песчаник, 91 x 53 x 15 см.

Image of the late Okunev style executed in red paint from the mountainous taiga region of the upper reaches of the Amyl river. The image is located near an ancient path which connects the southeast section of the Minusinsk basin with the Todzha basin of Tuva and is 30 km north from the main chain of the Sayan mountains.

Stela with an anthropomorphic face of the late Okunev style, Butrakhty district. Images of birds were added later over the face. Judging by the form of the tail and position of the wings, they display black grouse. Sandstone, $91 \times 53 \times 15$ cm.

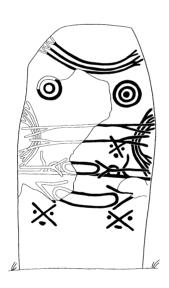

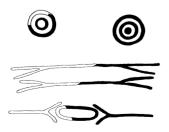
Стела с изображением антропоморфного лика позднеокуневского стиля, выбитым поверх лика более раннего времени. При этом глазами позднего изображения стали глаза более раннего образа. Стела найдена переиспользованной в ограде кургана тагарской культуры в окрестностях улуса Полтаков. Коричневый песчаник, 130 x 70 x 25 см.

Изображения лосей на южном склоне горы Тепсей. Животное, идущее первым, сочетает туловище лося с хвостом и рогом быка, наглядно демонстрируя влияние ритуально-мифологических представлений пришлых скотоводов на мировоззрение и изобразительную традицию местных охотников и рыболовов.

Stela with an anthropomorphic face of the late Okunev style, engraved over a face from an earlier period. Thus, the eyes of the earlier image were used as the eyes of the Okunev image. The stela was reused in a kurgan enclosure of the Tagar culture, Poltakov district. Brown sandstone, 130x 70 x 95 cm

Images of elk, southern slope of Tepsei mountain. The first in line is an animal which combines the torso of an elk with the tail and horns of a bull. Such a representation demonstrates the influence of ritual—mythological notions of migrant cattlemen depicted from the worldview and visual tradition of local hunters and fishers.

раскопано ни одного окуневского кургана, где были бы найдены стелы с антропоморфными ликами позднеокуневского стиля.

Направление эволюции стиля окуневских изображений подтверждают случаи использования раннеокуневских стел для создания изображений классической и поздней групп. Показательно, что в большей мере сходство с изображениями за пределами Минусинской котловины обнаруживает раннеокуневский пласт, а стиль изображений классической и поздней групп более самобытен.

Окуневская изобразительная традиция и ритуальномифологические представления оказали сильное влияние на культуру и искусство аборигенного населения Минусинской котловины, породив явление, которое можно назвать окуневским культурным фоном.

С другой стороны, вместе с монголоидным этническим компонентом, вошедшим в состав окуневцев, само окуневское искусство тоже унаследовало некоторые черты его изобразительной традиции и внимание к образам представителей местной фауны. Среди последних наиболее значим лось, изображения которого в большом количестве выбиты и нарисованы краской на скалах по берегам Енисея и его притоков.

Выделяется небольшая группа стел, наследующая некоторые традиции афанасьевской культуры. Создателями таких стел, видимо, были афанасьевцы и их потомки, попавшие в поле культурного влияния окуневцев. Они выбивали на камнях вертикальные ряды горизонтальных дуг и косых крестов, а также рисунки курильниц, которые, в отличие от окуневских, имели сбоку полукруглую ручку. В последующем этот изобразительный комплекс полностью интегрировался с классическим окуневским¹².

Немного обособлено на общем фоне окуневского искусства выглядят несколько стел с реалистичными лицами в верхней части. Глаза, губы и нос показаны рельефными выступами, часто выделены уши. В трех случаях на голове имеется невысокая шапочка. При этом стиль таких образов можно сравнить со скульптурой памятников сейминско-турбинского круга, найденной на территории Западной Сибири, Казахстана, Монголии и даже по другую сторону Урала. Возможно, они демонстрируют еще один компонент, участвовавший в формировании окуневского изобразительного феномена. Одно из таких изображений нанесено на нижнем конце перевернутой окуневской стелы классического облика, в средней части которой имелся рельефный яйцевидный овал. Другое — на нижнем конце перевернутой стелы с изображением вертикальных рядов горизонтальных дуг. Оба факта демонстрируют более позднее время создаФрагмент стелы из кургана Уйбат V, изображения на которой связаны с наследием афанасьевской культуры. Первоначально на камне был выбит вертикальный ряд горизонтальных дуг. Позднее плита была повернута на 90°, и на ней изобразили курильницу с ручкой, являвшуюся важнейшим ритуальным атрибутом афанасьевцев. Изогнутая линия соединила курильницу и рот простого антропоморфного лика в раннеокуневском стиле. Вероятно, она передает идею кормления божества дымом сжигаемого в сосуде или приглашение божества при помощи этого дыма на жертвоприношение. Красновато-коричневый песчаник, размеры широкой грани 86 x 55 см.

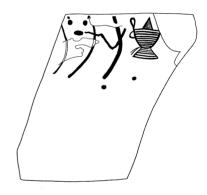
Курильница с ручкой из погребения афанасьевской культуры.

Стела с вертикальным рядом горизонтальных дуг на узкой грани, который, возможно, символизировал вертикальную ось мира, связывавшую землю и небо. Была переиспользована в ограде кургана тагарской культуры в окрестностях с. Усть—Есь. Красновато—коричневый песчаник, размеры узкой грани 380 х 40 см.

Stela fragment from the Uibat V kurgan whose images are linked with the heritage of the Afanasev culture. Originally, a vertical row of horizontal arches had been engraved on the stone. Later, the slab had been turned 90e and an incense burner with a handle had been depicted on it. The incense burner was the major ritual attribute of the Afanasev. A curved line connects the incense burner to the mouth of a simple anthropomorphic face in the early Okunev style. The image might have conveyed the idea of feeding the deity with smoke burnt in the vessel, or the idea of inviting the deity to a sacrifice by means of this smoke. Reddish brown sandstone, the dimensions of the broad side, 86 x 55 cm.

Incense burner with a handle from an Afanasev culture burial.

Narrow side of a stela with a vertical row of horizontal arches which might have symbolized the vertical axis of the world which links the earth and sky. It was reused in a kurgan enclosure of the Tagar culture, Ust–Es district. Reddish brown sandstone, dimensions of the narrow side, 380 x 40 cm.

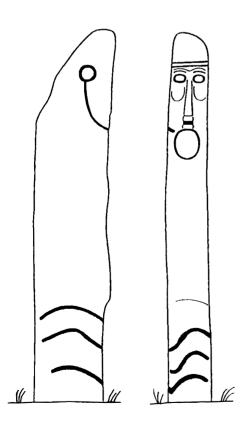

Стела с изображением реалистичного лица на вершине в нехарактерном для окуневского искусства стиле. Над лицом горизонтальным желобком выделена невысокая шапочка, а снизу расположен яйцевидный овал, как это принято у классических окуневских стел, но уменьшенного размера и без деталей антропоморфного лика. Этот реалистичный лик нанесен на нижнем конце перевернутой стелы более раннего времени с изображением вертикальных рядов дуг. Общий вид по фотоснимку начала XX в. и фото верхней части. Стояла одиночно в 900 м к северу от Большого Салбыкского кургана. В 1971 г. Л.Р. Кызласов провел раскопки на месте ее установки и обнаружил жертвенную яму с костями крупного и мелкого рогатого скота. Серый гранит, 340 х 60 х 35 см.

Stela with the image of the realistic face on the top in an unusual style for Okunev art. Above the horizontal lines of the face, a low hat has been demarcated. Below is an egg–shaped oval, as typical depicted on classical Okunev stelae, although reduced in size and without the details of an anthropomorphic face. This realistic face was carved on the overturned lower end of the stela later than the representation of a series of vertical arches. General view in an early 20th century photograph and a view of the stela's upper section. The stela stood alone 900 m to the north of the Bolshoi Salbyk kurgan. In 1971, L. R. Kyzlasov conducted an excavation on the place of it installation and found a sacrificial pit with the bones of large and small horned cattle. Grey granite, 340 x 60 x 35 cm.

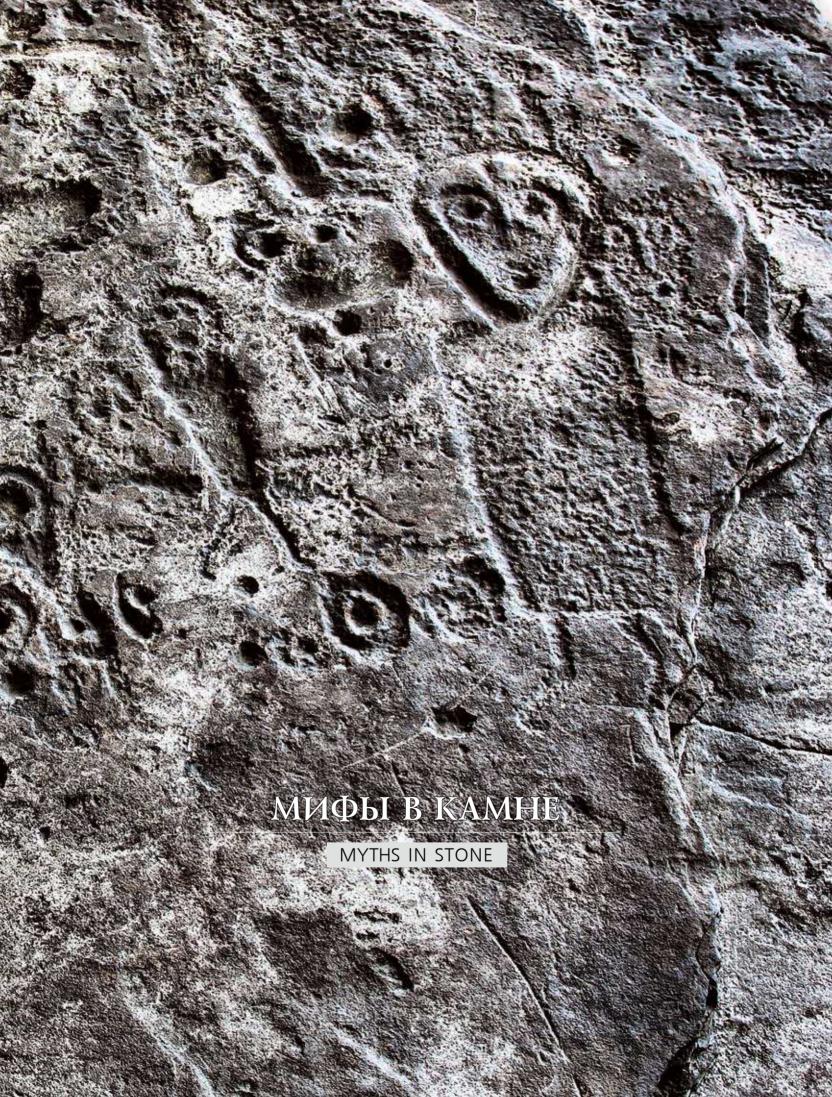

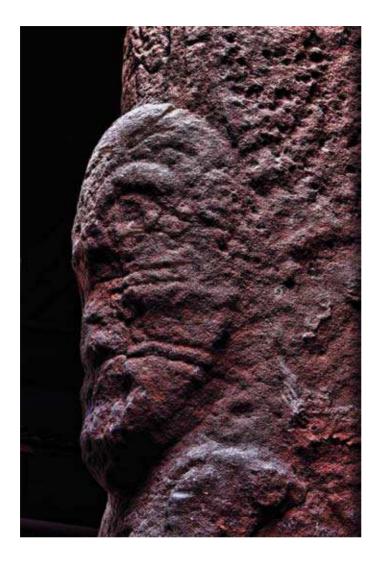

ния антропоморфных ликов такого стиля по сравнению с первоначальными изображениями этих стел. Вероятно, данная серия ликов появляется в Минусинской котловине в конце периода существования окуневских антропоморфных изображений развитого стиля.

В целом, окуневское искусство во всех своих проявлениях, видимо, отражает существование в Минусинской котловине определенной религиозной общности. Ее формирование, ритуально-мифологическое и изобразительное ядро связаны с окуневской культурой, но она включала и потомков ранее проживавшего здесь населения, и других мигрантов. Восприняв новые идеи, они тоже привнесли в окуневское искусство свои представления и образы.

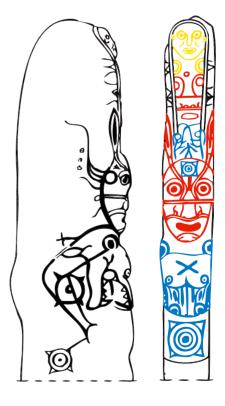

Рисунки на окуневских стелах — это своеобразный изобразительный текст, где каждый элемент несет определенную смысловую нагрузку. За внутренней структурой образов и композиций стоят сложные ритуально-мифологические представления. Окуневские изображения могут многое рассказать о своих создателях, их представлениях об устройстве мира и богах. При этом, для мифологического мышления древних невозможно было описать устройство мира, не поведав историю его возникновения.

Как уже говорилось, многим окуневским стелам присуща ярусная композиция. Обычно выделялись три яруса, каждый из которых олицетворял определенную часть мироздания: небо, наземный и подземный миры.

Стела из пос. Шира с композиционной осью на узкой вертикальной грани камня. Три объемно выполненных изображения определяют его структуру: в нижнем ярусе изображена открытая пасть хищного зверя, рядом с которой находится знак в виде круга с четырьмя треугольными лучами; в среднем ярусе расположен крупный овальный антропоморфный лик, поделенный горизонтальными линиями на три основных яруса; на вершине камня скульптурно высечено небольшое реалистичное лицо человека. Одновременно, все изображения этого памятника могут восприниматься как части тела и костюма одного божества, лик которого расположен в центре камня. Изображения над центральным ликом, которые в таком случае предстают элементами оформления высокого головного убора центрального божества, схематично дублируют трехчастную структуру всей стелы (для наглядности на прорисовке сходные изображения выделены одним цветом). Глаза зверя в нижнем ярусе стелы, если смотреть на него анфас, воспринимаются как грудь центрального божества, а пасть совмешена с выпуклым, «беременным» животом. Передние лапы зверя одновременно воспринимаются как руки антропоморфного образа. Красновато-коричневый песчаник. 290 х 80 х

Stela from the settlement of Shira with the compositional axis on the narrow vertical side. Three images in perspective define its structure: on the lower section is the open mouth of a wild animal and nearby is the rayed circle symbol with four triangular rays; on the middle section is a large ovular anthropomorphic face divided by horizontal lines into three main layers; on the upper section is a sculpture of a small realistic human face. Simultaneously, all images of this monument can be perceived as parts of the body and costume of one deity whose face is located at the center of the stone. Images laid over the central face — which in this case appear as elements of the high headdress of the central deity — schematically duplicate the tripartite structure of the stela (for clarity, similar images have been marked in one color on the tracing). If viewed frontally, the bestial eyes on the lower section of the stela can be perceived as the chest of the central deity, and the mouth is combined with the convex «pregnant» stomach. The forepaws of the beast are simultaneously perceived as the hands of the anthropomorphic image. Reddish brown sandstone, 290 x 80

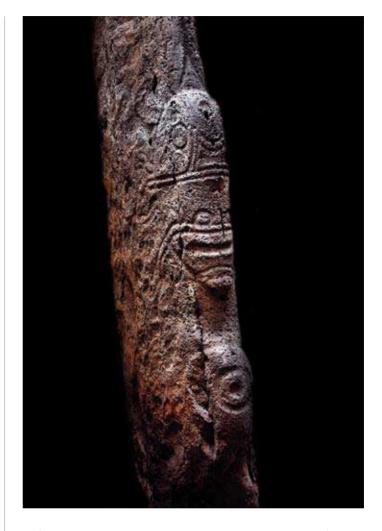

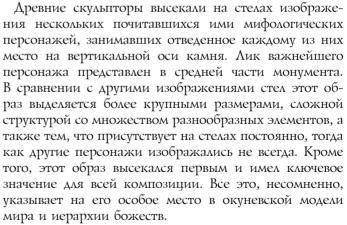

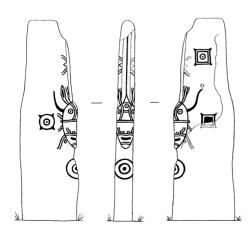
Стела с антропоморфным ликом в средней части вертикальной грани. Горизонтальными линиями лик поделен на три основных яруса: в верхнем находятся три кружка, обозначающие глаза; в среднем — полуовалы, обозначающие ноздри; в нижнем — рот. Найдена переиспользованной на средневековом могильнике в долине р. Ташеба на окраине современного г. Абакан. Серый песчаник, 220 x 65 x 22 см.

Stela with an anthropomorphic face in the mid-section of the vertical side. The face is divided by horizontal lines into three main sections: at the top are three circles depicting eyes; in the middle are semi-ovals depicting nostrils; at the bottom is a mouth. The stela was found reused in a medieval period burial ground in the Tasheba river valley in a suburb of the modern city of Abakan. Grey sandstone, 220 x 65x 22 cm.

Узкая и высокая голова, крупные глаза этого божества в средней части стел напоминают ярко выраженные признаки европеоидного антропологического типа. В то же время форма многих его элементов сильно отличается от формы реальных деталей человеческого лица.

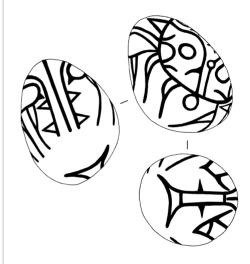
Так, часто у лика отсутствует изображение носа ноздри показаны, а нос даже не обозначен. Не вполне согласуется с реальной формой и правильный яйцевидный контур головы. К тому же в окуневском искусстве есть изображения овалов без каких-либо признаков лица внутри, а также скульптурные изображения яйцевидной формы. Это свидетельствует, что такая форма не является случайностью или стилизацией. В мифологическом аспекте яйцевидная форма и трехъярусная внутренняя структура центрального лика, его роль в композиции стел обнаруживают сходство с известным по мифам многих древних народов образом Мирового яйца, с которым связывалось возникновение мира. Такие представления были, например, у древних индоевропейцев, финно-угров, китайцев. Считалось, что из верхней части яйца образуется Небо, а из нижней — Земля.

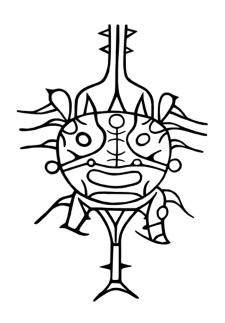
Окуневская яйцевидная голова демонстрирует аналогичную систему отождествления своих частей. В верхнем ее ярусе расположены «глаза», в среднем — «ноздри», в нижнем — «рот». И в данном случае это не просто детали лица, а символы соответствующих частей мира. Так, глаза могут видеть только при наличии света, а свет связан с небом. Дыхание, для которого служат ноздри, невозможно без воздуха, заполняющего пространство между небом и землей. Рот ассоциируется с Нижним миром. Ведь основная функция рта поглощение, разрушение¹³. Более того, форма изобразительных элементов, обозначающих глаза (кружок с лункой) и ноздри (полуовал), не моделирует форму органов чувств. Кружок с лункой в окуневском искусстве может изображать светило. По одной из гипотез три кружка в верхней части лика передают утреннее, дневное и вечернее солнце¹⁴. Иногда у лика показано даже не три, а четыре, пять, шесть глаз, различающихся по форме и технике исполнения. Этот факт, также как отождествление со светилами, передает представление о всевидении и всеведении божества. Полуовал, изображаемый на месте ноздрей, в окуневском искусстве является схемой небосвода в вертикальной проекции. Использование такого знака вместо ноздрей божества отождествляет его дыхание с дуновением ветра в Среднем мире. Рот божества не только функционально равнозначен пасти зверя в нижнем ярусе стелы, но, порой, сам показан с устрашающим звериным оскалом и клыками.

Последовательность нанесения образов на композиционно наиболее сложные стелы, вероятно, тоже не была случайной, и может быть соотнесена с этапами развития мира. На первом этапе все части будущего мироздания были заключены в Мировом яйце. Второй

Иамень природной яйцевидной формы с изображением антропоморфного лика. Его «третий глаз» расположен на вершине вертикальной линии — схематичного изображения Космического столпа. Подобно трехчастной структуре столбообразных стел это изображение столпа тоже поделено на три яруса. Снизу лика божества, несте его плеч, показана голова мифического хищного зверя. Камень найден на поле возле с. Аскиз. Серый гранит, 35 x 25 см.

Stone in an organic egg-shaped form with the image of an anthropomorphic face. Its "third eye» is located at the top of a vertical line — a schematic image of the cosmic pillar. Like the tripartite structure of pillar–shaped stelae, this representation of the pillar is also divided into three layers. Below the deity face and in place of its shoulders, the head of a mythical wild beast is shown. The stone was found in a field near the settlement of Askiz. Grey granite, 35×25 cm.

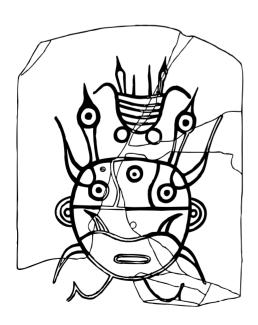

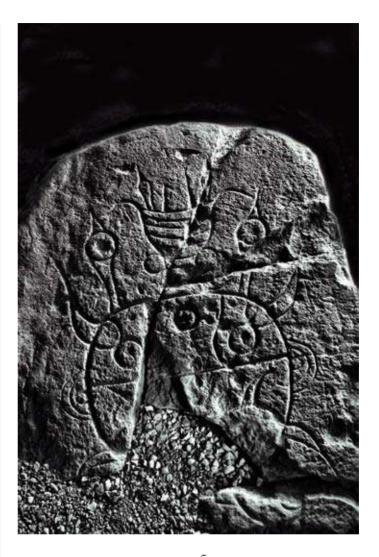
Стела из окрестностей с. Усть—Есь. Находилась на древнем святилище. Реалистично и скульптурно высеченный лик двумя горизонтальными линиями поделен на три основных яруса (более крупно фото на обложке). В верхнем ярусе показаны два глаза в виде рельефных круглых выступов с ямками в центре. В среднем ярусе имеются два овальных выступа, которые одновременно воспринимаются и как скулы всего образа, и как еще одна пара глаз, которые трактованы более реалистично, чем верхние. Вероятно, две пары расположенных таким образом глаз передают способность божества одновременно видеть и в Верхнем, и в Среднем мире. Красноватокоричневый песчаник, 310 х 70 х 25 см.

Стела из окуневского кургана в с. Усть-Бюрь. В верхней части стелы изображена четырехколесная повозка с копьями в кузове. По форме эти копья идентичны тем, что показаны крупнее на располженной ниже голове божества. В основании наконечников этих более крупных копий изображены кружки, аналогичные знакам, используемым в качестве глаз божеств. Поскольку значение таких кружков неразрывно связано с небом, светом и светилом, то, возможно, показанное оружие — это копья-молнии или копья-солнечные лучи, которыми владеют небожители.

Stela from Ust–Es district. The stela was located on an ancient sanctuary. The realistic and sculptural engraved face is divided by two horizontal lines into three main layers (see cover for a larger photograph). In the upper layer are two eyes executed in rounded relief protrusions with pits in their centers. In the middle layer are two oval ledges, which are simultaneously perceived as cheekbones of the entire image and as another pair of eyes which were depicted more realistically than the upper pair. Possibly, such a depiction of two pairs of eyes represented the ability of the deity to see simultaneously in the upper and middle worlds. Reddish brown sandstone, 310 x 70 x 25 cm.

Stela from an Okunev kurgan in the settlement of Ust–Byur. In the upper section of the stela is a four–wheeled cart with spears in the carriage. These spears are identical in form to those shown larger on the deily head located below. Based on the points, these larger spears are depicted as circles and are analogous to the symbols used for the eyes of deities. To the degree that such circles are linked inseparably with the sky, light and sun, it is possible that the depicted weapon was a lightning–spear or solar ray–spear which belonged to the celestial gods. Brown sandstone, 110 x 87 x 10 cm.

этап связан с отделением неба от земли, в результате чего возникает пространство, построенное на двоичных оппозициях. Оно описывается через противопоставление верхней и нижней части стел, а также центра и периферии. В структуре стел противопоставлены мужское и женское начала. Признаками, которые можно считать женскими (грудь, «беременный» живот), наделялась соотносимая с землей нижняя часть камня. В верхней половине подобные элементы никогда не изображались. Кроме того, верхняя часть подчас имеет фаллическую форму. Все это метафорически отождествляет небо с мужским началом, а землю — с женским.

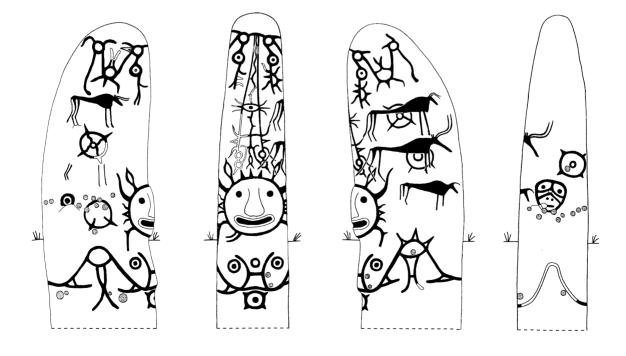
Изображения на некоторых стелах скомпонованы так, что предстают составными частями единого существа: центральный лик — его голова, верхняя часть камня — высокий головной убор, нижняя часть стелы — туловище. В другом варианте весь камень пред-

стает телом гигантской змеи, пасть которой расположена в его нижней части. Однако большинство стел лишено антропоморфного или зооморфного облика и напрямую соотносится с образом Мировой горы или Космического столпа, выполнявшего функцию оси Мироздания, разделяющего небо и землю. Существуют отдельные изображения этой горы. С ней также соотносился высокий конусовидный головной убор. Все стелы классического типа с композиционной осью на узкой грани предстают ритуальным эквивалентом этого образа, очень важного для окуневской модели мира.

Другие детали окуневских стел тоже поражают своей метафоричностью. Это касается даже таких простых объектов, как рисунки колющего метательного оружия. Порой при изображении копья показан каменный или бронзовый наконечник, а вместо древка извивающееся тело змеи. Или, наоборот, жало змеи показано вместо наконечника при реалистичном древке. У некоторых изображений наконечников копий развилка в виде змеиного жала имеется на кончике острия. Отождествление копья со змеей, несомненно, наделяло оружие особой силой, делало смертоносным. Надо заметить, что сравнение действия колющего оружия с укусом змеи встречается не только в искусстве окуневцев. Оно же зафиксировано в древнем эпосе и языке у некоторых других народов. Например, наименование острия наконечника жалом сохранилось

Стела из окрестностей с. Троицкое. Камень предстает телом большой змеи, пасть которой находится в его нижнем ярусе. Перед пастью находится знак в виде круга с четырьмя лучами. Над центральным ликом изображена еще одна, но более схематичная змея—стол пастью внизу. Атрибутами центрального лика, кроме рогов быка, являются два наконечника копья. Позднее на боковых гранях, поверх первоначальных рисунков стелы, были выбиты фигуры поджарых коров или волов. Красновато—коричневый песчаник, 210 х 70 х 40 см.

Stela from the vicinity of the village of Troitskoe. The stone appears as a body of a big snake whose mouth is in its lower layer. Before the mouth is the symbol of the four–rayed circle. Over the central face is another but more schematic snake–pillar with a mouth below. Besides bull horns, the attributes of the central face are the two spearheads. Later on the lateral sides, figures of lean cows or oxen had been engraved on the initial drawings of the stela. Reddish brown sandstone, $210\times70\times40\,\mathrm{cm}$.

98

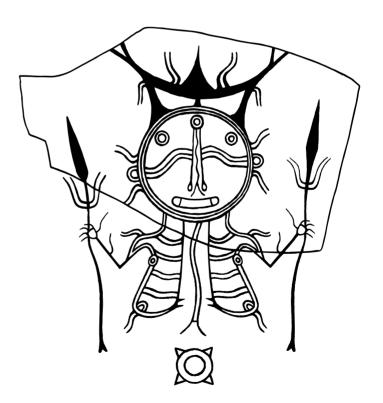

Фрагмент стелы из могильника Черновая VIII и предполагаемая реконструкция всего изображения. Сохранилась верхняя часть фигуры божества с загадочным оружием в руках, соединяющим в одно целое наконечник копья, рога быка и изогнутую в виде тела змеи линию. Вместо реальных деталей лица божества изображены знаки, обозначающие отдельные объекты и части пространства. Например, вместо носа изображен Космический столп, связывающий Верхний и Нижний миры. Внутри выбитых и прошлифованных желобков сохранилась красная краска. Красновато-коричневый песчаник, 130 х 85 см.

Stela fragment from the Chernovaya VIII burials and a proposed reconstruction of the entire image. Preserved is the upper section of a deity figure holding, in its hands, an unknown weapon composed of a spearhead, bull horns and curved snake body like line. In place of the actual details of the deity face are symbols which depict separate objects and parts of the environment. For example, a celestial pillar, that connects the upper and under worlds, is represented in place of the nose. Red paint has remained inside the engraved and polished lines. Reddish brown sandstone, 130 x 85 cm.

в русском языке. На двух стелах по бокам металлического наконечника изображены рога быка. Рога, как известно, — грозное естественное оружие некоторых реальных и мифических животных. В результате копье не только становится еще более сокрушительным, но и напоминает трезубец. Это достаточно редкий тип оружия, являвшийся атрибутом, прежде всего, некоторых божеств индо-европейской мифологии. По форме он ближе всего трезубцу Шивы, боковые острия которого тоже изогнуты подобно рогам быка.

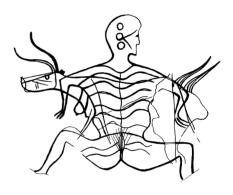
Важный образ окуневского искусства представлен изображениями женских фигур с согнутыми в коленях и разведенными в стороны ногами. Признаки беременности и наличие у некоторых фигур звериных когтей и лап позволяет отнести их к числу мифологических персонажей типа богини-матери, известных в культуре многих народов. На одном из рисунков богиня показана рождающей змей. Изображения окуневской богини были приурочены к обряду, связанному с темой плодородия животного и растительного мира, во время которого люди стремились заручиться ее покровительством. Такие детали, как распущенные волосы, височные кольца или серьги, роднят этот образ с женским персонажем на костяных пластинах и отдельных каменных стелах. Однако, сводить иконографически разные рисунки к образу одной богини вряд ли правильно. Скорее всего, в окуневской ритуально-мифологической системе имелись различные женские божества с разными функциями, как в древнеиндийской, греческой, переднеазиатских и других мифологиях. Изображения женских фигур в схожей с окуневской богиней позе с глубокой древности известны в Передней Азии.

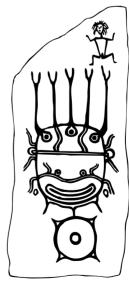
Изображение богини на фрагменте стелы из могильника Черновая VIII. Она показана резными линиями поверх двух противопоставленных по экстерьеру («тощее» и «тучное») и направлению головы особей крупного рогатого скота. Тело богини покрыто горизонтальными волнистыми линиями.

Стела из окуневского кургана в с. Верхний Аскиз. Основным изображением является лик божества. Его выбитые желобки покрашены красной краской. Позднее над ликом была нанесена женская фигура с распущенными волосами, шеей, разведенными в стороны руками и ногами. Красновато-коричневый песчаник, 145 х 62 х 16 см.

Images of goddesses on a stela fragment from the Chernovaya VIII burials. They are executed in carved lines over two opposed cows («lean» and «corpulent») on the exterior and the direction of their heads is a particular strong horned bovine. The body of one goddess is covered with horizontal wavy lines

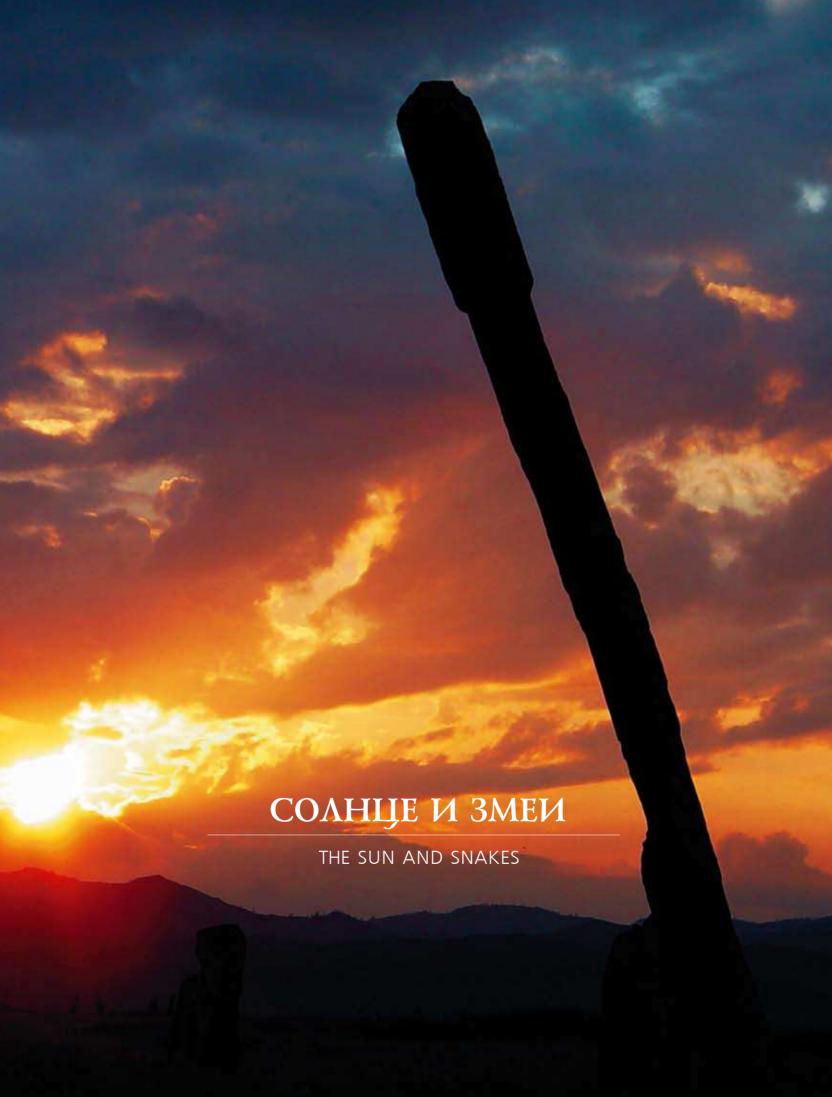
Stela from the Okunev kurgan in the village of Verkhniy Askiz. The basic image is a deity face. Its carved lines were painted red. Overlaid later on the face is a female figure with flowing hair, a neck, and, on either side, arms and legs. Reddish brown sandstone, 145x 62 x 16 cm.

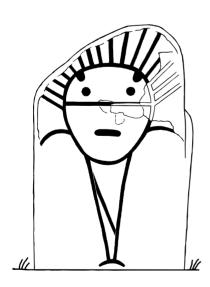

Стела с изображением солнцеголового божества из пос. Шира. В нескольких местах на лике божества обнаружены остатки красной краски, однако в желобках, где краска могла бы сохранить ся лучше всего, ее нет. Это позволяет предположить, что в окуневс кое время лик изображения был окрашен в красный цвет, а выбитые желобки оставлены белыми. Стела переиспользована на кургане более позднего времени. Строители кургана наклонно стесали ее верхнюю часть вместе с окончаниями ряда лучей. Светло-серый песчаник. 135 х 95 х 24 см.

Фигура шагающего божества с лучами сияния, изображенная тонкими резными линиями на плите из кургана Тас-Хазаа. У него голова хищной птицы, птичий хвост, рога быка. На груди изображен треугольник вершиной вниз.

Stela with a sun-head deity from the Shira settlement. In several places on the deity's face, traces of red paint were found. However in the lines where paint would have been better preserved, paint is not present. In the Okunev period, it can be assumed that the image of the face had been painted red, while the carved lines were left white. The stela was reused on a kurgan of later period. Builders of the kurgan had cut off its upper portion along with the ends of a series of beams. Light grey sandstone, 135 x 95 x 24 cm

Figure of a walking deity with shining beams, represented by thin carved lines on a plate from the Tas-Khazaa kurgan. The deity has a bird's tail, the head of a predatory bird, and bull horns. An inverted triangle was depicted on its chest

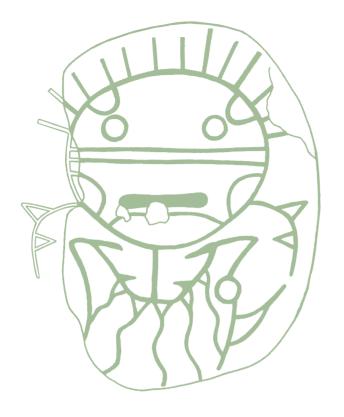

В ряду изображений на окуневских стелах имеются персонажи с большим количеством отходящих от головы вверх и в стороны линий. Так окуневцы представляли себе божество солнца или утренней зари, голова которого отождествлялась с солнечным диском, а волосы — с солнечными лучами. Подобное описание солнца как человекоподобного существа, от которого исходит сияние, сохранилось в некоторых древних мифопоэтических традициях. Например, в древнеиндийских текстах божество солнца имеет такие эпитеты как «Владыка жарких лучей», «Владыка тысячи лучей», «Лучащийся блеском», «Златовласый» 15.

В ряде случаев линии-лучи имеются у фигур, сочетающих признаки человека и птицы. Порой, они изображены на месте птичьих крыльев и хвоста, демонстрируя отождествление с оперением. Эта метафора тесно связана с другим мифологическим отождествлением — божества и птицы. Наиболее наглядно об этом свидетельствуют некоторые рисунки на плитах могильника Тас-Хазаа, сочетающие тело человека с головой хищной птицы. Представление различных богов в образе птиц имеет самое широкое распространение в мире. В различных культурных традициях с птицей могло отождествляться и солнце.

На большей части стел голова божества глубоко вдавлена в плечи, подобные двум мифическим холмам, за одним из которых, на востоке, солнце появляется утром, а за другой, на западе, опускается вечером. Его лик поделен на два яруса, соотнесенные в Верхним и Нижним миром, напоминая восходящее солнце, половина диска которого еще скрыта под землей.

Фрагмент стелы с изображением солнцеголового божества, снизу округлого лика которого находится раскрытая пасть мифического рогатого зверя. Составной частью пасти являются пять схематично показанных змей. Они демонстрируют силу зверя, делают его укус в пять раз смертоноснее. Одновременно эти же змеи имеют самостоятельное значение, т. к. сопоставимы с пятью змеями на фигуре божества со стелы из улуса Анхаков. Находка с ручья Тибик. Серозеленый алевролит, 55 х 38 х 12 см.

Фрагмент стелы с изображением солнцеголового божества из улуса Анхаков. Составлен из двух кусков, найденных переиспользованными в ограде кургана тагарской культуры. На лицевой стороне стелы сохранились остатки красной краски с оттенком, близким к оранжевому. Вероятно, ранее вся лицевая сторона стелы была окрашена. Красновато-коричневый песчаник, 250 x 130 x 25 см.

Stela fragment with the sun-head deity and below its roundish face is the open mouth of a mythical horned beast. Five snakes, schematically depicted, are parts of the mouth. They convey the strength of the animal and make its bite five times more lethal. At the same time, such snakes have their own meaning because they are comparable with the five snakes on a figure of a deity on a stela from the Ankhakov district. This stela fragment is located near the Tibik stream. Grey-green aleurolite, 55 x 38 x 12 cm.

Stela fragment with a sun-head deity, Ankhakov district. It was made of two pieces which were found reused in the enclosure of a Tagar culture kurgan. On the front of the stela, traces of red paint in an orangy shade have been preserved. The surface of stela might have been painted earlier. Reddish brown sandstone. 250 x 130 x 25 cm.

Исчезновение солнца могло объясняться также как его проглатывание мифической змеей или драконом, сочетающим признаки змеи и хищного зверя. Наиболее детально голова этого дракона изображена на стеле с ручья Тибик. На другой стеле, найденной возле улуса Анхаков, тот же персонаж имеет облик схематично показанной змеи. Она расположена вертикально на туловище божества, а ее раскрытая пасть изображена вместо треугольного ворота одежды. От змеи отходят лучи сияния. В пасти змеи изображен кружок, символизирующий солнце. Снизу плеч-холмов божества анхаковской стелы расположены более реалистичные змеи с длинным высунутым жалом. В ритмичных изгибах их тел показаны такие же кружки, как в пасти змеи под ликом. Это может символизировать цикличность появления и исчезновения солнца на небе. Всего таких кружков — одиннадцать, что соответствует количеству дней, на которые солнечный год длиннее года по лунному календарю. Количество лучей на голове божества — двадцать два, то есть в два раза больше. Это число тоже имеет календарное значение. В древности, для согласования счета времени по луне и по солнцу, каждый второй год в лунном календаре вводили дополнительный 13 месяц, состоявший из 22 дней. Таким

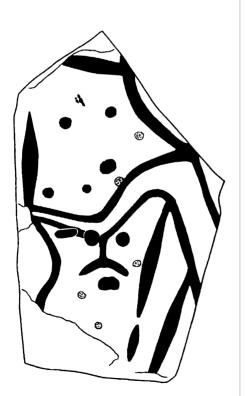

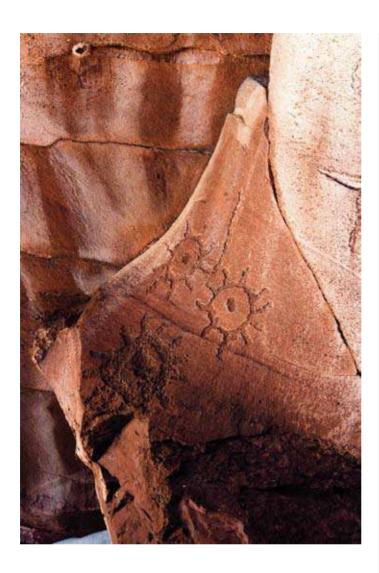
Фрагмент стелы с изображением части фигуры солнцеголового божества анфас. В разведенных в стороны руках божество держало змей с головами в виде каменного наконечника копья. Позднее поверх изображения выбиты простые антропоморфные лики и лунки. Коричнево-серый песчаник, 60 х 38 х 8 см.

Stela fragment with part of the frontal representation of a sun-head deity. In its respective hands, the deity held snakes with heads in the form of stone spearheads. Later, simple anthropomorphic faces and craters were embossed over the image. Brown–grey sandstone, $60 \times 38 \times 8$ cm.

образом, линии на голове персонажа такого типа могут не только изображать солнечные лучи, отождествляться с длинными волосами, но и символизировать определенные единицы времени, связанные с солнечными циклами.

Особый интерес вызывают две крупные змеи по бокам фигуры на стеле из улуса Анхаков. Они примечательны тем, что контур каждой из них образован из двух отдельных змей, соединенных поперечными линиями. От головы каждой из этих змей отходит жало, а третье жало расположено посередине. Этот прием позволяет выразить удвоенную и даже утроенную силу данных змей, их особую опасность и смертоносность. Возможно, эти змеи — грозное оружие окуневского божества — змеи-копья. В пользу этого свидетельствует изображение на частично сохранившейся стеле с р. Есь. На ней в руке солнцеголового божества изображена змея, вместо головы которой показан наконечник копья, аналогичный по форме некоторым реальным окуневским каменным наконечникам. Отождествление копья со змеей демонстрирует особую силу оружия солнца. Кстати, в виде каменных наконечников на той же стеле изображены лучи, отходящие от самой фигуры божества. Упоминавшиеся выше рисунки принадлежат к раннеокуневскому искусству, а с классическим этапом связано изображение, у которого лучи на голове показаны уже в виде бронзовых наконечников копий. Изображение наконечников копий на голове вместо лучей раскрывает метафорическое отождествление луча света с колющим метательным оружием. Оно имеет параллели в целом ряде культур. Например, в иранских языках одно и то же слово обозначает стрелу и солнечный луч. В фольклоре селькупов как огненная стрела выступает молния. У бурят представление о молнии связано с наконечником копья или стрелы. Многочисленные отождествления копья, дротика и стрелы с лучом света и молнией встречаются в Ригведе и древнеиндийском эпосе¹⁶. В свою очередь действие колющего метательного оружия, как говорилось выше, отождествлялось окуневцами с укусом змеи. Напрямую ассоциативная связь луча света со змеей представлена в рисунке лика божества с Шалаболинской писаницы: отходящие от него лучи раздваиваются на конце в виде змеиного жала. Все это раскрывает воинственный характер персонажа и во многом объясняет его тесную связь с изображениями змей. Воинственный характер божества солнца отражен и в ряде древних мифов: например, в древнешумерском эпосе солнце побеждает чудовищ; с различными врагами оно сражается в древнеегипетских мифах; в Ригведе и древнеиндийском эпосе бог солнца побеждает тьму, болезни, врагов, к нему обращаются с просьбой охранять людей¹⁷.

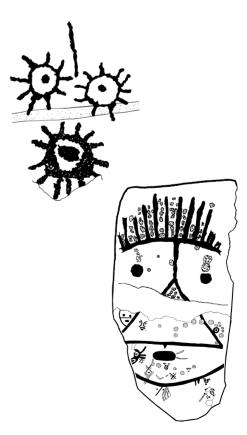
Используемые при создании образов окуневских богов изобразительные метафоры и атрибуты можно рассматривать как восхваления качеств и способностей, прямо или косвенно связанных с содержанием той просьбы, с которой люди обращались к ним во время обряда. Вероятно, проявить именно эти качества и способности просили божество. Применительно к солнцеголовому персонажу это могли быть просьбы воссиять на небе, даровать свет, прогнать тьму, защитить от врагов, поддержать существующую в природе цикличность 18. Просьбы такого рода вполне соответствуют целям сезонных обрядов, для которых, очевидно, и создавались регулярно окуневские стелы.

Лик божества, выбитый на южном склоне горы Тепсей. Рисунок расположен на естественном выступе, напоминающем по форме голову человека в конусовидном головном уборе. Вертикальная линия, расположенная чуть выше глаз, соответствует такому же знаку на лбу солнцеголового персонажа со стелы из Анхакова, а естественный желобок в середине камня взял на себя роль горизонтальной линии между глазами и ртом. Однако лучи сияния отходят не от контура лица, который не изображен, а от основных его элементов — глаз и рта. Белый кальцитовый натек, покрывающий поверхность скалы по бокам и сверху образа, усиливает впечатление исходящего от него света.

Фрагмент стелы с изображением самого крупного из окуневских ликов с лучами. В середине лица показан треугольник, отождествляющий нос божества с горой. Позднее на стеле выбит целый ряд лунок и миниатюрных ликов разного типа. Стела найдена переиспользованной в кургане тагарской культуры возле улуса Полтаков. Красновато-коричневый песчаник, 250 х 120 см.

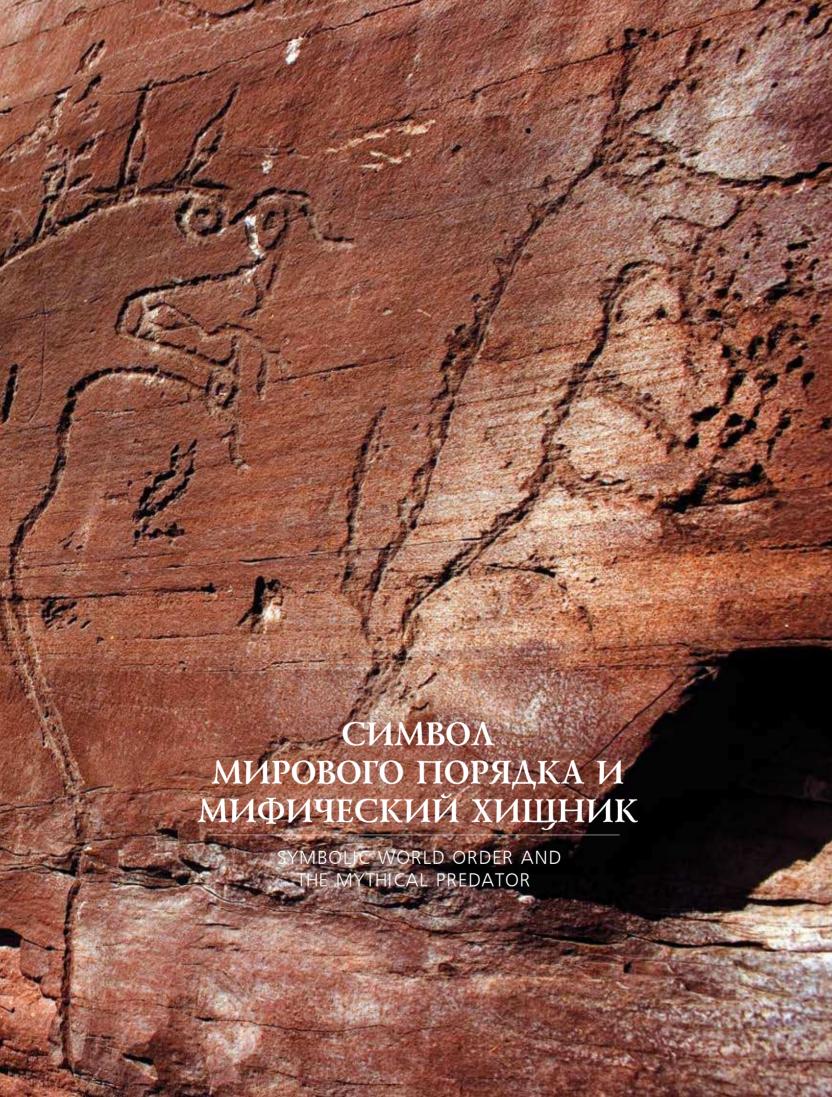
Face of a deity engraved on the southern slope of Tepsei mountain. The drawing is located on a natural ledge resembling the form of a human head with a conical headdress. A vertical line, located a little higher than the eyes, corresponds to the same sign on the forehead of the sun-head character from an Ankhakov stela, and the organic troughs in the middle of a stone plays the role of a horizontal line between the eyes and mouth. Celestial rays emit, however, not from the contour of a face, which is absent, but from its main elements — the eyes and mouth. Covering the surface of the cliff on each side and above the image is white calcite sinter, which strengthens the impression of light emanating from the deity.

Stela fragment with the largest Okunev face with rays. In the middle of the face a triangle has been depicted identifying the deity's nose with a mountain. Different types of miniature faces and pits were engraved later on the stela. The stela was found reused in a Tagar culture kagan, Poltakov district. Reddish brown sandstone, 250 x 120 cm.

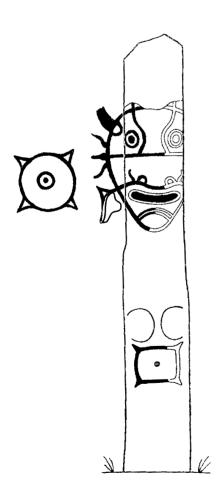

Стела с обломанной вершиной из окрестностей д. Новая Черная. На боковой стороне стелы изображен круг с маленьким кружком в центре и четырьмя треугольными лучами снаружи, а в нижней части лицевой грани — квадрат, тоже с выделенным центром и четырьмя лучами. Серо-коричневый песчаник, 187 х 94 х 22 см.

Стела из могильника Черновая VIII. Снизу от изображения антропоморфного лика расположен наиболее типичный вариант знака в виде круга с четырьмя треугольными лучами и выделенным центром. Красновато-коричневый песчаник, 124 x 62 x 8 см.

Stela with a damaged top from the vicinity of Novaya Chernaya village. A circle with a little circle in the centre and four triangular rays surrounding it was represented on a side of the stela, and a square, also with an outlined center and four rays, was represented on the lower portion of the front side. Grey-brown sandstone, $187 \times 94 \times 22 \text{ cm}$.

Stela from the Chernovaya VIII burials. Located below the image of an anthropomorphic face is the most typical variant of the rayed circle symbol with four triangular rays and outlined center. Reddish brown sandstone, $124 \times 62 \times 8$ cm.

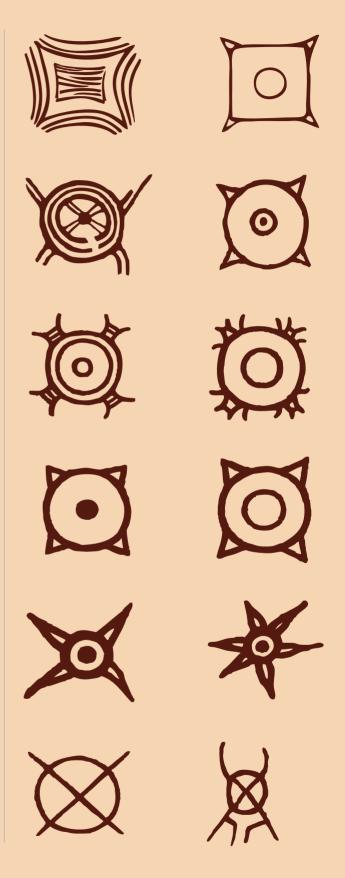

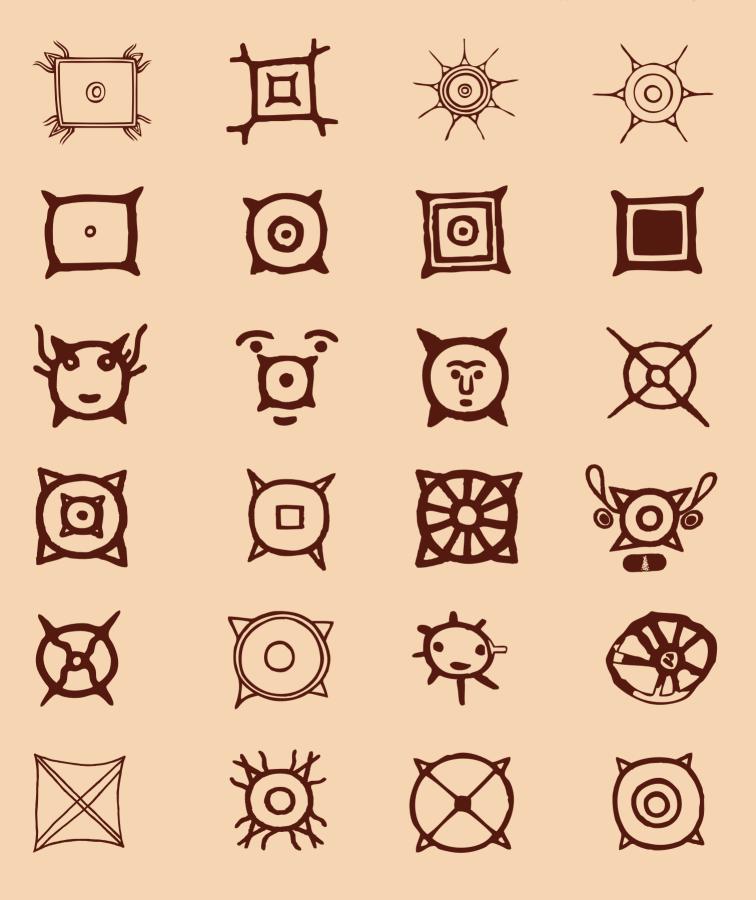

Широко распространенным изображением в окуневском наскальном искусстве является знак в виде круга или квадрата с четырьмя треугольными лучами. Благодаря своей относительно простой и гармоничной структуре он был легко воспринят современной культурой, став олицетворением не только окуневского искусства, но и в целом богатой древней истории и культуры Хакасии. Сегодня он фигурирует на флаге и гербе республики. Традиционно окуневский знак в виде круга или квадрата с лучами именуется «солярным», т.е. солнечным. Однако это объяснение не является вполне верным.

Сегодня в окуневском искусстве известно более сорока вариантов знака в виде круга или квадрата с лучами. Наиболее существенные различия между вариантами определяются формой контура (круг или квадрат), количеством лучей (четыре или более четырех), расположением лучей (снаружи или внутри), напичием или отсутствием элементов антропоморфного образа. Наибольшим разнообразием отличаются лучи. Своей формой они моделируют образы горы, столпа или змеи.

Today more than forty variants of the symbol of the rayed circle or square are known in Okunev art. The essential distinctions between the variants are defined by the contour form (a circle or a square), quantity of rays (four or more four), location of the rays (surrounding or within the circle or square), and the presence or absence of elements of an anthropomorphic image. The rays differ in the greatest variety. In their form, they can model images of mountains, pillars or snakes.

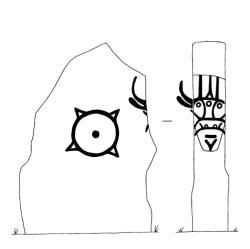

Стела из окрестностей улуса Кызлас. Знак в виде круга с лучами расположен на широкой стороне камня, как это типично для стел с основной композиционной осью на узкой вертикальной грани. Красновато-коричневый песчаник, 85 x 65 x 20 см.

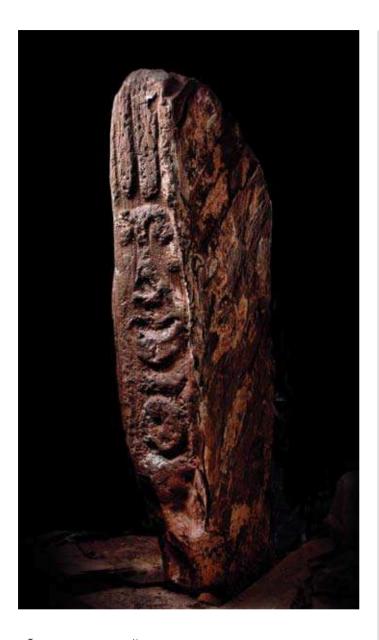
Stela from the vicinity of Kyzlas village. The rayed circle symbol is located on the broad side of the stela, which is typical for stelae with the main composite axis on the narrow vertical side. Reddish brown sandstone, $85 \times 65 \times 20$ cm.

Окуневское искусство передает не зрительное восприятие пространства, учитывающее лишь удаленность отдельных объектов от наблюдателя, а ориентировано на воспроизведение целостного представления о них. В терминологии современной геометрии и черчения оно основано на методе ортогональных проекций. В такой системе единственно возможным способом передачи глубины пространства было обращение к плану, к виду сверху, через разворачивание проекций пространственных объектов вокруг определенного центра. Например, чтобы передать устройство повозки, ее показанные в проекции сбоку колеса расположены по сторонам изображенного в плане кузова. Именно так изображена повозка на горе Тепсей. С этих же позиций следует подходить к объяснению окуневского «солярного» знака. Его структура передает не солнце и его лучи, а схему мира. Треугольники моделируют четыре Мировые горы в боковой проекции, соотнесенные с четырьмя сторонами света. Они развернуты вокруг круга или квадрата, передающего в плане границы мира через представления о форме неба (круг горизонта) или земли (квадрат). Квадратную форму, моделирующую границы земного мира, имеют также ограды окуневских курганов. При этом в углах некоторых оград установлены вертикальные камни, сопоставимые с лучами знаков. В некоторых оградах углы соединены с надмогильным сооружением в центре диагональными выкладками, подобными четырем линиям внутри некоторых знаков. Объекты по краям мира имеют защитную, охранительную функцию, оберегая мир от различных опасностей. Сопоставимые модели мира с четырьмя горами или божествами-охранителями по сторонам света известны по древним мифам Индии, Китая, Египта, Месопотамии и др. Более поздним наглядным графическим воплощением подобных представлений об устройстве мира являются буддийские мандалы.

Важной частью знаков в виде круга и квадрата с лучами выступает центр, выделенный каким-либо элементом. В различных мифологических системах центр мира наделялся максимальной сакральной силой, являлся источником порядка, местом творения. Вероятно, такие же представления были и у окуневцев. Об этом можно судить по структуре сложных, трехъярусных стел, в середине которых помещался образ Мирового яйца. При этом центр знака мог быть отмечен еще одним таким же знаком меньшего размера, наглядно выступая как микрокосм и «источник» всего изображения.

В структуре знаков в виде круга и квадрата с лучами, видимо, получили отражение не только представления об организации пространства, но и времени. Это было

обусловлено тесной связью в сознании древних сторон света с частями суток и сезонами года. Поэтому четыре луча могут моделировать как пространственную, так и временную структуру мира: четыре части суток, месяца, года. Иногда по бокам треугольников изображены рога, и число элементов по периметру знака достигает двенадцати. Поэтому во временном аспекте весь знак может отождествляться с годовым календарным циклом. Вне этой цикличной композиции находится только центр, который в контексте пространственно-временной модели мира мог соотноситься с началом времени.

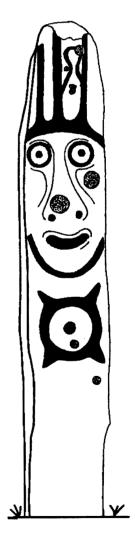
Представления о структуре пространства и времени,

Стела с устья р. База. Знак в виде круга с лучами расположен снизу от лика божества. Красновато-коричневый песчаник, $230 \times 75 \times 25 \text{ cm}$.

Стела из окуневского могильника в с. Верхний Аскиз. Знак в виде круга с лучами изображен снизу антропоморфного лика, вместо носа которого показано схематичное изображение Космического столпа с расходящимися в стороны змеевидными линиями. Красновато-коричневый песчаник, 125 х 75 х 25 см.

Stela, mouth of the Baza river. The rayed circle symbol is located below the deity face. Reddish brown sandstone, 230 x 75 x 25 cm.

Stela from Okunev burials in the village of Verkhniy Askiz. The rayed circle symbol is represented below an anthropomorphic face. In place of a nose there is the schematic image of a celestial pillar with dispersed serpentine lines. Reddish brown sandstone, $125 \times 75 \times 25$ cm.

Стела с утраченной верхней частью. Знак в виде круга с четырьмя треугольными лучами изображен в середине лика божества. Такая его позиция, учитывая значение центра в окуневском искусстве, указывает, что божество подчиняется священному мировому порядку, следует ему в своих действиях. Желтовато-коричневый песчаник, 170 x 95 x 26 см.

Stela with a missing upper section. The circle symbol with four triangular rays is represented in the middle of a deity face. Such a position, considering the value of the center in Okunev art, indicates that the deity submits to a sacred world order and observes it in its actions. Yellowish brown sandstone. $170 \times 95 \times 26$ cm

отраженные в окуневском знаке, имели исключительно важное значение для человека на ранних стадиях развития общества. Наблюдения за вполне очевидной цикличностью различных природных процессов легли в основу широко распространенных в древности представлений о священном мировом порядке. Считалось, что именно он регулирует все природные явления, связывает их в единую систему. Ему подчиняются даже боги. Культовая практика людей рассматривалась как неотъемлемая часть этого порядка. Наиболее близкими территориально и эпохально к окуневскому искусству примерами реализации таких представлений являются космические законы *рита* (Rtá-) и аша (ašá-). Они зафиксированы в текстах Ригведы (1700-1100 гг. до н.э.) и Авесты (1000—330 гг. до н.э.)¹⁹. Окуневские изображения в виде круга и квадрата с лучами, связывающие в хорошо упорядоченное целое важнейшие параметры мира, можно рассматривать как изобразительную форму воплощения типологически схожей идеи. Наличие у некоторых окуневских знаков элементов антропоморфного лика указывает на обожествление и персонификацию окуневского космического закона. Это перекликается с фактами обожествления

космического закона у других народов.

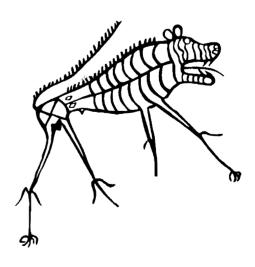
Самое типичное место, где изображается знак в виде круга или квадрата с лучами, находится в нижней части лицевой грани стел. Эта часть камня связана с Нижним миром. Здесь окуневский знак сочетается с изображениями беременного живота и раскрытой пасти мифического хищника. На стеле с оз. Беле половина знака скрыта внутри пасти, что можно понимать как его проглатывание или отрыгивание. Обычно пасть напоминает медвежью или змеиную. Наиболее полные рисунки такого персонажа соединяют части тела разных животных, представляющих все три мира (змеи, медведя, быка, птицы и др.). Это наделяет его присущими каждому из них качествами. Исходя из композиционных отношений между хищником и знаком, хищник может рассматриваться как воплощение угрозы для миропорядка и, одновременно, как его хранитель и создатель. Отметим, что схожие отношения имеются между космическим законом и богом Варуной в Ведах²⁰. Три знака в виде круга или квадрата с лучами

Эстамп изображения мифического зверя на стеле, переиспользованной в могильнике тагарской культуры Черновая IX. У хищника человекоподобное туловище, покрытое пятнами, как у барса. На голове изображены четыре вертикальные эмеевидные линии, по форме и расположению одновремено напомнающие рога быка. В руке божества схематичное изображение мифической эмеи. По бокам фигуры расположены вертикальные ряды горизонтальных дуг. Поверх рисунка позднее нанесено несколько фигур «тощих» коров. Красновато-коричневый песчаник, 180 х 90 см.

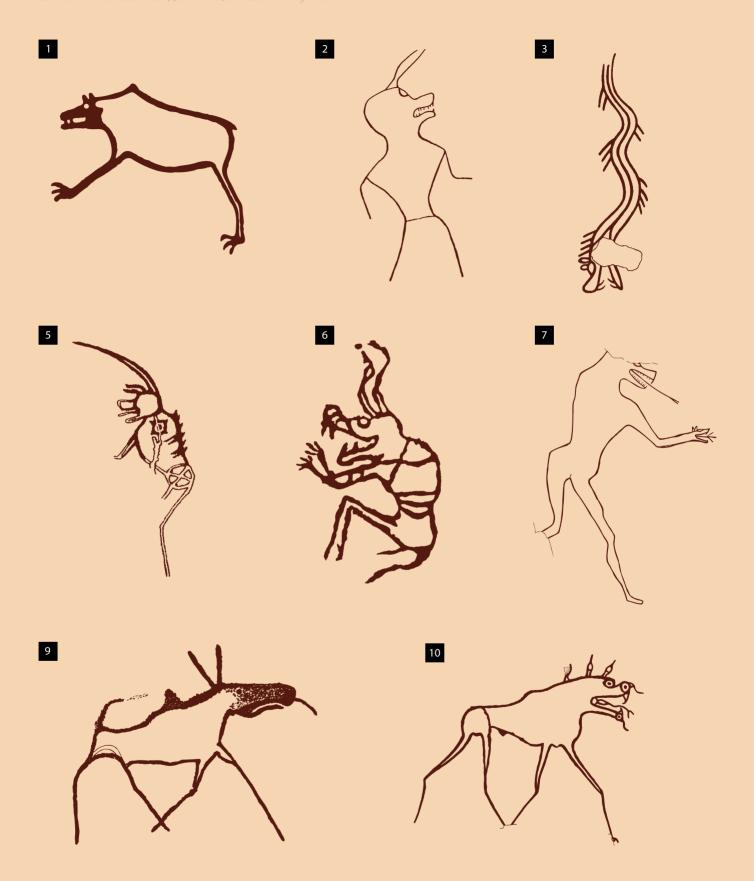
Фрагмент стелы из кургана Черновая VIII. Поверх изображения трехглазого антропоморфного лика нанесена фигура мифического хищника с головой медведя, языком змеи, ногами и туловищем лося, когтями хищного зверя или хищной птицы, закинутым над спиной длинным хвостом как у представителей семейства кошачых. Коасновато-количневый песчаник. 110 х 90 х 8 см.

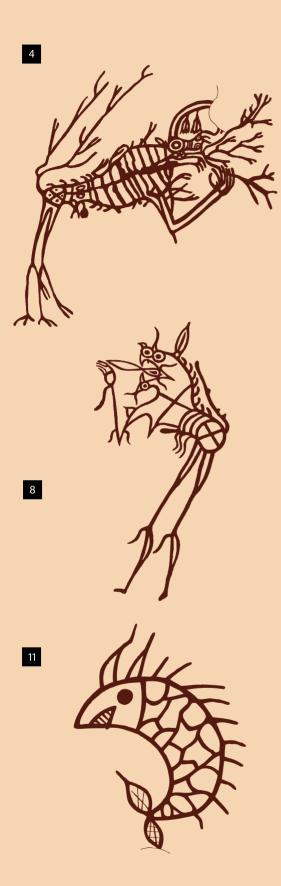
Print of the image of a mythical animal on a stela reused in the Tagar culture burial at Chernovaya IX. The predator has a human body covered with the spots of leopard. Four vertical serpentine lines are represented on the head and in form and placement simultaneously resemble the horns of a bull. In the deity's hand there is a schematic image of a mythical snake. On each side of the figure vertical rows of horizontal arches are located. A few figures of lean cows were laid over the drawing later. Reddish brown sandstone. 180 x 90 cm.

Stela fragment, Chernovaya VIII kurgan. Laid over an image of a three-eyed anthropomorphic face is the figure of a mythical predator. The predator has the head of a bear, tongue of a snake, feet and a torso of an elk, claws of a wild animal or a predatory bird, and, along its spine, a long tail similar those from the felidae family. Reddish brown sandstone, $110 \times 90 \times 8$ cm.

Изображения мифических хищников в окуневском искусстве, также как и другие образы, отличаются большим разнообразием. Различия в трактовке туловища позволяют подразделять их на несколько групп и типов. Одна группа объединяет фигуры, стоящие на задних и передних ногах и имеющие в основе туловище лося, быка, медведя, а также волка или собаки. Другая объединяет фигуры, стоящие только на задних конечностях с человекоподобным туловищем и передними конечностями, отличными от задних. Помимо этого, известны окуневские мифические хищники с телом змеи и рыбы. Несмотря на разнообразие вариантов, изображения отличаются повторением определенного набора признаков. Это, вероятно, обусловлено существовавшими параллельно в устных текстах устойчивыми формулами описания таких образов, основанными на традиционных метафорах и эпитетах. Одна из таких метафор — отождествление языка хищника с жалом змеи и наконечником копья.

1, 9 — Суханиха; 2 — Мертвый лог; 3 — Кызлас; 4 — Бырганов; 5 — Тазмин; 6 — Черемушный лог; 7 — Озерная; 8 — Трошкин; 10 — Тюре; 11 — Беренжак.

Images of mythical predators from Okunev art, which, as for other images, are distinguished by their wide variety of representations. Differences in the treatment of the torso permit their subdivision into several groups and types. One related group depicts a figure standing on its front and back extremities with the basic torso of an elk, bull, bear, and a wolf or dog. Another related group depicts the figure standing only on the back extremities with a human body, the front extremities are distinguished from the back. Besides these, there are Okunev mythical predators with the body of a snake and fish. Despite the number of variants, images also differ in their steady repetition of a certain set of symbols. This might have been brought about by parallels with oral texts and their steady formulaic descriptions of such images based on traditional metaphors and epithets. One such metaphor describes a predator's torque as a tongue of a snake and a spearhead.

1, 9 — Suhaniha; 2 — the Dead broad gull; 3 — Kyzlas; 4 — Byrganov; 5 — Tazmin; 6 — Cheremushnyj broad gull; 7 — mountain Ozernaya; 8 — Troshkin; 10 — Tyure; 11 — Berenzhak.

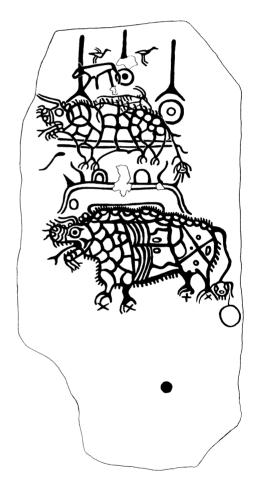
на боковых сторонах стел соотносятся с тремя ярусами мироздания.

Передавая своей структурой устройство мира, окуневский знак мог метафорически отождествляться с солнцем. Это обусловлено наглядной связью между цикличностью в природе и движением светила. Круглая форма большинства вариантов окуневского знака сравнение с солнцем тоже допускает. Схожее понимание космического закона существует в Ригведе, отождествляющей путь рита и путь солнца, называющей солнце ликом рита²¹. В таком контексте расположение окуневского знака в нижней части стел соответствует пребыванию солнца под землей в ночное время. А его композиционная связь с хищником может рассматриваться еще и как вариант архаичного мифа о погоне зверя за небесными светилами, которая является причиной смены дня и ночи, наступления затмений.

В целом, древнее окуневское божество в образе грозного мифического хищника предстает гарантом упорядоченной смены регулярных фаз миропорядка. Его связь с временными циклами проявляется также в использовании сакральных календарных чисел в структуре таких изображений²². Наиболее полно календарные представления нашли отражение в изображении хищников на стеле из окрестностей с. Аскиз. В частности, на крупе нижнего животного возле хвоста выбито 7 коротких линий, которые можно соотнести с количеством дней в неделе. На его спине -52 таких же линии, соответствующих числу полных семидневных недель в солнечном году. На груди и животе зверя — по 12 линий, равных числу месяцев в году. Однако 52 недели короче истинного солнечного года на 1 день. За два года это расхождение достигало 2-х дней. Возможно, именно их обозначают две короткие линии между передними ногами зверя. Используя представленную на изображении комбинацию чисел, можно было точно вычислять повторное наступление поворотных моментов солнечного календаря — дней солнцестояния и равноденствия. На спине верхнего хищника той же стелы выбито только 22 линии. Это тоже очень важное календарное число. Оно необходимо для согласования счета времени по циклам солнца и луны, т.к. соответствует количеству дней, на которые все те же два года по солнечному календарю длиннее двух лет по лунному календарю. Все эти знания лунных и солнечных циклов были необходимы древним жителям Минусинской котловины для своевременного совершения различных обрядов.

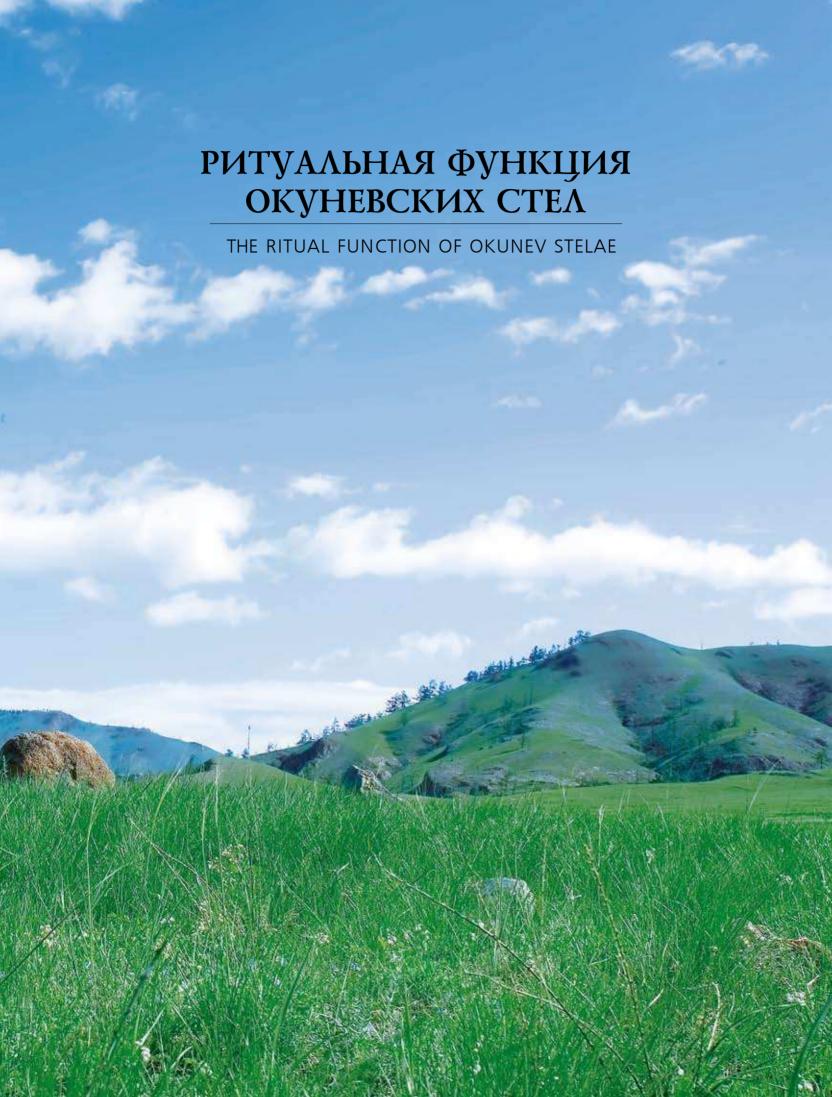
Стела с р. Аскиз с изображением двух фигур мифических хищников с головой медведя, языком змеи, туловищем и рогами быка, лапами хищной птицы. Фигуры нанесены поверх изображения трехглазого антропоморфного лика. Красновато-коричневый песчаник, 210 x 105 см.

Stela from the Askiz river with two figures of mythical predators having the head of a bear, the tongue of a snake, bull horns and torso, and the paws of a predatory bird. The figures were laid over the image of three–eved anthropomorphic face. Reddish brown sandstone, 210 x 105 cm.

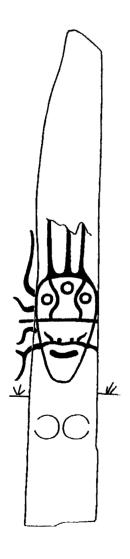

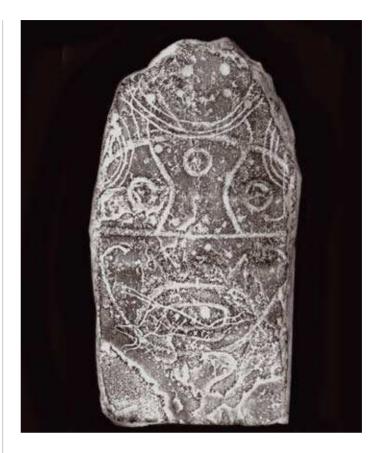
Стела из Верхнебиджинской степи. Найдена вкопанной в перевернутом положении в ограде кургана тагарской культуры. Желобки изображения были покрашены красной краской. Серый гранит, 185 х 45 х 30 см.

Эстамп стелы с оз. Черное. Судя по короткому нижнему краю, не предназначалась для вкапывания в землю. На стеле изображен антропоморфный лик с яйцевидным контуром и трехчастным вер тикальным делением. Позднее над кружками глаз были нанесены дуги, изменившие облик образа. Поверх овала рта выбита фигура вола с петлей в носу и косыми крестами на туловище. Красноватокоричневый песчаник. 115 х 63 х 13 см.

Stela, Verkhnebidzhinskaya steppe. The stela was found buried and turned over in a kurgan enclosure of the Tagar culture. The lines of the image have been painted red. Grey granite, 185x 45 x 30 cm.

Print of the stela, lake Chernoe. Judging by the short bottom edge, the stela was not utilized for digging the earth. An anthropomorphic face with an egg-shaped contour and the three-part vertical division are represented on the stela. Later over the circles of eyes, arches were added changing the appearance of the image. Over the oval mouth a figure of an ox with a loop in its nose was engraved as well as slanted crosses on the torso. Reddish brown sandstone, $115 \times 63 \times 13$ cm.

Современному человеку, живущему во времена, когда произведения монументального искусства создаются почти исключительно для украшения интерьеров зданий или площадей городов, трудно понять логику древних, тративших много сил и времени на то, чтобы нанести на каменную глыбу изображение, а потом поставить в открытой степи. Но в те далекие эпохи изобразительная деятельность не ограничивалась эстетической функцией. И конечно древний скульптор старательно работал с камнем совсем не для того, чтобы собрать своих соплеменников на презентацию скульптуры, получая восторженные отклики и одобрительные рецензии искусствоведов. В те времена создание произведений искусства было тесно связано с магией и ритуалом. Окуневские стелы ставились в степи примерно по тем же причинам, по которым до сих пор строят храмы. Культовый характер стел надежно доказан благодаря раскопкам нескольких древних святилищ, на которых все они когда-то находились. Правда, стел, сохранившихся до нашего времени на своих первоначальных местах, осталось немного. Большинство из них было переиспользовано в качестве строительного материала при сооружении курганов и поминальных объектов более поздних эпох.

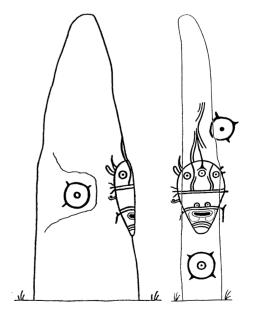

Изучение окуневских святилищ, проведенное в 1970 — 1972 гг. экспедицией Московского университета им. М.В. Ломоносова под руководством Л.Р. Кызласова, выявило существование строго регламентированного ритуала их установки и использования²³. Все стелы первоначально ориентировались лицевой стороной в направлении восхода солнца. Перед установкой стелы на дно подготовленной для этого ямы клали части принесенных в жертву животных. Обычно это была шкура с головой молодого барашка, иногда другие части того же животного, а также кости лошади, лося, медведя. Основание стелы укреплялось камнями. Каждая сопровождалась жертвенником, расположенным с южной стороны и представлявшим собой еще одну плотно заполненную камнями яму. Под камнями и между ними также обнаружены кости жертвенных животных. По возрасту принесенных в жертву барашков Н.В. Леонтьеву удалось установить время сооружения святилищ²⁴. Обычно животным три или шесть месяцев, поэтому с учетом окота овец в традиционных скотоводческих хозяйствах в конце марта — первой половине апреля, создание святилищ выпадает на наиболее значимые для древних календарные даты, знаменовавшие смену сезонных и годичных фаз — дни летнего солнцестояния и осеннего равноденствия. Судя по ориентировке стел, их устанавливали утром, чуть позже восхода солнца.

Воздвижением стел, очевидно, отмечали также дни зимнего солнцестояния и весеннего равноденствия. Из-за промерзания почвы, затруднявшего проведение земляных работ в это время года, к этим праздникам, вероятно, создавали стелы, которые не предполагалось вкапывать в землю. Изображения лиц божеств на них выбивались на широкой стороне плиты, почти во всю

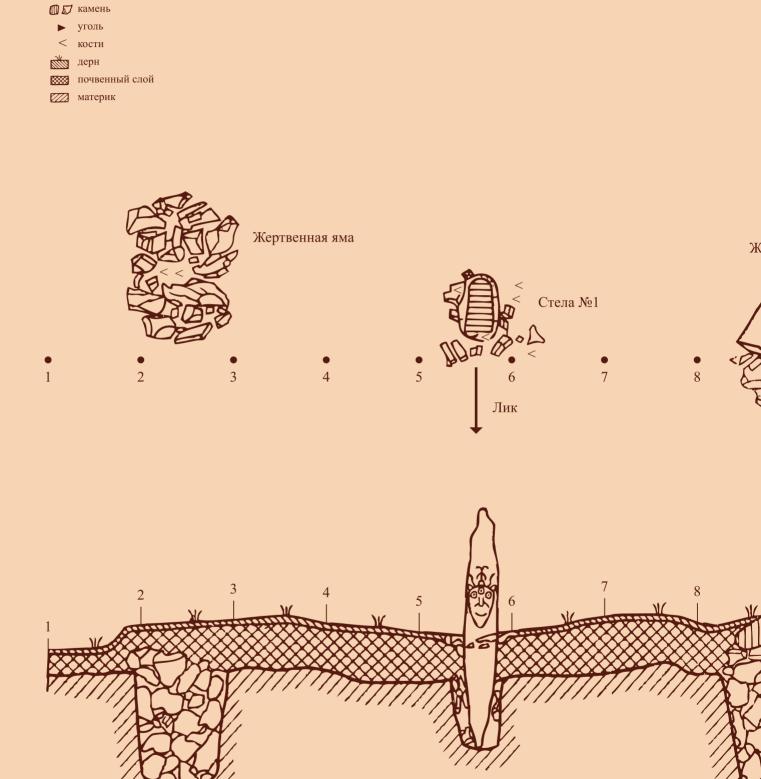
Стела с верховий р. Уйбат. Найдена переиспользованной в ограде кургана тагарской культуры. Серый гранит, 350 x 80 x 40 см.

Stela, upper reaches of the Uibat river. The stela was found reused in the enclosure of a Tagar culture kurgan. Grey granite, $350 \times 80 \times 40$ cm.

РИТУАЛЬНАЯ ФУНКЦИЯ ОКУНЕВСКИХ СТЕЛ

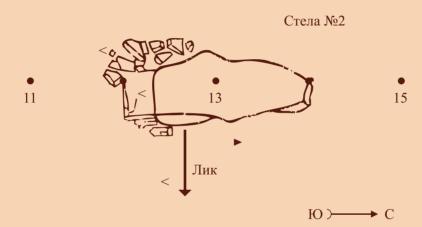

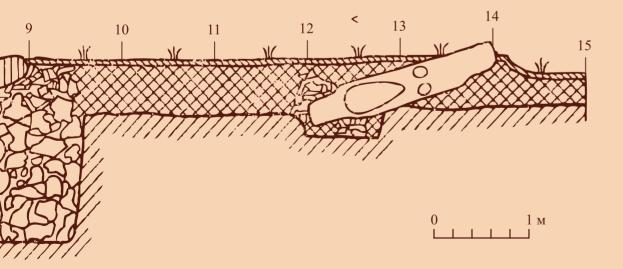
План и разрез окуневского святилища у пос. Ербинский. Святилище включало две стелы и две ямы для стока крови приносившихся в жертву животных, вытянутые цепочкой с юга на север. Лицевой частью стелы обращены на восток — в сторону восхода солнца. Стела 1 высечена из серого гранита, стела 2 — из розового. Жертвенные ямы овальной в плане формы и глубиной 120 и 148 см заполнены кусками известняка белого цвета. Стела 2 с рельефным яйцевидным овалом без деталей лица и рельефной грудью была разбита на две части (первоначальная высота всей стелы — 316 см). Нижняя ее часть вкопана в перевернутом виде. Верхняя часть была положена поверх сооруженной южнее жертвенной ямы. Среди костей животных, найденных в верхней части жертвенных ям и возле стел, преобладали кости лошади. Здесь же встречены единичные кости крупного рогатого скота и птицы.

Plan and cross—section of an Okunev sanctuary near the Erbinskiy settlement. The sanctuary included two stelae, two pits for draining the blood of sacrificed animals, extending chain from the south to the north. The front side of the stela is oriented to the east, towards the sunrise. Stela 1 was hewn from grey granite; stela 2, from pink granite. The two sacrificial pits are ovular in shape with depths of 120 and 148 cm, and were filled with pieces of white limestone. In the relief of an egg—shaped oval without facial details and relief breast, stela 2 had been broken into two parts (the initial height of the entire stela was 316 cm). Its lower section was found overturned during excavation. The upper portion had covered the southern sacrificial pit. Among the animal bones found in the top part of the sacrificial pits and near the stelae, horse bones prevailed. Also found were the singular bones of horned cattle and birds.

ертвенная яма

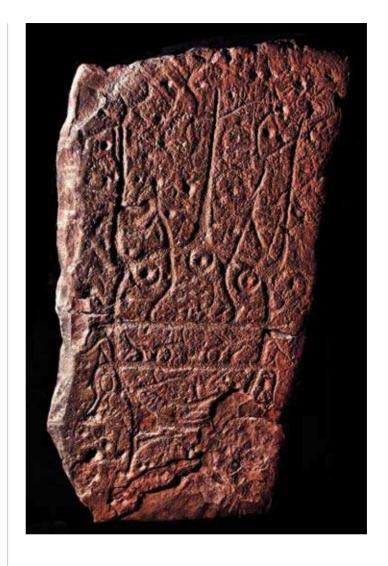

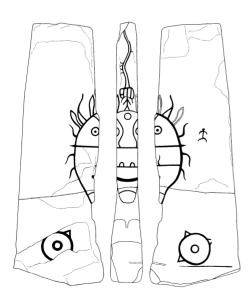
Стела из окрестностей с. Белый яр. Сверху лика божества изображена змея с удвоенным языком. Позднее на боковой грани выбита человеческая фигура в тагарском стиле. Серо–коричневый песчаник, $175 \times 58 \times 20$ см, вес 370 кг.

Стела с р. Есь. Найдена переиспользованной в ограде кургана тагарской культуры. Поверх основного лика выбито большое количество вторичных окуневских изображений. Красновато-коричневый песчаник, 150 x 80 x 12.

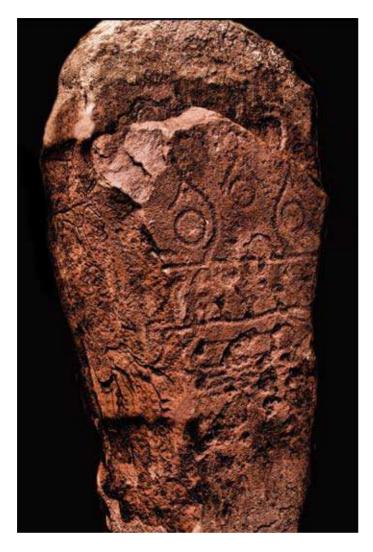
Stela fragment from the vicinity of Beliy Yar village. A snake with a forked tongue is represented above a deity face. Later, a human figure in the Tagar style was engraved on a side of the stela. Grey-brown sandstone, $175 \times 58 \times 20$ cm; weight 370 kg.

Stela, Es river. The stela was found reused in a enclosure of a Tagar culture kurgan. Over the basic face a great number of secondary Okunev images were engraved. Reddish brown sandstone, $150 \times 80 \times 12$ cm.

ее высоту. Создавали их для проведения однократного календарного ритуала, после которого они, подобно произнесенной молитве или заклинанию, утрачивали свое значение. После обряда стелы могли быть использованы для нанесения новых рисунков, разбиты и применены в качестве строительного материала при сооружении погребений. Все основные, первоначальные изображения стел создавались для крупных коллективных сезонных обрядов. Иногда тот же камень, спустя некоторое время, вновь использовался для нанесения изображений, предназначенных для крупного обряда всего коллектива. Однако чаще вторичные рисунки отличаются небольшим размером и меньшей трудоемкостью исполнения и связаны с обращением к богам по какому-то менее значимому поводу (например, исцеление от болезни и т.п.). Какие-то изображения могли выполняться специально для погребальных обрядов.

Культовое значение «летних» стел, в отличие от «зимних», было более длительным, хотя и оно тоже ограничивалось календарным сроком. Новая значимая календарная дата предполагала создание и установку новой стелы. Наиболее сложные стелы, обычно столбообразной формы, с трехъярусной композицией, символизировали обновленный мир, прославляли основные принципы его устройства и важнейших богов, магически, в неразрывной связи с ритуалом, способствуя укреплению священного мирового порядка и благополучию коллектива. Изображение на них Мирового яйца показывает, что момент начала каждого нового календарного цикла отождествлялся окуневцами с началом времени вообще, заново повторяя момент возникновения мира и связанные с ним события.

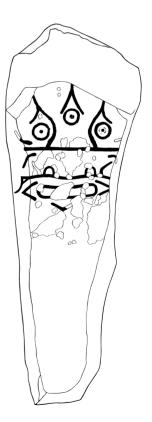
Стела с оз. Черное. Первоначальное изображение в виде антропоморфного лика расположено на широкой грани камня. Позднее на боковой стороне стелы изображены две фигуры крупного рогатого скота и антропоморфное божество. Линии на голове божества одновременно могут ассоциироваться с прической и лучами сиянии. Та кой образ имеет параллели среди синхронных изображений Западной Сибири, Российского Алтая, Казахстана. Он также сопоставим с изображением на золотом перстне царя из более позднего, сакского кургана Иссык, которое исследователи связывают с древнеиранским божеством Митрой. Коричнево-серый песчаник, 184 х 67 х 36 см.

Рельефный лик яйцевидной формы на стеле с оз. Черное.

Stela, lake Chernoe. The initial image in the form of an anthropomorphic face is located on the broad side of a stone. On one of the sides, later representations were added — two figures of large horned cattle and an anthropomorphic deity. Lines on the deity head can be associated simultaneously with either a hairstyle or light rays. Such images have parallels among synchretic images in West Siberia, the Russian Altai and Kazakhstan. It also is comparable with the image of the ruler on a gold ring from a later Saka kurgan which researchers have connected with the ancient Iranian deity Mitra. Brown–grey sandstone, 184 x 67 x 36 cm.

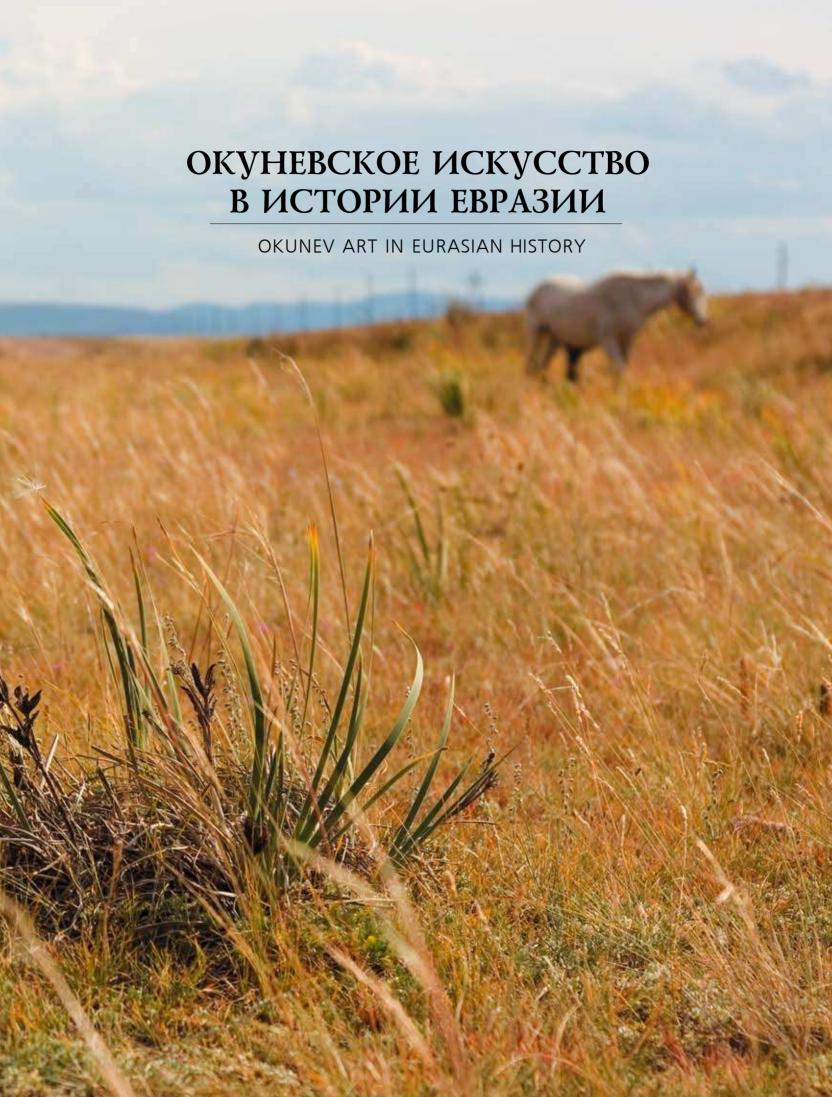
Relief face, egg-shaped in form, on a stela from lake Chernoe.

Изображение лика божества на стеле с оз. Беле. В верхнем ярусе лика показано пять глаз. Два из них трактованы в виде больших окружностей, а еще три переданы небольшими круглыми ямками. Внутри желобка рта хорошо сохранилась красная краска.

Image of the face of a deity on a stela from lake Bele. Within the upper layer of the face five eyes are shown. Two of them are represented in the form of the large circles, and three more are depicted by small round pits. In the trough of the mouth red paint has been well preserved.

Благодаря сложности, разнообразию и выразительности образов, окуневское искусство производит самое неизгладимое впечатление и предстает явлением исключительным. Необычайный его взлет, запечатленный в камне, не имеет аналогов ни в предыдущие, ни в последующие эпохи в истории Саяно-Алтая. Во многом он связан с особой ролью памятников наскального искусства в окуневском обществе. Дело в том, что функционально окуневские стелы подобны религиозным гимнам (молитвам), т.к. их изобразительный текст был адресован не людям, а богам и другим сверхчеловеческим силам. Он ориентирован на восхваление того или иного мифологического персонажа, чтобы в ответ получить необходимое обществу.

Функция изображений непосредственно влияла на их содержание и используемые изобразительные приемы. Среди последних важнейшую роль играли метафорические отождествления, делающие изображения многозначными. Этот творческий прием заключался в употреблении изображения одного объекта вместо другого и по правилам другого, что придавало ему новое качество. Наиболее широко использовались отождествления частей тела, органов чувств, деталей костюма божества с объектами и явлениями природы (например, глаз — светило, высокий головной убор — гора и др.). Порой, одна деталь или атрибут образа одновременно отождествляется сразу с несколькими объектами, и выявление всех уровней значения представляет весьма сложную задачу. Многократно повторяющиеся на разных стелах одни и те же изобразительные метафоры отражают существовавшие параллельно в устной традиции устойчивые формулы описания определенных божеств, включавшие целые наборы прославлявших их эпитетов. Видимо, в окуневской традиции само перечисление (изображение) эпитетов и атрибутов божества было важной частью ритуала его почитания, имело большую прагматическую ценность.

Типологически изображения на окуневских стелах можно сравнить с хронологически близкими ведийскими гимнами. Ведийские гимны тоже ставят целью восхваление божества и перечисление его достоинств с помощью различных метафор и эпитетов, но уже поэтического характера. Важнейшей особенностью ведийских гимнов является возможность нескольких интерпретаций одного образа, наличие скрытого значения, игра смыслами.

По представлениям создателей ведийских гимнов, чем искуснее сложен гимн, чем более он многозначен, тем больше у него шансов привлечь внимание и завоевать благосклонность божества. Это порождало стремление к постоянному совершенствованию и ус-

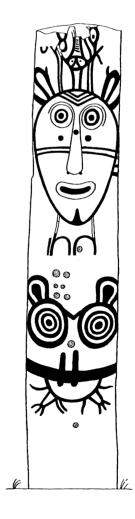

Общий вид сохранившейся части стелы с оз. Беле и вид лика божества в профиль. Красновато-коричневый песчаник, 280 х 90 см.

General view of the remaining part of a stela from lake Bele and a deity face in profile. Reddish brown sandstone, 280 x 90 cm.

ложнению формы передачи канонических сюжетов. Аналогичные представления и стремления, вероятно, могли стать одной из главных причин удивительного разнообразия окуневских изображений, когда практически каждый рисунок в чем-то индивидуален. Такому объяснению соответствует и общее направление развития изображений на окуневских стелах: от относительно простых ранних к предельно сложным классическим и теряющим реализм поздним.

Типологические параллели изображений на окуневских стелах с гимнами Вед помимо эпохальной и функциональной близости, сходства на уровне принципов построения, имеют и другие основания — близость хозяйственного типа и образа жизни их создателей. И в этом нет ничего удивительного, ведь окуневская

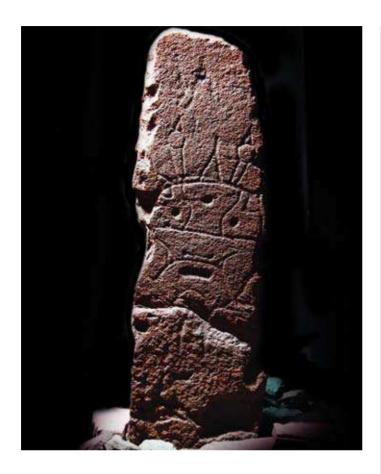
Вид пасти мифического хищника в нижней части стелы с оз. Беле в профиль и анфас. Пасть с большими и страшными зубами охватывает камень по всей окружности. Сама стела при этом воспринимается как эмеевидное тело этого существа. Составной частью изображения пасти являются головы и полные фигуры грифов или орлов, стилистически предвосхищающие изображения хищных птиц в искусстве степного пояса Евразии скифского времени. Возможно, таким способом древний художник отождествлял пожирание мифическим хищником своей жертвы с быстрым поглощением мертвой плоти этими птицами. Внутри пасти скрыта половина знака в виде круга с четырьмя лучами, традиционно изображаемого в нижнем ярусе лицевой части окуневских стел.

View of the mouth of a mythical predator in profile and frontally from the lower portion of a stela from lake Bele. The mouth, with large and frightening teeth, has seized the stone along the entire circle. Because of this, the stela itself is perceived as the serpentine–like torso of this creature. The constituent part of the representation of the mouth turns out to be the head and full figures of griffins or eagles, which stylistically anticipate representations of predatory birds in the art of the Eurasian steppes during the Scythian period. In such a way, perhaps, the ancient artist identified the mythical predator's consumption of a victim with the birds who rapidly consume the flesh of the deceased. Concealed inside the mouth is half of a four–rayed circle which is represented traditionally in the lower portion of the frontal plane of Okunev stelae.

культура существовала не изолированно. Культуры, родственные ей, были в Горном Алтае, Туве и Монголии. Наскальные изображения, напоминающие лики окуневских божеств, распространены в северо-западных районах Китая и далее к югу вплоть до верховий р. Инд. Следовательно, и ритуально-мифологические представления окуневцев были частью более широкого явления центрально-азиатского и даже евразийского масштаба.

К сожалению, источников, по которым можно судить о жизни скотоводческих культур Евразии той далекой эпохи, очень мало. Основными из них являются тексты Ригведы и Авесты, оставленные народами, проживавшими на территории Северного Индостана и Иранского нагорья. Но устный и письменный способ передачи информации, на котором построены эти источники, наряду с положительными моментами, имеет и свои недостатки.

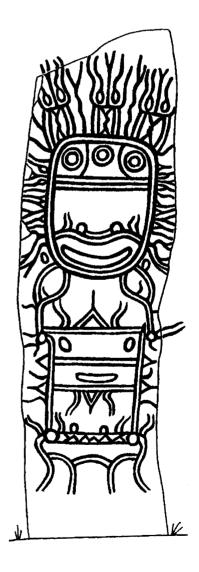
В этом отношении культурно-историческое значение окуневских стел совершенно особое. Во-первых, они наиболее полно и системно отражают ритуально-мифологические представления ранних скотоводов восточной части евразийской степи. Во-вторых, они являются изобразительными памятниками, т.е. принадлежат к типу источников, отличному от письменных текстов Ригведы и Авесты. Это тоже очень важно, т.к. позволяет взглянуть на культуру с принципиально иной точки зрения, понять и, в буквальном смысле, увидеть иные ее аспекты. В-третьих, памятники окуневского искусства более достоверно и объективно запечатлели культуру своего времени, чем сопоставимые письменные тексты из Ирана и Индии, поскольку не подвергались модер-

Стела из окрестностей улуса Тазмина. Розовый гранит, 148 x 35 x 35 см.

Стела из окрестностей улуса Тазмина в интерьере Минусинского регионального краеведческого музея им. Н. М. Мартьянова. Серый гранит, $280 \times 50 \times 35$ см.

Stela, Tazmin district. Pink granite, 148 x 35 x 35 cm.

Stela from the Tazmin district inside the Minusinsk Regional Museum named after N. M. Martyanov. Grey granite, $280 \times 50 \times 35$ cm.

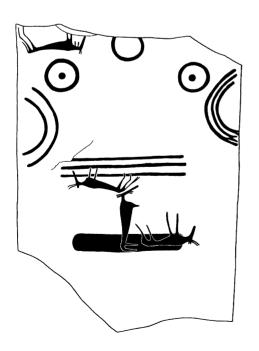

Фрагмент стелы с изображением лика божества из окуневского кургана Черновая XI. Лик перекрывают вторичные рисунки — несколько фигур «тощих» коров. Коричневый песчаник, 125 x 93 x 9 cм

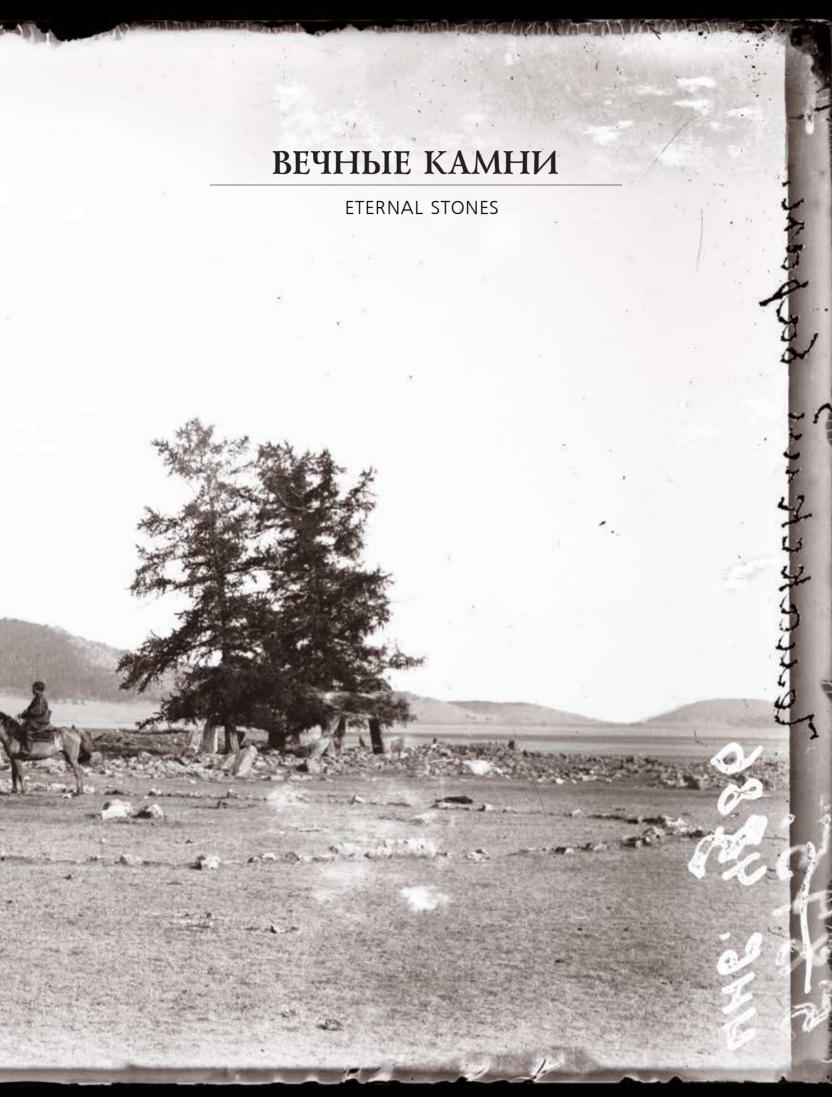
Stela fragment with a deity face from the Okunev kurgan Chernovaya XI. The face is covered with secondary drawings — several figures of "lean" cows. Brown sandstone, $125 \times 93 \times 9$ cm.

низации и изменениям, неизбежным при передаче информации от поколения к поколению в рамках устной традиции. В-четвертых, изучение изобразительных метафор позволяет реконструировать поэтические метафоры и эпитеты, использовавшиеся в параллельно существовавших текстах устной традиции, до нашего времени не дошедших. Выявление таких метафор в перспективе позволит провести их сравнительно-историческое изучение и приблизиться к решению проблемы языковой принадлежности окуневцев. Все это делает каменные стелы Хакасии исключительно важным источником по истории и культуре древних бесписьменных народов как Хакасии, так и всей Центральной Азии.

Окуневское искусство и ритуально-мифологические представления оказали большое влияние на изобразительные традиции и культуру других народов. Например, существует отчетливая связь окуневского искусства и такого мощного евразийского культурного феномена более позднего времени как скифо-сибирский стиль²⁵. Она свидетельствует об окуневском наследии либо общих корнях этих традиций, а, возможно, и о родстве окуневцев с народами скифского мира Евразии. Загадочные аналогии с внутренней структурой окуневских ликов демонстрирует раскраска скульптурно моделированных из гипса посмертных изображений человеческих лиц, найденных в захоронениях Минусинской котловины хунно-сарматского времени²⁶. Кроме этого, имеются многочисленные параллели с ритуально-мифологическими представлениями и облачением сибирских шаманов. Некоторые исследователи считали, что детали изображений на стелах могут объясняться как элементы костюма древних шаманов. Такой костюм мог включать высокую конусовидную шапку с лентами и рогами, нагрудник из пасти зверя, змеевидные подвески, раскраску лица или маску в виде головы зверя, птицы и т.д.²⁷. Все это позволяет рассматривать рисунки окуневских стел с точки зрения предыстории сибирского шаманизма. Одновременно те же детали изображений сопоставимы с костюмами и обликом божеств в буддизме, особенно с облачением участников ламаистского праздника Цам²⁸. Таким образом, окуневское искусство оказалось на перекрестке целого ряда важнейших проблем древней истории и культуры Евразии. Возможно, именно оно хранит ответы на многие еще не решенные сегодня вопросы.

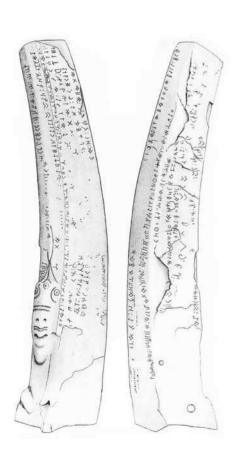

Стела с р. Уйбат, открытая Д. Г. Мессершмидтом в 1721 г. Поверх окуневского изображения в раннее средневековье вертикальными столбцами нанесены рунические надписи. Коричневый песчаник, $260 \times 50 \times 20$ см.

Stela from the Uibat river discovered in 1721 by D.G. Messerschmidt. During the early medieval period, runic inscriptions were engraved in vertical columns over the Okunev image. Brown sandstone, 260 x 50 x 20 cm

Первым из ученых, который нашел, осмотрел и зарисовал несколько окуневских стел, записал связанные с ними предания, был ученый-путешественник Даниил Готлиб Мессершмидт. Это случилось в начале XVIII века, когда он, по приказу Петра I, прибыл в Хакасию для всестороннего изучения обширного степного региона, недавно вошедшего в состав России. Еще тогда он обратил внимание, что местное население поклоняется этим каменным идолам, вполне осознавая их древнее происхождение. Особым уважением пользовались стелы, напоминающие женскую фигуру.

Сегодня многие окуневские стелы для обеспечения сохранности перевезены в музеи. Большие коллекции находятся в Хакасском национальном краеведческом музее им. А.Р. Кызласова, Минусинском музее им. Н.М. Мартьянова, Государственном Эрмитаже. Правда, одно из самых почитаемых хакасами окуневских изваяний — Улуг Хуртуях тас («Большая Каменная ста-

руха») — в 2003 году по просьбе жителей республики из Абакана снова перекочевало на свое прежнее место в Сагайскую степь. Но теперь, чтобы защитить камень от разрушительного воздействия ветров и атмосферных осадков, для него здесь построена стеклянная юрта. Как фиксировали путешественники XVIII века и более поздние исследователи, Каменная старуха считалась властительницей душ людей и животных: мужчины приходили к ней за удачей на охоте, а женщины просили о рождении детей. Вот, например, как описывался обряд почитания стелы в середине XIX в.: «Отправляясь на звериный промысел или проезжая мимо, инородцы подходят к каменной старухе с поклонами, обливают ее молоком и аракою (вином, перегоняемым из молока), а выпуклое, грубо изваянное лицо истукана с отверстым ртом обмазывают сметаною или салом с таким усердием, что рот почернел от жирного слоя»²⁹. Молва об особой силе камня живет до сих пор. К нему по-прежнему обращаются женщины, страдающие бесплодием. Считается, что, также как в былые времена, нужно приехать к старухе, покормить ее жирной сметаной или привезти гостинец, и искренне попросить о рождении ребенка. Верят, что она и сегодня помогает многим. С возвращением Хуртуях тас на землю Аскизского района местные жители связывают произошедший здесь в последние годы рост рождаемости. Посещение ее молодоженами стало традицией.

Сегодня окуневское искусство переживает своеобразное возрождение. Благодаря работе нескольких поколений исследователей мощный пласт древней культуры возвращен к жизни и стал частью культуры современной. Новые данные и материалы этой изобразительной традиции теперь доступны широкому кругу самых разных людей. Образы окуневского искусства оказались Так выглядит стеклянная юрта, построенная для Улуг Хуртуях тас в Сагайской степи. Теперь это музей с одним главным экспонатом.

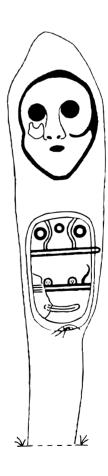
Стела Улуг Хуртуях тас. Была переиспользована на кургане тагарской культуры. На вершине камня высечена реалистичная человеческая голова в конусовидной шапке; в средней части — плохо различимое изображение сложного антропоморфного лика. Фома выступа, на котором выбит этот лик, напоминает беременный живот. В начале 1970-х гг. на месте установки стелы Л. Р. Кызласов провел раскопки и обнаружил возле основания камня большое количество поднесенных ей разноцветных галек удлиненной формы. Коричневый песуаник, 302 х 50 х 60 см; вес 2.6 т.

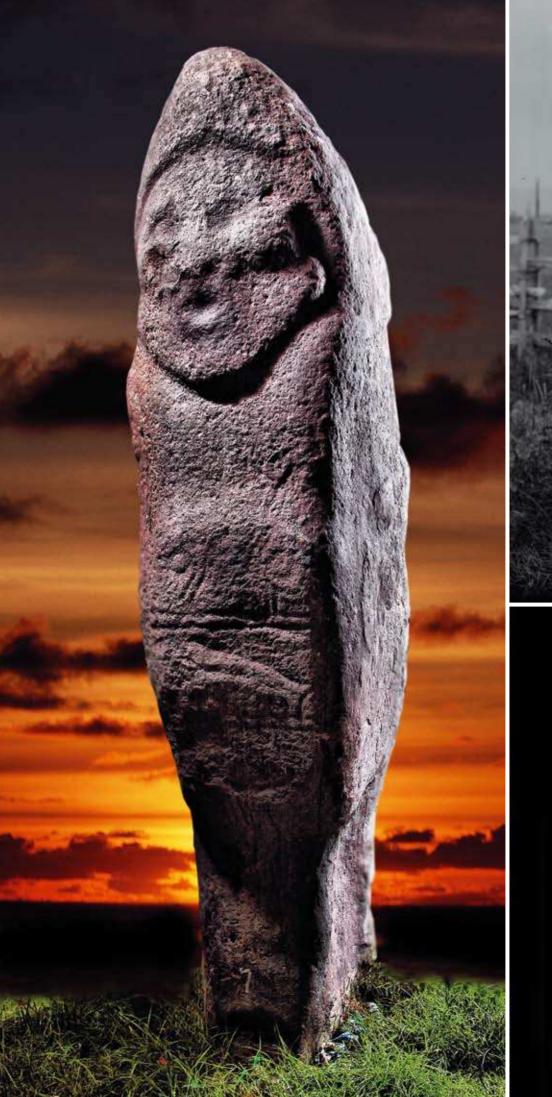
На фотографии начала XX в. отчетливо видны следы ритуального использования стелы: реалистичное лицо на вершине камня обмазано сметаной; снизу рта заметны жирные подтеки от кормления.

Reproduction of a glass yurt constructed for Ulug Khurtuyakh Tas in the Sagai steppe. Now it is a museum with one main exhibit.

Stela Ulug Khurtuyakh Tas. The stela was reused on a Tagar culture kurgan. A realistic human head with a conical headdress was engraved on the top of a stone. In the middle, there is a poorly distinguished image of a complex anthropomorphic face. The head was engraved on a projection of the natural stone surface and resembles a pregnant stomach. At the beginning of the 1970s, L.R. Kyzlasov performed an excavation of the stela site and found a considerable quantity of multi–colored pebbles which were brought to the stela and placed near the base of the stone. Brown sandstone, $302\times50\times60$ cm; weight, 2.6 tons.

Photograph of the early 20th century in which traces of ritual use are clearly visible: the realistic face at the top of the stela is stained with sour cream, and noticeable below the mouth are greasy drips from feeding.

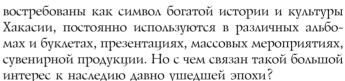
Стела возле с. Усть—Сос. Создана в раннеокуневское время. Позднее на боковой грани перевернутого камня был выбит новый лик. В настоящее время почитается местными жителями, о чем свидетельствует почерневший от кормления рот древнего божества. Светлый красновато—коричневый песчаник, 184 x 53 x 20 см.

Образы окуневского искусства стали органичной частью современной культуры Хакасии, источником вдохновения многих художников. Порой кажется, что по прошествии 4000 лет древние боги оживают и возвращаются. На фотографии — участница театрализованного представления по случаю 5—летног обилея музея наскального искусства в с. Полтаково (2008 г.). Ее головной убор напоминает бычьи рога древних ликов, а сверху — окуневский знак в виде круга с четырьмя треугольными лучами.

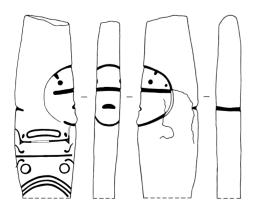
Stela from the vicinity of Ust–Sos village created during the early Okunev period. Later on a lateral side of the overturned stone, a new face had been engraved. Currently it is esteemed by local residents as can be judged by its mouth which has turned black from feeding. Light reddish brown sandstone, $184 \times 53 \times 20$ cm.

Stela near the town of Ust–Sos created during the early Okunev period. Later on a lateral side of the overturned stone, a new face had been engraved. Currently it is esteemed by local residents as can be judged by its mouth which has turned black from feeding. Light reddish brown sandstone, 184 x 53 x 20 cm.

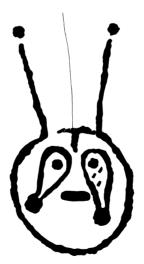
Наверное, есть какая-то огромная тайна в этих уникальных степных стелах. Тайна, уходящая своими корнями в глубь тысячелетий и связанная с опытом постижения мира многих поколений людей на заре человеческой истории. Желание понять ее, или хотя бы прикоснуться к ней, всегда будет притягивать к ним внимание. Благодаря этой тайне мы снова и снова пристально вглядываемся в древние изображения, смутно чувствуя наше с ними родство, и храним в душе удивительную страну — хакасскую степь, населенную древними богами.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1. Громов А.В. Антропологические особенности населения окуневской культуры//Проблемы изучения окуневской культуры. СПб., 1995. С. 70-74.
- 2. Максименков Г.А. Окуневская культура в Южной Сибири//Новое в советской археологии. М., 1965. С. 168–174. Максименков Г.А. Могильник Черновая VIII эталонный памятник окуневской культуры//Вадецкая Э.Б., Леонтьев Н.В., Максименков Г.А. Памятники окуневской культуры. Л, 1980. С. 3–26. Вадецкая Э.Б. Археологические памятники в стелях Среднего Енисея. Л., 1986. С. 27–40.
- 3. Вадецкая Э.Б. Изваяния окуневской культуры//Вадецкая Э.Б., Леонтьев Н.В., Максименков Г.А. Памятники окуневской культуры. Л, 1980. С.
- 4. Боневольская Ю.Д., Громов А.В. Морфология затылочно-теменной области черепов окуневской культуры//Окуневский сборник. СПб., 1997. С. 288-293.
- 5. Наглер А., Парцингер Г. Новые памятники окуневской культуры в центральной части Минусинской котловины//Окуневский сборник 2: культура и ее окружение. СПб., 2006. С. 118.
- 6. Леонтьев Н.В. К вопросу о земледелии у племен окуневской культуры и его отражении в искусстве//Вопросы древней истории Южной Сибири. Абакан, 1984. С. 29–32. Наглер А. К вопросу о типе хозяйства носителей окуневской культуры//Первобытная археология. Человек и искусство. Новосибирск, 2002. С. 151–155.
- 7. Леонтьев Н. В., Капелько В. Ф., Есин Ю. Н. Изваяния и стелы окуневской культуры. Абакан, 2006. С. 54–55.
- 8. Кызласов Л. Р., Кызласов И. Л. Работы в северной Хакасии//Археологические открытия 1984 года. М., 1986. С. 186–187. Кызласов И. Л. Воплощения Вселенной//Историко-астрономические исследования. М., 1989. Вып. XXI. С. 193–212.
- 9. Готлиб А. И. Горное поселение Чебаки//Готлиб А. И., Подольский М.Л. Све горные сооружения Минусинской котловины. СПб., 2008. С. 38-87.
- 10. Леонтьев Н. В., Капелько В. Ф., Есин Ю. Н. Изваяния и стелы окуневской культуры. Абакан, 2006. С. 14.
- 11. Леонтьев Н.В. Антропоморфные изображения окуневской культуры (проблемы хронологии и семантики)//Сибирь, Центральная и Восточная Азия в древности: Неолит и эпоха металла. Новосибирск, 1978. С. С. 88–97.
- 12. Есин Ю. Н. Об афанасьевском компоненте в окуневском наскальном искусстве Минусинской котловины//Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. М., 2008. Т. III. С. 21–24.
- 13. Подольский М. Л. О мировоззренческих особенностях сибирского изобразительного искусства эпохи бронзы (окуневские личины)//Мировоззрение народов Западной Сибири по археологическим и этнографическим данным. Томск, 1985. С. 111–114. Кызласов И. Л. Лик Вселенной (к семантике древнейших изваяний Енисея)//Религиозные представления в первобытном обществе. М., 1987. С. 127–130.
- 14. Савенков И.Т. Разные бабы. Курганный камень с символической головой. Минусинск, 1910. Архив Минусинского регионального краеведческого музея. Оп. 2. Д. 73.
- 15. Невелева С. Л. Мифология древнеиндийского эпоса (пантеон). М., 1975. С. 89; Ригведа, I, 50: 8; X, 37: 9; X, 139: 1.
- 16. Ожередов Ю. И. Сакральные стрелы южных селькупов//Приобье глазами археологов и этнографов. Томск, 1999. С. 87–89; Ригведа, I, 168: 5; Рамаяна. VI. 102.
- 17. Ригведа, Х, 158: 1; Х, 170: 1-2
- 18. Есин Ю. Н. «Солнцеголовые» изображения в раннеокуневском искусстве Минусинской котловины//Труды Сибирской ассоциации исследователей первобытного искусства. Вып. IV: Тропою тысячелетий: К юбилею М. А. Дэвлет. Кемерово, 2008. С. 81–98.
- 19. Дандекар Р. Н. От вед к индуизму: Эволюционирующая мифология. М., 2002. С. 113–114; Топоров В. Н. Ведийское Rt`а-: к соотношению смысловой структуры и этимологии//Этимология 1979. М., 1981. С. 139–156.
- 20. Дандекар Р.Н. От вед к индуизму: Эволюционирующая мифология. М., 2002. С. 114; Кейпер Ф.Б. Я. Труды по ведийской мифологии. М., 1986. С. 32–33
- 21. Ригведа. VI. 51: 1.
- 22. Леонтьев Н. В. Сакральные календарные мотивы в окуневском искусстве//Международная конференция по первобытному искусству. Труды. Т. 2. Кемерово. 2000. С. 143–149.
- 23. Кызласов Л. Р. Древнейшая Хакасия. М., 1986. С. 85-135, 190.
- 24. Леонтьев Н. В., Капелько В. Ф., Есин Ю. Н. Изваяния и стелы окуневской культуры. Абакан, 2006. С. 14–15.
- 25. См., например: Шер Я.А. О возможных истоках скифо-сибирского звериного стиля//Вопросы археологии Казахстана. Алматы, Москва, 1998. С. 225. 227.
- 26. Кузьмин Н.Ю. Окуневский код в семантике тесинско-таштыкской раскраски масок//Окуневский сборник 2: культура и ее окружение. СПб., 2006. С. 343.-351
- 27. Вадецкая Э.Б. Изваяния окуневской культуры//Вадецкая Э.Б., Леонтьев Н.В., Максименков Г.А. Памятники окуневской культуры. Л, 1980. С. 74–76. Леонтьев Н.В. Антропоморфные изображения окуневской культуры (проблемы хронологии и семантики)//Сибирь, Центральная и Восточная Азия в древности: Неолит и эпоха металла. Новосибирск, 1978. С. 107–118.
- 28. Сходство с обликом божеств ламаизма отмечалось для антропоморфных ликов окуневского круга с территории Тувы. См., например: Дэвлет М. А. Памятники на дне Саянского моря (гора Алды-Мозага). М., 1998. С. 256-263. Дэвлет Е.Г., Дэвлет М. А. Мифы в камне: Мир наскального искусства России. М., 2005. С. 367-382. Те же параллели в полной мере касаются окуневских изображений Минусинской котловины.
- 29. Костров Н. А. Список каменным изваяниям, находящимся в Минусинском округе Енисейской губернии//Вестник Имп. Русского географического общества. СПб., 1854. Ч. 10. С. 73.

Mystery of the Ancient Steppe Gods

The Khakassian steppe is magnificent in summer. The air is filled with the spicy aromas of grasses. Multiple hues of green and yellow combine harmoniously with the whites, blues and pinks of steppe flowers. High under the very dome of a boundless heaven, eagles soar noiselessly. Adjacent to low mountains with red and light gray rocky outcrops, valleys are overgrown with coniferous trees. On a hot day, numerous lakes and rivers provide cool havens. By autumn the summer steppe palette transforms almost imperceptibly to gold rendering the space with more depth and luxury. It is not only for nature that the landscape is remembered.

Forming an integral part of the steppe landscape are stone stelae. These stones mark a variety of ritual structures — burials, sanctuaries and memorials of ancestral remembrance — and are often referred to in European languages as megaliths (from Greek *megas* — «big» and *lithos* — «stone»). Their creation by a succession of steppe peoples occupied a period of three thousand years. The megalithic tradition of Khakassia appeared in the early Bronze Age and disappeared late in the first millennium AD. The longevity of its practice permanently altered the steppe landscape. The ancient cultures of Khakassia have thus become a visible part of the present.

Among the numerous megaliths of the Khakassian steppe, one early and remarkable group of carefully hewn and carved stelae can be distinguished. Exposed to wind, rain and extreme temperatures over thousands of years, the images have eroded and their details are barely perceptible in daylight. However, in the slanting sun of dawn or sunset, the ancient masterpieces appear. Mysterious and unreal faces seem to look back, and as one peers intently at the curious images, the world seems inhabited by mysterious pagan deities.

Steppe Phenomenon

Khakassia is a land with a long and rich history. Including the southern areas of Krasnovarsk region, Khakassia occupies the important Minusinsk basin of the upper Yenisei river. With regard to its environmental relationship, Khakassia is part of the Sayan-Altai highlands which constitute the northeast border of the central asian landmass. A system of mountains surround the Minusinsk basin — the western and eastern Sayan mountains and the Kuznetsk Alatau. These ranges simultaneously form a link and create a barrier with neighboring regions. Since extreme antiquity, therefore, the geographical position of Khakassia resulted in cultural developments that reacted to historical processes in Central Asia; but also resulted in a distinct formation of traditions.

Rock art became one such tradition. Throughout millennia, people of the Minusinsk basin used a variety of carving, engraving and painting techniques to adorn rocky outcrops and stone stelae in images. The development of stone arts was favored by an abundant and accessible supply of stone varieties among which red sandstone was especially extensive and effective. The region is so rich in monuments of ancient art that it can rightly be called an open-air museum. The central place in this museum is occupied by stone stelae or sculptures, as they are also called, dating to the Okunev archaeological culture of the Bronze Age.

Megaliths with images are not found only in Khakassia. In disparate periods they were also created in other regions of the world. Perhaps the most well known megaliths are the Easter Island stones which are listed by the United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization (UNESCO) as a site of world heritage. The sculptures of the Khakassian steppe surpass those in the Pacific by their range of expressiveness, complexity and images. They also predate the Easter Island monuments by more than 3,000 years.

In what way are the ancient Khakassian stelae unique? To answer this question it is necessary to consider several details. Most evident is the diversity of local stelae. The simplest are stone slabs with images adorning the broad side. The second most numerous type consists of slabs or pillarshaped stones whose main images and compositional axis are located on the stone body's narrow vertical side. Characteristic of this type are complex layered compositions and three-dimensional protruding images. In terms of imagery, the central image is an anthropomorphic head segmented by lines into tiers. There is a fantastic appearance to the human image, which has the horns and ears of a bull and three large pitted circles in place of eyes. This impression of unreality is strengthened with images which occur on the torso of a deity as an open predatory mouth replete with long

fangs and protruding tongue. Above the frightening head is an image of a coiled and horned snake. Other supplements to such compositions occur on the top of stelae and can be the addition of another anthropomorphic head or the head of a ram with large and formidable twisted horns. Sometimes these images are understood as part of a single anthropomorphic being dressed for ritual in a cone shaped headdress; at other times, the images seem to convey independent characters. Our perception of these images can vary according to our point of observation, whether we confront the images frontally or from a profile. In line with such monuments existed stelae with another also entirely expressive method of utilizing the visual surface. Human facial elements occur on two adjacent sides divided by a stone's edge. Although the profiles are distributed across two planes, the resultant image is one complete face that appears three-dimensional. Sculptures can also convey the full forms of rams or predators. Additionally, egg-shaped stones similar in size to actual human heads have garnered great interest as well as their representations of anthropomorphic heads. Apart from monumental products, analogous portable objects with similar forms, images and composition have been recovered.

In attempting to describe the phenomenon of Okunev petroglyphic art it is first necessary to characterize its key features:

— a complex internal structure to images and a rich visual language created by a broad set of visual elements with precise, apparently canonical, combinations;

- a continuous combination within one representational element conveying different objects which is incompatible with formal logic (for instance, the depiction of an animal head instead of the trunk of a humanized deity, or a depicting of a snake body instead of a spear shaft. Such images ensure several possible explanations making the process of understanding similar to riddle solving;
- the use of a wide set of spatial compositions many of which contradict the current laws of scientific perspective;
- a surprising variation of images where almost each representation is individual in some manner:
- advanced techniques for working stone and the ability to create expressive and plastic images both on planes and in volumes.

Another important feature of Okunev petroglyphic art concerns the number of its monuments. Currently about 500 stone stelae and slabs with images are known, and have survived the passage of about four thousand years. Undoubtedly this number is but a fraction of their former quantity. It is possible that during the existence of this tradition, at least several thousand stone stelae were created. Many stelae and slabs had been reused for images several times. All of these factors distinguish Okunev art from the background of other Bronze Age visual traditions from central and northern Asia. Extraordinary expenses of time and effort had been directed by ancient society for the creation of images, which occupied a special role for the population of the Minusinsk basin.

Ancient Sculptors and Artists

More than four thousand years ago, in the second half of the third millennium, a new people appeared in the Minusinsk basin. Most likely they had come from a great distance to this fertile land concealed by the Altai mountains. Parallels to their art can be found in the mountain-steppe and semi-desert zones of Central Asia. During that distant era, europid cattlemen associated with the Afanasev archaeological culture lived on the territory of Khakassia as well as hunters and fishermen of mongoloic stock. As anthropological research revealed, the new population also had an europid appearance, but differed from the Afanasev. Their behavior also differed. The Afanasev people lived separately and preserved a pure anthropological

type for a long time. On the contrary, the new migrants married from different local tribes. The result of such a process was the formation of a mixed anthropological type. For the classical Okunev people, as for the modern natives of this region, this mixture combined europid and mongolic features. A new culture, therefore, formed and was fated to leave a presence in the ancient history of Khakassia. These new people, the Okunev, had populated the steppes with their stone gods.

Okunev, the name for these people, appeared only in the twentieth century, and was not what they called themselves. Okunev is an archeological designation for the first area of excavations where their burials were found. The excavation

site was located on the left bank of the Abakan river in the Okunev district (a suburb of Abakan, the modern capital of Khakass Republic). Excavations were performed there already in 1928 by the well-known archeologist Sergei Aleksandrovich Teploukhov. As a particular occurrence in the history of the Minusinsk basin, the Okunev culture was distinguished in the early 1960s by the Leningrad archaeologist Gleb Alekseevich Maksimenkov. The realization took shape after research was performed from 1962 to 1963 on several kurgans at the mouth of Chernovaya river which were in the flood zone of the Krasnovarsk hydropower station's water basin.² Elga Borisovna Vadetskaya substantiated the identification between the stone stelae, which had long been discovered in different parts of the basin, and Okunev culture. Vadetskaya carried out a comparative analysis between the slab images and miniature bone and stone objects retrieved from Okunev kurgans, and came to the conclusion of the unity of the visual language.3 Since then, all monuments of art connected with this culture have been identified as Okunev.

What the Okunev people called themselves, we will never learn, as we still do not know what language was spoken by them. Yet due to archaeological materials, a variety of their cultural features and even their physical appearance can be restored after four thousand years. In spite of the fantastic content of their works of art, which are skillfully stylized and treated, the art allows us to imagine visually what the people of that time looked like. Remarkably, the images of Okunev deities on stelae and images on small plastic objects reflect both europid and mixed racial types, which correspond to anthropological conclusions.

Okunev funerary works and stone images, interestingly enough, treat the human head in a special way, maybe referring to its own type of head cult. It has been found, for example, that the head of a deceased person was often separated from the body, and, in some cases, this was done before internment. The separation of the head must have served a ritual function. Other burials revealed bodies that were accompanied by several skulls all missing lower jaws. In addition to these practices, the Okunev like other ancient peoples had practiced skull deformation to reduce the height of the back of the head. Most likely such manipulations were done in childhood by attaching a plate and small sacks of sand to the occipitoparietal area of the head.⁴ The appearance of persons with deformed heads is present in some Okunev sculptural images. The purpose of cranial deformation might have been to reflect the sacral egg-shape form that was earlier mentioned.

The impression that a particular attitude existed toward the head is confirmed by the visual tradition of classical Okunev stelae which show representations of heads without bodies. Moreover, it is possible to say that images of heads are the central theme of Okunev art and are presented on hundreds of stelae and other types of monuments. Working out this theme in art, Okunev sculptors and artists had achieved impressive results, organically connecting a deep symbolic tradition with tremendously expressive faces. Curiously, some skulls from Okunev burials reveal traces of paint that parallel the lines on the faces of the stelae gods which might indicate the transformation of a human into a deity. One of the skulls has a distinct circle on its forehead. This location not only coincides with the third eye of faces on stelae, but also resembles the facial sign, common to the peoples of India, which has an origin in extreme antiquity.

The economy of the Okunev depended on cattle breeding with the cultivation of horned cattle. Images of corpulent long-horned breeding bulls, lean cows and oxen are typical in Okunev art. The actual prototypes of these skulls have been found in sacrificial holes of a cultic place located at the top of a hill in a suburb of modern Minusinsk.⁵ Detailed images of many animals confirm that muzzles and bodies could be painted like human faces for the ritual purposes. Besides cattle, the Okunev raised sheep and horses in herds. Hunting also played an important role in the life of the Okunev and can be proved by amulets from the teeth, claws and bones of wild animals and birds. Numerous finds of fishing spears and hooks, reveal that fishing was also an essential part of the economy. The Okunev probably also practiced some form of limited agriculture. Agriculture also features in Okunev art through the theme of plants and rain, and in the archaeological sphere where stone implements resembling harvesting knives which were widespread in the ancient agricultural cultures of Southeast Asia and used for gathering millet.6

It is also well known that the Okunev used two-wheeled and four-wheeled vehicles pulled by harnessed oxen. Such images have remained on some stelae. In one drawing, a covered wagon is depicted and functioned not only as vehicles, but also as portable dwellings for cattlemen. At this time, wheels were not yet spoked. Animals were handled by means of ropes tied to loops which passed through their nostrils. It is also probable that oxen and cows were more docile than bulls and were used by the Okunev for riding and as pack animals. Similar practices can still be observed among the Tuvinians, Kazakhs and some groups of Altaians.⁷

The Okunev had mastered the processing of copper and bronze from which they cast blades, daggers, axes, spearheads, fishing hooks, other tools and ornaments. Along with metal items, various stone and bone products continued to be widely used such as spear and arrowheads, fishing spears, axes and adzes. The Okunev people also created potted works represented by flat-bottomed pots ornamented by comb-shaped stamps or incised lines and clay sticks elegantly ornamented with patterns. Especially distinguishable are ritual vessels of a biconical form composed of a small bowl on a high pedestal. Because of blackening on the internal surface of bowls they are usually referred to as incense burners, but may actually have been portable altars in which gifts to the gods were burnt. Aromatic plants, grasses and animal fat could be such offerings. Images on stelae and materials from burials show that incense burners were lifted to the sky and even set on the head. The rising smoke might have attracted the attention of the Okunev gods, indicating the place of ceremony and inviting the gods to their offerings. Ceremonies in which such incense burners were used could thus be devoted to various deities.

An acquaintance with the characteristics of Okunev arts allows us to imagine the clothing, hair styles of the Okunev and their manner of wearing ornaments. Among the headdresses represented, the most typical are high conical caps which are similar to the headdresses of other ancient people — the Khetts and Sakas. The Okunev tradition of depicting spears and arrowheads on the head is comparable to the golden arrows on the headdress of a Saka ruler buried in an Issyk kurgan from Kazakhstan. The head of a bird is represented above a human head on one of the stela, and partly reminds us of the ritual caps in the form of a bird's head from the Altaian Pazyryk culture of the Scythian period. Women were represented with long flowing hair reaching below the shoulders, and, in one case, covered by a special scarf. Men's hairstyles were short. Women, and possibly men, wore earrings from several bronze rings. Men wore short wrap jackets and trousers. Women were clothed in long dresses.

Dwellings were probably on the surface of the land or partially dug into the earth with walls and roofs made of thin tree trunks which leaned against stronger frames. For the burial of relatives, the Okunev constructed kurgans with a square enclosure of large stone blocks or slabs turned on edge and inserted into the ground. Sometimes at the corners of the enclosure, vertical stones were erected; such a practice anticipated the design of later Tagar culture kurgans from the first millennium BC. Tombs were also constructed of stone slabs. Burials are also known to have taken place in simple earthen holes, circle burials and catacomb type structures. A kurgan construction from the valley of the Tuim river, discovered and researched by Leonid Romanovich and Igor Leonidovich Kyzlasov, contains wide parallels in Eurasia. A ring of 82 meters in diameter was framed by vertical granite stones from 0.6 to 1.2 meters in height, 8 to 9 meters between stones. In the middle of the ring there was an earthen pyramidal embankment. It could be 3 meters in initial height. At its base there was a square enclosure, 16 by 16 meters, with vertical stones, 0.6 m in height at the corners. Inside the enclosure diagonal lines were laid out in stone. In the centre of the enclosure where the diagonal lines crossed, there was a stone tomb containing the burial of a woman. Drawings of bulls were found on its slabs. A gate formed by six stones vertically inserted into the ground was located to the east from the square enclosure. The axis of the gate coincided with the longitudinal axis of the central burial tomb. The orientation of the whole complex coincides practically with the direction of the rising sun on one day of the summer solstice. As researchers have assumed, a square enclosure in the center of a ring of menhirs (from Breton. men — «stone» and bir — «long,» i.e. a big stone placed upright into the earth) symbolizes the horizon of mountain ridges with sacred tops at the corners and center, and the circle symbolizes the sky enveloping the earth.8 Orientation to astronomically significant points on the horizon does not mean that the Tuim river kurgan was created for astronomical observation and calculation as hypothesized for the famous Stonehenge monument of England. It is known that the conception of a world order played important roles in funerary and other rituals. Without taking such beliefs into account, it would have been impossible to provide a transition for the dead to the other world or to transfer a victim to the gods. To a considerable degree, such reasons modeled notions of a world order and impacted the design of funerary and other ritual constructions in disparate cultures. Typologically, the Tuim river construction was the predecessor for the grand ritual-funerary complexes (the so-called khereksur) widespread in Central Asia during the late Bronze Age.

One other notable feature of Okunev culture can be found in the mysterious constructions on the tops of mountain ridges. Several tens of them are presently known. One of the most grandiose constructions was discovered near Chebaki village of the Shirinskiy region in Khakassia.9 It contains two flanks of walls in which passages were built. The length of the external wall is 210 meters while the internal wall was bounded by a small section at the top. Dwellings are connected to the walls. The walls were constructed of massive sandstone slabs, stacked without a binding mortar. The masonry of the walls is remarkably preserved and in some places reaches heights of 1.6 meters. During excavation, fragments of vessels (including the remainders of a cultic incense burner), stone arrowheads, axes, scrapers, more than 32,000 fragments of animal bones, mainly roe deer, were found. Despite the presence of walls, the assertion that this construction was a fortress should not be made since the defensive value of the walls is insignificant. It could have served as a temporary refuge for only a short time. The absence of a water source inside and nearby, reduces its protective function and makes it unsuitable for long residence. Besides, the construction is not located on the summit of a mountain. From the side of a higher neighboring range, the area of the structure could have been exposed easily to fire. It is therefore possible to assume that the basic function of such Okunev constructions was ritual. The main purpose of walls was to accent visually the features of the mountain top dominating a certain place of a ridge and to demarcate the view of the mountain on several parcels and levels which held symbolical meaning. Mountains with such constructions, undoubtedly, were venerated by the Okunev and were places to carry out certain ceremonies. The possible ceremonial content might recall the mountain sacrifices to the sky preserved until recently by the Khakass.

The development of farming, large scale constructions on mountain tops, and significant ritual funeral complexes demanded a corresponding level of social organization. Grand architectural remains, numerous monuments, complex image structures and an advanced symbolic system not only underscore the important role of art, but also evidence the existence people who preserved and developed the graphic tradition which was inseparably linked with ritual. Men were the obvious creators of the Okunev masterpieces and performers of ceremonial functions. Their burials can be separated into groups due to their attendant contents for the fulfillment of burial functions.

How Stelae were Made

The quarrying, making, transportation and erection of monumental stelae demanded a considerable expense of time and force, and the skilled techniques of stone cutting required collective action. Even for us living in a period of rapid engineering development, this would be quite a labor-intensive process.

To begin with, material, such as soft and porous volcanic tufa, as on Easter Island, was not available, but sandstone and granite were. The average Okunev stela is about two to three meters in height and weighs about one or two tons. Larger constructions exist, and the largest discovery to date is Kime Tas («stone boat»), a gray granite stela, 4.7 meters in height and approximately four to five tons in weight.

As the raw material for monuments, blocks of appropriate size and form would have been harvested from the mountain slopes or detached from rocky outcrops by means of wooden or horn wedges. The resultant volume of the work would depend on how much the stone form corresponded to a sculptor's project. In the simplest case, only a narrow surface of a slab would be worked and carved to make relief face, breast and stomach. A considerable amount of work would be required if the sculptor wanted a saber or cigar shaped stela. After the raw stone was roughly processed by means of pounding, its surface was ground with great attention paid to the sides and surfaces where images would later be carved. Slabs intended for images were often leveled and rounded at the top. The future image was marked by chiseled or widely-spaced pitted matrix. Then the matrix was reworked with a fuller, more accurate pitting until a trough was formed. It is important to note that the Okunev used stone implements to process a raw stone and to carve images. When worked on stone the edge of a bronze chisel quickly loses its sharpness and becomes unfit for use. The Okunev did not have any metal harder than bronze. On the contrary, when stone cutters are worked, they become sharper. During the finishing stage, the carved troughs were commonly ground with small pieces of sandstone. As a consequence, the carved lines became even, and, due to the lighter color of sandstone, would stand out in contrast to the dark background of a slab.

During the excavations of an Okunev burial ground on the Chernovaya river, the Minusinsk archaeologist Nikolai Vladimirovich Leontev performed an interesting experiment by making a large anthropomorphic image on a stone slab similar to those found in the burials. It took about five or six hours of pure labor to beat and grind the lines of the image without learned professional skills and specialized stone tools (the experimenter used only raw pebbles and sandstone splinters). The entire amount of time was spent to create the simplest drawing on a readymade

slab. In order to make stelae with three-dimensional images, much more time would have been required especially when accounting for the skill and strength needed to prepare the stone body and transport it.

The lines of stelae images are often painted red in shades from bordeaux to orange. Conversely, sometimes only the background was painted leaving the lines light. There are stelae with only painted images and no carvings. Despite their exposure to the elements for four thousand years, traces of a red paint on some stelae are well detected. The paint has faded strongly, but has not disappeared. Its stability may attest to the fact that the pigment was not dissolved in water, but in blood. For example, North American Indians used blood as a binder when they wanted the paint to be water-resistant and durable through time. 10 Painting their works, ancient artists aimed not only for expressivity, but also for another reason, that of magic. The image of the deity would become filled with vital energy, live, and be spiritualized.

The Evolution of a Visual Style

The tradition of creating stone stelae appeared in the Yenisei region during the second half of the third millennium BC and existed there for several centuries. The tradition had undergone essential changes observable in the comparison of anthropomorphic images. According to major distinctions, the development of Okunev art is divided into three stages. ¹¹

During the early stage, the deity is depicted in full figure. Notably, necks are not represented and the head appears sunk into the trunk. Hands are also not depicted, but sometimes bird wings are. It is possible that figures without hands were meant to have wings. For human faces, the depiction of two eyes is typical with two inclined lines or with two semi-ovals at times. On the forehead, an inverted triangle or vertical line can appear. A line usually occurs between the eyes and mouth. There can also be an oblique line, an inclined line or two vertical arcs on the forehead. A high triangle or extended semi-oval usually represents a headdress, but a pair of vertical or diverging lines can also appear as a headdress. Sometimes the head of a bird of prey, a predator, and, in one case, a horse, can be represented as the deity. Distinctions in the internal composition of faces, the form of the top of the head, and pose are results of characterization within the Okunev pantheon. Among zoomorphic images, perhaps, the image of a bird of prey was of major importance at this early stage. Images, generally, were put on the broad flat side of a stone slab.

In the developed stage of Okunev art, the most typical images represent only the heads of deities. Their complexity exceeds early Okunev images. The face divides into three circles by two horizontal lines. In the top circle, besides two orbs for the eyes, another oculus appears on the forehead. Additionally, between the eyes on many faces, two vertical bowed lines indicate the contour of a nose. In the lower part, there are semicircles for nostrils and a pair of bovine horns on each side. Bovine horns, triangles and other elements, seemingly as a rule, are part of the head. During this stage, anthropomorphic faces were often embodied in sculpture and placed on the narrow sides of the stela. In full anthropomorphic figures, the neck starts to be represented. Also widely represented at this stage are images of bovines, snakes and mythical predators. Similar in treatment to faces, their bodies are often divided by cross-section lines into segments that contain a great number of additional graphic signs. Because the visual tradition maintained a limited set of graphic elements and particular rules for their combination, both anthropomorphic and zoomorphic content could differ widely with each drawing individualized in someway.

The treatment of the late Okunev images differs from the earlier periods for a number of reasons. Facial contouring and nostrils are absent; two eyes (usually ovular) are present; the terminals of cross-section lines between the eyes and mouth are forked like snake tongues. Such images are complex enough for their quantity of details, but in entirety they are already quite unnatural. The absence of facial contouring could well reflect conceptions about the incorporeity of deities and their existence in spiritual form. The images are located on the broad flat sides of stelae and also on rocky outcrops near river banks. It is important to note that unlike the two earlier groups of Okunev images which occur everywhere in the Minusinsk basin, the late Okunev image stones are found only in the southern part of the basin. This may possibly refer to the occupation of a new population, the Andronovo archaeological culture who left monuments in the northern part of the basin. The Andronovo culture formed in the Kazakh steppes, and its migrants had appeared in the Minusinsk basin in the first half of second millennium BC after travelling around the Kuznetsk Alatau from the northwest. The interaction between the Andronovo and Okunev cattlemen resulted in the assimilation of the Okunev and, alternately, the expulsion of the Okunev into the peripheral mountain-taiga zone of the basin where cattle breeding would have been less sustainable. Andronovo monuments have not been found in South Khakassia, and the region might have served as an enclave where the Okunev culture could continue to exist for several centuries. This final stage of the Okunev culture has practically not been studied, and to the present day, kurgans with stelae bearing anthropomorphic faces in the late Okunev style have not been found in this region.

The evolutionary direction of style in Okunev imagery confirms occurrences when early Okunev stelae had been utilized for the creation of imagery in the classical and later groups. It is indicative that imagery found outside the Minusinsk basin to a large degree is similar to early Okunev imagery, and that the imagery and style of the classical and late periods is more original.

The Okunev visual tradition and ritual-mythological notions shaped strongly the culture and art

of the Minusinsk population who generated the phenomenon of an Okunev culture. Additionally, the mongolic ethnic component of Okunev culture might have contributed some inherent features to Okunev art, such as its graphic tradition and its attention to the representation of local fauna. Among the most significant images contributed by the mongolic ancestors are elk which have been frequently pecked and painted on rocks of the Yenisei river and its tributaries.

A distinguishable small group of stelae inherited some traditions most likely from the Afanasev culture. The makers of such stelae Afanasev and their descendants who appeared in the field of an Okunev cultural influence. They pecked stones with vertical rows of horizontal arcs and oblique crosses, and also made pictures of incenseburners which, unlike the Okunev examples, had a semicircular handle on one side. Subsequently, the Afanasev graphic complex became completely integrated with Okunev works during the classical phase. 12

Some stelae with realistic faces carved at the top of a stone appear slightly isolated in the general background of Okunev art. Eyes, lips and a nose protrude in relief and ears often point outward. In three cases, a low hat was carved onto the head. Such imagery can be compared with the sculptural monuments of the Sejma-Turbino circle witnessed in Western Siberia, Kazakhstan, Mongolia and even on the western side of the Ural Mountains. Such imagery can be seen as another component in the formation of Okunev art. One image had been engraved at the bottom of an upturned Okunev stela of the classical phase with a relief egg-shaped oval in the middle. Another image was carved at the bottom of another upturned stela with vertical rows of horizontal arcs. Both instances show that such anthropomorphic faces arose later than the initial stelae images. Most likely this series of faces appeared in the Minusinsk basin at the end of the period when Okunev anthropomorphic images existed in the classical style.

In all of its directions, Okunev art seemingly reflects the existence of a particular religious community in the Minusinsk basin. Although the formation of ritual-mythological ideas and art are connected with Okunev culture, it could have also included elements from the descendants who inhabited the region earlier and migrants who came to the region during the Okunev period. In apprehending new ideas, they introduced their own conceptions and images to Okunev art.

Myths in Stone

Drawings on Okunev stelae are original graphic texts where each element bears a certain semantic meaning. Behind the images and their artistry are complex ritual-mythological conceptions. Okunev images reveal a lot about their creators, their vision and about their world order and gods. In the mythological thinking of ancient people, it would have been impossible to describe a world order without first telling the history of its origin.

As mentioned earlier, the Okunev stelae have tiered compositions. Usually the stone body was divided into three tiers with each tier devoted to a part of a tripartite universe: the sky, the land and underground worlds. The ancient sculptors carved images of several mythological characters whom they worshipped, and positioned them on the vertical stone body. A major element is the central anthropomorphic face carved onto a monument. Compared to other images, this anthropomorphic face is distinguishable by its larger size, complex structure, exceeding detail and also by the fact that it is consistently present on stelae, whereas other images do not always appear. In addition, the anthropomorphic face was engraved first and was of key value for the entire composition. All of this undoubtedly specifies this image's special place in the Okunev world and in a hierarchy of deities.

The narrow long head and the big eyes of this deity in the stela's center conjures strongly the features of a Europid anthropological type. At the same time, the forms of its many elements markedly differ from the actual details of a human face.

Noses are frequently absent in the representation of faces — nostrils are shown while a nose is not even denoted. The canonical ovular contour for heads does not entirely match the naturalistic form of a head. Okunev art contains representations of ovular forms without inner facial detailing and also includes sculpted images in egg-shaped forms. This attests to the fact that such forms were not accidental or a product of stylization. In its mythological aspect, the egg-shaped form and tripartite internal structure of the central anthropomorphic face, reveal compositional roles connected to the myths of many ancient peoples through the image of a world egg, the origin of the world. Such conceptions, for instance, were held by the ancient Indo-Europeans, the Finno-Ugrians, and the Chinese. It was believed that the upper part of the world egg represented the sky, and the lower part, the earth.

A similar system of organization can be seen operating in the egg shaped heads which are divided into three tiers. The upper tier contains eyes, the middle tier — nostrils, and the lower tier a mouth. These are not simply the details of a face, but symbols which correspond to parts of the world. The eyes can see only in the presence of light, which is the realm of the sky. Nostrils symbolically convey breath, for which air is necessary and fills the space between heaven and earth. The symbolic association of the mouth is with the underworld. After all the basic function of the mouth is absorption and destruction.¹³ Moreover, the graphic delineation of the eyes (a circle with a socket) and of the nostrils (semi-ovals) does not model their natural forms. The circle with a socket in Okunev art can represent a luminary. According to one hypothesis, the three ocular circles convey the morning, afternoon and evening sun.14 Sometimes four to six eyes can appear on stelae, differing in form and technique of execution. This fact along with an identification with luminous celestial elements conveys a sense of an all-seeing and omniscient deity. The semi ovals representing nostrils is the firmament scheme in a vertical projection. The use of such a sign identifies its breath with the wind of the middle world. The mouth of a deity not only equates the jaws of an animal in the lower tier of stela, but can also be depicted as a frightening animal with fangs and bared teeth.

The sequence of images in composite view is complex, was perhaps not accidental, and can be correlated with stages in the development of the world. During the first stage, all parts of the future universe are enclosed in the world egg. During the second stage, the sky separates from the earth and results in the creation of space constructed along binary oppositions. For instance, the top and bottom of the stelae is one such opposition, as well as the center and periphery. Male and female elements are opposed in the symbolic structure of the stelae. Signs which can be considered female (breasts, a pregnant stomach) occur in the earthen region, the bottom half of the stone. On the top half, similar elements are never represented while phallic forms are. Therefore, the metaphorical identity of the sky is male, and the earth, female.

Images on some stelae are grouped so that they

appear together as a single being: the central face a head, the upper half — a high headdress, the lower part — the body. In another variantion, the entire stone appears as the body of a giant snake whose mouth occurs in the lower part of the stelae. However, the majority of stelae lack anthropomorphic or zoomorphic elements and may correspond to the image of a world mountain or a long pillar which functioned as the axis of the universe dividing earth and sky. Another symbolic image of the world mountain might also be indicated by the conical headdress. All Okunev stelae of the classical type which have a composite axis on the narrow side can appear as the ritual equivalent of the world mountain which was of great importance to the world model of the Okunev.

Other details of Okunev stelae are also posited metaphorically. Even the representation of such a simple object as a weapon carries visual metaphors. The depiction of a spear can have a stone or bronze head, and its staff can be the coiled body of a snake. The tip of a realistic shaft or spearhead can fork out into the tongue of a snake. The identification of a spear with a snake, undoubtedly, strengthens the weapon's symbolic potential rendering it more lethal. The association of stabbing (weapon) with biting (snake) had not only occurred to the Okunev, but also to other ancient peoples whose languages preserve the relationship. In Russian, for example, the edge of a spear is called a «stinger.» On two Okunev

stelae, bull horns, the terrible natural weapon of some real and mythical animals, are represented on each side flanking a spear on two Okunev stelae. As a result the spear not only becomes even more formidable, but also resembles a trident. The trident is a rare weapon which first appeared as an attribute of some deities from Indo-European mythology. The Okunev semblance is close to the Shivaite trident because of the form of its lateral edges which curve like the horns of a bull.

Female figures with bent knees parted on each side are significant images in Okunev art. The signs of pregnancy and the presence of animal claws and paws on some figures link them to a mythological character, a mother goddess known in many cultures. In one image, the goddess gives birth to snakes. Okunev goddess images have been connected to a ceremony of animal fertility and flora invoked for protection. Details such as long hair, rings and earrings correspond to small bone images of female faces and the images on stone stelae. However, to refer the iconography of two different representations to one deity is hardly correct. In the Okunev ritual-mythological system there may have been a number of female deities who performed different functions, such as those described in the mythologies of India, Greece and the Near East. The pose of Okunev goddesses resemble those known in the Near East from extreme antiquity.

The Sun and Snakes

Among the images on Okunev stelae are characters with multiple lines emitting from the head upward and to the sides. The Okunev imagined a deity of the sun or of the morning dawn, the head of whom was identified with a solar disk and the hair with solar rays. A similar description of the sun as anthropomorphic with radiating light operated in different ancient mythic-poetic traditions. For example, early Hindu texts describe the sun deity with epithets such as the «Lord of Hot Rays», the «Lord of a Thousand Rays», «Radiating Shininess», and «Golden Haired». 15

In some images, the linear rays of figures combine elements of a human being with a bird. In other images, they are placed where bird wings and a tail would occur, setting up the identity of a feathered bird. Such symbolic metaphors are closely connected in the formulation of deity as

bird and some mythological systems. Perhaps the most graphic illustration of such a creature occurs on slab carvings from the Tas Hazaa burial ground which shows a human body with the head of a predatory bird. Representations of gods in the image of birds are widespread in the world. In various cultural traditions, the sun has been identified with a bird.

On most of the stelae, a deity's head is deeply sunken into the shoulders which resemble the two mythical hills — behind the hill of the east the sun rises in the morning, and behind the hill of the west, the sun sets in the evening. The deity's face is divided into two circles correlating to an upper world and an underworld, and resembles a rising sun with half of the disk underground.

The sun's disappearance can be explained in myth as being swallowed by a snake or a dragon

that fuses characteristics of a snake with a predatory animal. The most detailed picture of the head of such a dragon was carved onto a stela from the Tibik stream. On another stela near Ankhakov district, a similar dragon type has a schematic snake body. The snake-like dragon is positioned vertically with an open mouth on a deity's body. The mouth is placed just at the point where the triangular collars of a robe would have appeared. The snake radiates light. A circle symbolizing the sun is represented in its mouth. On the Ankhakov stelae below the deity's shoulder-hills, naturalistic depictions of snakes were carved with long protruding stingers. The rhythmical curve of their bodies repeat the circular form of the snake's mouth shown under the head. Snakes can symbolize the recurrent appearance and disappearance of the sun in the sky. In total, eleven such circles are present and correspond to the number of days in which the solar year is longer than the lunar year. The number of rays on the deity's head is 22 or the number eleven doubled, and also has a calendrical value. During ancient times in order to base the measurement of time by moon and solar cycles, every year in the lunar calendar had to adjust by the addition of a thirteenth month consisting of 22 days. In this way, the lines emitting from a head not only can represent solar rays identified with the long hair, but also symbolizes a particular unit of time affiliated with the solar cycle.

Special interest has been aroused by two large snakes flanking a figure on a stela from the Ankhakov district. They are remarkable in execution, the contour of each snake is formed by two separate snakes that are connected by transverse lines. A stinger protrudes from the head and midregion of both snakes, thus visually expressing the double and even triple strength of these snakes and their extreme danger and ability to inflict death. Perhaps these snakes or snake-spears were the terrifying weapons of the Okunev deity. The image from a stela remnant of the Es river favors such an interpretation. A snake with its head represented by the tip of a stone spear is held in the hand of a sun-head. The confluence of snake and spear imagery could indicate a particular kind

of formidable weapon only associated with the sun. Additionally, the spear tips also appear on the ends of the beams radiating from the deity figure. The aforementioned snake visages are associated with the early stage of Okunev art, and the rayed head with spearheads is associated with the classical phase. The symbolism of spearheads instead of solar rays opens a metaphorical association between light rays and sharp weapons. Such a metaphorical analogy has been made by many cultures. The words for arrow and solar ray in Iranian, for instance, are conveyed by one word with the dual meaning. In Selkup folklore lightning is described as a fiery arrow. The Buryats associate lightning with a spear or arrowhead. In the Rig Veda (1700-1100 BC) and in the Sanskrit epic numerous metaphors link the concepts of spears, darts and arrows with rays of light or lightning.16 In its turn, Okunev culture identified the thrust of a sharp weapon with a bite of a snake. A direct conflation between a ray of light with a snake is present by drawing of a deity's face from Shalabolino: beams radiating from it fork at the terminals into snake tongues. Such images reveal a warlike spirit of character, and in many respects maintain the close connection between that spirit and snake imagery. For example, in the Summerian and Akkadian compilations of the Epic of Gilgamesh (2150-1000 BC) the sun is victorious over monsters and battles with various enemies from ancient Egyptian myths. In the Rig Veda the sun god also transcends darkness, and the people address the sun god for protection from illnesses and enemies.17

In creating the Okunev gods, such visual metaphors and attributes can be considered as praise of the exact qualities and abilities of a deity to which people appealed during ceremonies. Possibly, deities were asked to demonstrate these particular qualities and abilities. In essence, one could request the deity to blaze in the sky, grant light, banish darkness, overturn enemies and to sustain the normal rhythm of nature. Such requests correspond fully to seasonal ceremonies for which the Okunev stelae were regularly and obviously created.

Symbolic World Order and the Mythical Predator

A widespread symbol in Okunev petroglyphic art is the pointed square inscribed by a circle. Due to

its simple and harmonious structure, the symbol was easily absorbed during the modern history of

Khakassia. Nowadays the symbol is the significant element on the flag and the top element on the coat of arms of the Khakass republic. The traditional Okunev symbol in circular or quadrangular form is referred to as solar. However, this explanation may not be completely accurate.

Okunev art does not visually indicate space but concentrates only on the distance of visual objects from an observer. Okunev art, however, is focused on reproducing a complete conceptions of objects. Using the terminology of geometry and technical drawing, the Okunev sculptural method is based on orthogonal projections. In this system, the space is conveyed only by viewing objects from a perspective on top of the object around a certain central element. For example, in order to depict a cart, the wheels would be drawn as if splayed in silhouette, fully rounded. This is precisely how a cart was rendered on the Mount Tepsei. The same approach can be used to explain the Okunev solar sign. Rather than convey the sun and its beams, it presents a scheme of the world. The peaked edges of the square, as orthogonally rendered shapes, refer symbolically to the four world mountains whose mythic content correlates to the four parts of the world. They are placed around a circle or a square which symbolically refers to the sky (circular horizon) or the earth (square), both of which demarcate the edges of the world. Modeling the edges of the earth, quadrangular forms also constitute the enclosure of Okunev kurgans. Consequently vertical stones appear in the corners of some enclosures and correspond to rayed symbols. In some enclosures the corners are connected with a burial structure centrally located among diagonal masonry. Such forms seemingly relate to the four lines inside some objects. Objects that appear along the edges of the world have a protective and guardian function, safe-guarding the world from various dangers. Comparable models of the world with four mountains or deified guardians oriented to the cardinal directions are well accounted for in the ancient myths of India, China, Egypt and Mesopotamia. A later and obvious graphic manifestation of similar conceptions about a world structure is evident in Buddhist Mandalas.

The center is a vitally important part of the symbol in circular and quadrangular with rays. In various mythological systems the center of the world was attributed with maximum sacral power, the origin of order and the place of creation. Perhaps the Okunev people had the same conception. This can be judged by the complex three tiered compositions of the stelae, the center of which

is occupied by a representation of the world egg. Besides the center of the symbol might be referred to by another similar sign of smaller size, visually appearing as a microcosm and origin of the entire image.

Apparently the structure of the rayed circlesquare reflected not only the idea of spatial organization, but also of time. This resulted from the close association of light with the phases of a day and with the seasons of the year in ancient consciousness. Therefore, four rays have the potential to model both the spatial and temporal structure of the world: the four parts of days, months, and years. Sometimes on each side of the peaks, horns are represented, and the number of elements along the perimeter amounts to twelve. Thus with regard to the temporal aspect, the symbols can be identified with the annual calendrical cycle. Outside of this cyclical composition, only the center, contextualized through a model of space and time, could correspond to the beginning of time.

The notions about a structure of space and time, as reflected by Okunev symbols, had an exceptionally important value for people during the early stages of societal development. Observations of the recurrence of natural processes have been understood as the basis for widespread ideas about a sacred world order during ancient periods. All natural phenomenon was considered to be regulated precisely and to be related to one system. Even the gods submitted to it, and the cultic practices were considered to be an integral part of this order. Related notions were expressed in the belief systems of cultures that were in close geographic and historical proximity to the Okunev. Examples which engage similar notions are related by the terms for cosmic law, *rita* ($\Box t\tilde{6}$ -) and *asha* ($a\Box \tilde{6}$ -) of the Rig Veda and the Avesta.¹⁹ Connecting the major parameters of the world as a well ordered whole, the Okunev image of the rayed circle-square can be considered, perhaps, as a graphic sign embodying typologically similar ideas. The presence of elements on the anthropomorphic faces of some Okunev signs indicates a deification and personification of Okunev cosmic law. The Okunev deification of cosmic law corresponds with the same process among other people.

The most typical location of the rayed circle-square symbol is on the front bottom portion of a stela. This part of a stone is connected with the underworld. Here the symbol combines images of a pregnant abdomen and the gapping mouth of a mythical predator. On stela from Bele lake, half of the symbol is hidden inside the mouth and can be

perceived as a predator swallowing or belching up the symbol. Usually the predator's mouth seems like that of a bear or a snake. The most complete drawings of such images contain the body parts of animals who represent all three levels of the tripartite world, i.e. snakes, bears, bovines and birds. Each of them are given characteristic qualities. From a composite relation between a predator and circle-square symbol, the predator can be considered an embodiment of a threat to the world order and simultaneously as its keeper and founder. Notably, similar aspects exist between the cosmic law and the god Varuna in the Rig Veda.²⁰ When three of the rayed circle-square symbols occur on the sides of stelae, they correlate to the three levels of the universe.

Conveying a world order by its structure, Okunev symbols could be metaphorically identified with the sun. This is clearly evident in the link between the cycles of nature and the movements of the stars. The circular form of the majority of Okunev symbols also supposes a comparison with the sun. A similar understanding of cosmic law exists in the Rig Veda by identifying the way of rita with the way of the sun and naming the sun a rita face.²¹ In the context when the circle-square occurs on the bottom portion of a stelae, the sun resting underground at night might be indicated. And the composite link between circle-square symbol and predator can also be considered as a variant on the archaic myth about an animal's pursuit of celestial spheres which enact the changes between day and night and the eclipses.

On the whole, the older Okunev deity as a ter-

rifying mythical predator appears as the guarantor of the orderly change of the regular phases of world order. The deity's link to cycles of time is shown also in the use of sacred calendrical numbers in the structure of such images.²² On stela from the vicinity of Askiz, fuller calendrical notions have found reflection in the representations of predators. In particular, on the croup of the lower animal, near the tail, seven short lines were pecked out and symbolize the number of days in a week. On the animal's spine there are 52 similar lines corresponding to the number of weeks in a solar year. On the breast and abdomen of the animal, there are twelve lines equal to number of months in a year. However 52 weeks are short of a true solar year by one day. For two years this divergence is two days. Perhaps this was meant by the two short lines between the front feet of the beast. Using the combination of numbers presented by the image, it would be possible to calculate the repeated approach of the retrograde moments of the solar calendar — the days of the solstice and equinox. On the same stela, but on the back of the upper predator only 22 lines were pecked out. This is also a very important calendrical number. This was necessary for reconciling an account of days by the cycles of the sun and moon, since it corresponds to the quantity of days by which the two years were longer in the solar calendar than in the lunar. All this knowledge of lunar and solar cycles was essential for the ancient inhabitants of the Minusinsk basin for the timely fulfillment of various ceremonies.

The Ritual Function of Okunev Stelae

For modern people living at a time when monumental art is created almost exclusively to ornament the interiors of buildings or squares of cities, it is difficult to comprehend the logic of ancient people in spending a lot of effort and time to engrave an image on a boulder and then to erect it on the open steppe. During those distant eras graphic activity was not limited only to aesthetic function. Certainly, ancient sculptors did not work diligently on stone for the purpose of gathering their fellow tribesmen for the presentation of a sculpture while receive admiring responses and the approving reviews of art critics. In those days the creation of works of art had been closely connected with magic and ritual. Okunev stelae were

erected in the steppe approximately for the same reasons that temples, even now, have been built. The cultic character of the stelae is reliably proved due to the excavations of several ancient sanctuaries on which all of them were once located. True, the stelae that have remained in their original locations are few. The majority of them were reused as a building material for the construction of kurgans and funerary objects of later periods.

Studies of Okunev sanctuaries carried out from 1970 to 1972 under the direction of L.R. Kyzlasov in an expedition of Moscow State University, named after M.V. Lomonosov, revealed the existence of a strictly regulated ritual of their installation and use.²³ All stelae were originally oriented

with their fronts facing the direction of the rising sun. Before the installation of a stela, parts of sacrificial animals were place on the bottom of a pit prepared for the sacrifice. Usually, this was the pelt and head of a young lamb, sometimes other parts of the same animal, and also the bones of a horse, elk or bear. The stela foundation was strengthened with stones. Every stela was accompanied by an altar on the south and included another pit filled densely with stones. Bones of sacrificed animals have also been found under and between the stones. According to the age of sacrificed lambs, N.V. Leontev managed to establish a construction time for the sanctuaries.²⁴ Usually the animals were three to six months in age. Therefore, taking into account that lambing season for the traditional cattle breeding economy was from the end of March to the first half of April, the creation of sanctuaries falls on the most significant dates of the ancient calendar which mark the seasonal and annual phases of change — the days of the summer solstice and autumn equinox. Judging by the orientation of the stelae, they were erected in the morning soon after sunrise.

By raising stelae, the winter solstice and spring equinox were also correspondingly observed. Due to the frozen soil, carrying out excavations during these times of the year could be complicated, so perhaps in preparation for these observed days, the Okunev created stelae, which did not require digging. Deities' faces were pecked out on the broad side of a slab, and would occupy almost the entire height of a slab. The stelae were made to carry

out a singular calendar ritual, after which they, like orally performed prayers and spells, lost their meaning. After a ceremony, the stelae could be used for new pictures or were broken and utilized as building material for burials. The fundamental and initial image on stelae were created for large collective seasonal ceremonies. Sometimes, the same stone could be reused after a while to display images intended for a ceremony involving the entire community. Secondary drawings, however, can be distinguished often by their small scale and less intensive execution. They could be part of the appeals to gods for less prominent matters such as healing. Some images could have been made particularly for funerary ceremonies.

The cultic value of summer as opposed to winter stela, might have lasted longer, although it would have been limited by calendrical terms. Additional calendrical dates having a new significance could enact the creation and installation of new stelae. The most complex form of stelae, usually compiled of pillar forms with a three-layer composition, could have symbolized the renewed world, glorifying its main principles and major gods, magically connected with the continuity of ritual that favored a strengthening of the sacred world order and well-being of community. The world egg image inscribed on such stelae reveals in general that the Okunev identified the start of each new calendrical cycle and all of its periods with the origin of time. A new cycle would renew the origin of the world and its events.

Okunev Art in Eurasian History

The variety, complexity and expressiveness of Okunev art creates a most indelible impression and appears to be an exclusive phenomenon. Embodied in stone, its extraordinary rise embodied in stone has no previous or subsequent analogues in the history of the Sayan-Altai region. In many respects, the special role attributed to artistic petroglyphic monuments was exclusive to Okunev society. Functionally, Okunev stelae are similar to religious hymns and prayers since their graphic text was not addressed to the people but to the gods and other superhuman forces. They were oriented on venerating mythological personages, and in order to get a response, collective effort was required.

The function of images influenced directly the

content and visual techniques of stelae. Among those of the later period, a major role was played by metaphorical identifications in polysemantic images. This creative method consisted in using the image of one object instead of another and under different rules that gave it a new quality. Identification of parts of the body, sense organs, details of the clothing of a deity with objects and natural phenomena (for example, an eye as a sun, a high headdress as a mountain) were most widely used. At times, one visual detail or attribute could be identified with several objects simultaneously, and clarifying all levels of meaning would represent a challenge. The same graphic metaphors are frequently repeated on different stelae and reflect parallel traditions which in folklore are stable formulas describing certain deities, including whole sets of epithets glorifying them. Probably, in Okunev traditions, the enumeration (or representation) of a deity's epithets and attributes was an important part of ritual veneration and was of significant practical value.

Typologically, images on Okunev stelae can be compared with Vedic hymns, which are related chronologically. Vedic hymns also focus on eulogies for deities and list a deity's significance by means of metaphors and epithets in an already poetic character. The major features of Vedic hymns are the multiple interpretations for one image, the existence of hidden meanings, and a playing with meanings.

According to the notions held by the creators of the Vedic hymns, the more skillful and polysemantic a hymn, the more able it is to draw the attention of a deity and win its favor. This generated the aspiration for constant perfection and for a formal complexity that could convey the canonical plots. Analogous notions and aspirations could have become, apparently, one of the main reasons for the remarkable variety and individuality of Okunev images. Such an explanation correlates also to the general direction in which Okunev images developed: from the relatively simple images of the early stage, to the extreme complexity of the classical stage and the unrealistic representation of the late stage.

Besides their related periods, functional affinities, and similar construction, the typological parallels between Okunev images and Vedic hymns also arise from another basis in the economic affinities and lifestyles of their creators. There is nothing surprising about this, since, after all, Okunev culture did not exist in isolation. Related cultures existed in the Altai mountains, Tuva and Mongolia. Rock art that appears related to the images of Okunev deities extend into the northwest areas of China and into the upper courses of the Indus river. Hence, the ritual-mythological notions of the Okunev were a part of wider phenomenon on the scale of Central Asia and even of Eurasia.

Unfortunately, there is a scarcity of sources by which it is possible to judge the lives of the cattle breeding cultures of Eurasia in that distant period. The basic primary texts are the Rig Veda (1700-1100 BC) and Avesta (1000-330 BC) left by the peoples of northern Hindustan and the Iranian plateau. These sources depended on an oral and written method for passing information which had its positive points, but also had its

drawbacks. For instance, the method does not allow for clarification on the images of deities, their attributes and subjects, and does not describe the features of material culture.

In these respects, the cultural-historical value of Okunev stelae are absolutely exclusive. Firstly, they reflect fully and systematically the ritual-mythological conceptions of the early cattlemen of the eastern Eurasian steppe. Secondly, as visual monuments, they are distinct from the literary works of the Rig Veda of the Indo-Aryans and Avesta of the ancient Iranians and are independent sources in themselves. They allow, most importantly, a view into the culture from an essential different perspective and allow one to understand, and, in a literal sense, to see its aspects. Thirdly, Okunev monuments embodied the culture of their time more authentically and objectively than comparable Indian and Iranian literary texts since then had not been modernized and altered which is inevitable when information is transferred from generation to generation in an oral tradition. Fourthly, studying visual metaphors allows one to reconstruct poetic metaphors, while the epithets used in parallel oral texts have not yet come down to us. In the long term, recovering such metaphors will allow us to conduct comparative-historical studies and to come nearer to solving the problem of the Okunev language group. All of this helps us to realize that the Khakassian stone stelae are not only masterpieces, but also an all-important source of history and culture for the ancient, prehistoric people of Khakassia and Central Asia.

Okunev art and its ritual-mythological representations had a great influence on the visual traditions and cultures of other people. For instance, there is a distinct link between Okunev art and the art of a later period stemming from the powerful Eurasian cultural phenomenon of the Scytho-Siberians.²⁵ This attests to Okunev heritage or the general roots of this tradition, and, probably, an ancestral relationship between the Okunev with the Eurasian Scythian world. Mysterious analogies exist between the internal composition of the Okunev facial images and the posthumous portraits of colored plaster sculptures of the Hunno-Sarmatian culture recovered from the Minusinsk basin.²⁶ Additionally, there are numerous parallels with ritual-mythological representations and the vestments of Siberian shamans. Some researchers consider that the details from images on Okunev stelae can be read as elements of the ancient shamanic costume. Such a costume included a high conical cap with ribbons and horns, a chest plate of animal teeth, pendants in the shape of serpents, and face painting or mask in the form of an animal, bird or other beast.²⁷ All of this makes one to look at the Okunev stelae drawings from a viewpoint of the prehistory of Siberian shamanism. Simultaneously such visual details are comparable to the costumes and appearance of Buddhist

deities, particularly the vestments of participants in the Lamaist Tsam ceremonies.²⁸ Thus, Okunev art appears at a crossroads of the various primary problems of Eurasian ancient history and culture. Perhaps it is exactly in Okunev art that the answers to many currently unresolved questions can be found.

Eternal Stones

Eternal Stones. The first of the scholars, who found, examined and sketched several Okunev stelae and recorded legends connected with them, was the scientist and explorer Daniel Gottlieb Messerschmidt. At the beginning of the eighteenth century and by order of Peter the Great, Messerschmidt arrived in Khakassia to carry out a comprehensive study of the extensive steppe region, which had recently become a part of Russia. Even then, he paid attention to the fact that the local population worshipped these stone idols, and was fully aware of their idols' ancient origin. Particular respect was paid to those stelae resembling female figures.

In last time many Okunev stelae have been transported to museums to ensure their preservation. The largest collections are held by the Khakassia National Regional Museum named after L. R. Kyzlasov, the Minusinsk Museum named after N.M. Martvanov, and the State Hermitage Museum. But in 2003, one of the most esteemed Okunev sculptures, Ulug Khurtuyakh Tas («the big old stone woman»), was reinstalled in its former location on the Sagai steppe from Abakan in fulfillment of a request by the people of the republic. In order to protect the stelae from the destructive elements of winds and an atmospheric precipitation, a glass yurt had been constructed around it. As travelers of the eighteenth century and later scholars have noted, the old stone woman was considered the ruler of the souls of both people and animals: men appealed to it to receive good luck for hunting, and women asked it about the birth of children. A reference to the stone described a veneration ceremony in the middle of the nineteenth century: «Leaving via animal transport or passing nearby, foreigners approached the old stone woman with bows, pouring it milk and arak (wine derived from milk), and they slathered sour cream and fat with such passion on the protruding, rough face of the idol with an opening for the mouth, that the mouth turned black from the greasy layer».²⁹ A rumor about the special power of the stone continues even now. Previously women suffering from barrenness would address the stela. In the past, it was considered necessary to go to the old stone woman to feed her rich sour cream and bring her a gift, and inquire sincerely about the birth of a child. Presently, many believe that the stela helps people. The local residents of the Askiz region attribute their growing birth rate of the last few years to the return of Khurtuyakh Tas. Visitation to the stela has become a tradition among newly married couples.

Today, Okunev art is experiencing a unique revival. Thanks to the work of several generations of researchers, a significant layer of ancient culture returns to life and has became a part of modern culture. New data and materials of this visual tradition are accessible now to a wide circle of the most diverse people. The imagery of Okunev art appears in use as a symbol of the rich history and culture of Khakassia, constantly used in various albums and booklets, presentations, mass communication and souvenir production. But with what can such great interest toward the heritage of a distant and past period be connected?

Most likely there is some kind of enormous mystery in these unique steppe stelae. The mystery had issued from its own roots in the depth of the centuries and is connected with the experience of comprehending the world through many generations from the dawn of human history. The desire to understand the stelae, or at least to touch them, will always attract our attention. Thanks to the mystery, we can peer steadily again and again into the ancient images vaguely sensing our ancestral connection with them, and can preserve a remarkable country in the soul — the Khakassian steppe, inhabited by ancient gods.

REFERENCES

- 1.A.V. Gromov, "Antropologicheskie osobennosti naseleniya okunevskoi kultury," Problemy izucheniya okunevskoi kultury (Saint Petersburg: 1995), 70–74.
- 2.G.A. Maksimenkov, "Okunevskaya kultura v Yuzhnoi Sibirii," Novoe v sovetskoi arkheologii (Moscow: 1965), 168–174. G.A. Maksimenkov, "Mogilnik Chernovaya VIII etalonnyi pamyatnik okunevskoi kultury," E.B. Vadetskaya, N.V. Leontev, G.A. Maksimenkov, Pamyatniki okunevskoi kultury (Leningrad: 1980), 3–26. E.B. Vadetskaya, Arkheologicheskiye pamyatniki v stepyakh Srednego Eniseya (Leningrad: 1986), 27–40.
- 3.E.B. Vadetskaya, "Izvayaniya okunevskoi kultury," E.B. Vadetskaya, et al, Pamyatniki okunevskoi kultury, 49–56.
- 4.Yu.D. Bonevolskaya, A.V. Gromov, "Morfologiya zatylochno-temennoi oblasti cherepov okunevskoi kultury," Okunevskii sbornik (Saint Petersburg: 1997), 288-293.
- 5.A. Nagler, G. Partsinger, "Novie pamyatniki okunevskoi kultury v tsentralnoi chasti Minusinskoi kotloviny," Okunevskii sbornik 2: kultura i ee okruzhenie (Saint Petersburg: 2006), 118.
- 6.N.V. Leontev, "K voprosu o zemledelii u plemen okunevskoi kultury i ego otrazhenii v iskusstve," Voprosy drevnei istorii Yuzhnoi Sibirii (Abakan: 1984), 29–32. A. Nagler, "K voprosu o tipe khozyaistva nositelei okunevskoi kultury," Pervobytnaya arkheologiya. Chelovek i iskusstvo (Novosibirsk: 2002), 151–155.
- 7.N.V. Leontev, V.F. Kapelko, Yu.N. Esin, Izvayaniya i stely okunevskoi kultury (Abakan: 2006), 14.
- 8.L.R. Kyzlasov, I.L. Kyzlasov, "Raboty v severnoi Khakasii," Arkheologicheskie otkrytiya 1984 goda (Moscow: 1986), 186–187. I.L. Kyzlasov, "Voploshcheniya vselennoi," Istoriko-astronomicheskie issledovaniya, no. 21 (Moscow: 1989), 193–212.
- 9.A.I. Gotlib, "Gornoe poselenie Chebaki," Sve gorniye sooruzheniya Minusinskoi kotloviny (Saint Petersburg: 2008), 38–87.
- 10.N.V. Leontey, et al., Izvanaiva i stelv, 14.
- 11.N.V. Leontev, "Antropomorfniye izobrazheniya okunevskoi kultury (problemy khronologii i semantiki)," Sibir, Tsentralnaya i Vostochnaya Aziya v drevnosti: Neolit i epokha metalla (Novosibirsk: 1978), 88–97.
- 12.Yu.N. Esin, "Ob afanasevskom komponente v okunevskom naskalnom iskusstve Minusinskoi kotloviny," Trudy II (XVIII) Vserossiiskogo arkheologicheskogo sezda v Suzdale (Moscow: 2008), 21–24.
- 13.M.L. Podolskii, "O mirovozzrencheskikh osobennostyakh sibirskogo izobrazitelnogo iskusstva epokhi bronzy (okunevskie lichiny)," Mirovozzrenie narodov Zapadnoi Sibiri po arkheologicheskim i etnograficheskim dannym (Tomsk: 1985), 111–114. l.L. Kyzlasov, "Lik Vselennoi (k semantike drevneishikh izvayanii Eniseya)," Religiozniye predstavleniya v pervobytnom obshchestve (Moscow: 1987), 127–130.
- 14.I.T. Savenkov, Raznye baby. Kurganny kamen s simvolicheskoy golovoy (Minusinsk: 1910).
- 15. S.L. Neveleva Mifologia drevneindiyskogo eposa (panteon)(Moskow: 1975), 89; RV, I, 50: 8; X, 37: 9; X, 139: 1.
- 16.Yu.l. Ozheredov, "Sakralnye strely yuzhnyh selkupov," Priobje glazami arheologov i etnografov (Tomsk: 1999), 87-89; RV, I, 168: 5; Ramayana, VI, 102.
- 17.RV, X, 158: 1; X, 170: 1-2
- 18.Yu.N. Esin, "Solntsegolovye' izobrazheniya v ranneokunevskom iskusstve Minusinskoi kotloviny," Trudy Sibirskoi assotsiatsii issledovatelei pervobytnogo iskusstva, Vypusk IV: Tropoyu tysyacheletii: k yubileyu M.A. Devlet (Kemerovo: 2008), 81–98.
- 19.R.N. Dandekar, Ot ved k induizmu: Evolyutzioniruyuschaya mifologiya (Moskow: 2002), 113–114; V.N. Toporov, "Vedijskoe Rt`a-: k sootnosheniyu smyslovoy struktury i etimologii," Etimologiya 1979 (Moskow: 1981), 139–156.
- 20.R.N. Dandekar, Ot ved k induizmu: Evolyutzioniruyuschaya mifologiya (Moskow: 2002), 114; Keyper F.B.Ya., Trudy po vediyskoy mifologii (Moskow: 1986), 32–33. 21 RV. VI. 51: 1.
- 22.N.V. Lenotev, "Sakralnye kalendarnye motivy v okunevskom iskusstve," Mezhdunarodnaya konferentsiya po pervobytnomy isskustvu. Trudy. T. 2 (Kemerovo: 2000), 143–149.
- 23.L.R. Kyzlasov, Drevneishaya Khakaiya (Moscow: 1986), 85-135 and 190.
- 24.N.V. Leontev, et al., Izvayaniya i stely, 14-15.
- 25.See, for example, Ya.A. Sher "O vozmozhnykh istokakh skifo-sibirskogo zverninogo stilya," Voprosy arkheologii Kazakhstana (Alamaty and Moscow: 1998), 225 and 227.
- 26.N.Yu. Kuzmin, "Okunevskii kod v semantike tesinsko-tashtykskoi raskraski masok," Okunevskii sbornik 2: kultura i ee okruzhenie (Saint Petersburg: 2006), 343–351.
- 27.E.B. Vadetskaya, "Izvayaniya okunevskoi kultury," E.B. Vadetskaya, et al., Pamyatniki okunevskoi kultury, 74–76. N.V. Leontev, "Antropomorfnie izobrazheniya okunevskoi kultury (problemy khronologii i semantiki)," 107–118.
- 28.The similarity between the faces of Lamaist gods and the anthropomorphic faces of the Okunev area in the territory of Tuva has been pointed out. See, for example, M.A. Devlet, Pamyatniki na dne Sayanskogo morya (gora Aldy–Mozaga) (Moscow: 1998): 256–263. E.G. Devlet, M.A. Devlet, Mify v kamnye: mir naskalnogo iskusstva Rossii (Moscow: 2005), 367–382. In large measure, similar parallels effect Okunev imagery of the Minusinsk basin.
- 29.N.A. Kostrov, "Spisok kamennym izvayaniyam, nakhodyashchimsya v Minsusinskom okruge Eniseiskoi gubernii," Vestnik imperatorskogo russkovo geograficheskovo obshchestva (Saint Petersburg: 1854), ch. 10, 73.

Хронологическая шкала Chronological Scale	Геологические эпохи Geological Ages		Археологические и исторические эпохи Archaeological and Historical Periods			Основные археологические культуры Primary Archaeological Cultures	Происхождение названия культур Origin of culture names
1703		Голоцен — Ноюсепе	Эпоха железа – Ігоп Аде	Средние века Medieval Period	Позднекыргызская эпоха Late Kyrgyz Period	- Аскизская – Askiz Чаатас – Chaatas	р. Аскиз Askiz river
1207					Древнекыргызская эпоха Ancient Kyrgyz Period		Хакасское название курганов определ. вида Khakass name for certain barrows
500				Хунно-Сарматская эпоха Hunnic-Sarmatian Period		Таштыкская — Tashtyk	Ручей Таштык Tashtyk stream
800				Скифская эпоха Scythian Period		 Тагарская — Tagar	Остров Тагарский на р. Енисей Tagar island
	Period		Эпоха бронзы Bronze Age	Поздней – Late		Карасукская Karasuk	Река Карасук Karasuk river
1400	- Quaternary F			Средней — Middle		Андроновская (федоровская) Andronovo	с. Андроново Andronovo village
1700	Четвертичный период (Антропоген) – Quaternary Period			Ранней — Early		Окуневская — Okunev	Улус Окунев Okunev Ulus
2400 3000				Энеолит — Aeneolithic		Афанасьевская — Afanasev	Афанасьева гора Afanasev mountain
5000				Hеолит — Neolithic			
10000	твертич			Meзолит — Mezolithic			
40000	Ah	Плейстоцен Pleistocene	Эпоха камня	Палеолит — Palaeolithic	Поздний Late	Афонтовская — Afontov Кокоревская — Kokorevo	Афонтова гора Afontov mountain с.Кокорево — Kokorevo village
100000					Средний Middle	Стоянка в гроте Двуглазка Site in the grotto Dvuglazka	
350000						памятники пока не обнаружены sites have not yet been found	
550000		Эоплейстоцен Eopleistocene			Ранний Early		
2600000		Эоп					

Место окуневской культуры в схеме периодизации древней и средневековой истории Минусинской котловины. Приведенные хронологические рубежи культур в большинстве случаев являются примерными и отражают основное время существования определенного типа археологических памятников.

Okunev culture located within a periodical scheme of the ancient and medieval history of the Minusinsk basin. The chronological boundaries of cultures have been approximated in most cases and reflect the main period for certain types of archaeological monuments.

Книга подготовлена и издана в сотрудничестве с предпринимателем, канд. физ.-мат. наук С.Г. Нарылковым и фотографом Б.В. Долининым. Автор искренне признателен им за постоянную поддержку своих усилий в изучении феномена окуневского искусства. Отдельная благодарность всем коллегам, сотрудникам музеев, помогавшим в работе с материалами музейных собраний и архивов.

При подготовке книги использованы фотоснимки, эстампы и рисунки, полученные автором в ходе работы с материалами окуневской культуры из коллекций и архивов Хакасского национального краеведческого музея им. А.Р. Кызласова (г. Абакан), Минусинского регионального краеведческого музея им. Н.М. Мартьянова (г. Минусинск), Государственного Эрмитажа (г. С.-Петербург), Российского этнографического музея (г. С.-Петербург), Красноярского краевого краеведческого музея (г. Красноярск), Института истории материальной культуры РАН (г. С.-Петербург), Музея археологии и этнографии Сибири им. В.М. Флоринского Томского государственного университета (г. Томск), Полтаковского музея наскального искусства (с. Полтаково, Аскизский район Республики Хакасия), Музея Улуг Хуртуях тас (Аскизский район Республики Хакасия), О.В. Шавыркина, а также в ходе работы с памятниками окуневской культуры и искусства, находящимися в степях Минусинской котловины.

Также при подготовке иллюстраций привлекались рисунки из следующих публикаций: Леонтьев Н.В., Капелько В.Ф., Есин Ю.Н. Изваяния и стелы окуневской культуры. — Абакан, 2006; Appelgren-Kivalo H. Alt-Altaische Kunstdenkmaler. Briefe und Bildermaterial von J.R. Aspelins Reisen in Sibirien und der Mongolei 1887-1889. — Helsingfors, 1931; Леонтьев Н.В. Стела с реки Аскиз (образ мужского божества в окуневском изобразительном искусстве)//Окуневский сборник. — СПб., 1997; Боневольская Ю.Д., Громов А.В. Морфология затылочно-теменной области черепов окуневской культуры//Окуневский сборник. — СПб., 1997; Миклашевич Е.А. Некоторые дополнительные материалы в связи с публикацией плит из могильника Лебяжье//Вестник Сибирской ассоциации исследователей первобытного искусства. — 2003/2004. — Вып. 6/7; Кызласов И.Л. Воплощения Вселенной//Историко-астрономические исследования. — М., 1989. — Вып. XXI; Кызласов Л.Р. Древнейшая Хакасия. — М., 1986.

УДК 903.27 ББК 63.4 (2) E83

Юрий Есин. Тайна богов древней степи.

Оформление: «Бюро Игоря Преминина» Фотографы Б.В. Долинин, Ю.Н. Есин, С.Г. Нарылков, Ю.В. Курочка, А.С. Купцов. Английский перевод — Б.Б. Остапюк, К. Свендсейд–Анг, Ю.Н. Есин.

Подписано в печать 30.10.2009 г. Формат 60x90/8. Усл. печатных листов 11,5. Печать офсетная. Тираж 500 экз

Издательство «Поликор» адрес